

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Научный журнал

№ 4 (17) 2015

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2015

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 4 (17) 2015

Редакционный совет

- Д. Андерсон, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Б.В. Базаров, член-корреспондент РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия)
Т. Гебел, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
К. Граф, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Россия)
Д. Зайкер, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Россия)
Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, профессор Дальневосточного федерального университета (Россия)
Р. Лазей, профессор Университета Альберта (Канада)
Т. Номоконова, кандидат исторических наук Университета Альберта (Канада)
А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Россия)
А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Россия)
Д. Эрдэнэбаатор, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

- Главный редактор** – П.А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)
Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)
И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)
А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)
С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Россия)
Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Россия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <http://ildt.istu.irk.ru/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – ежеквартально

Учредитель ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2015

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT
TECHNOLOGIES

Scientific Journal

№ 4 (17) 2015

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2015

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
№ 4 (17) 2015

Editorial council

D. Anderson, Professor, University of Aberdeen (UK)
B.V. Bazarov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russia)
T. Goebel, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
K. Graf, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russia)
D. Zyker, Professor, Boise State University (USA)
M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russia)
N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor of Far Eastern Federal University (Russia)
R. Losey, Professor, University of Alberta (Canada)
T. Nomokonova, PhD, University of Alberta (Canada)
A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russia)
A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russia)
D. Erdenebaator, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russia)
Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russia)

Reference to website: <http://ildt.istu.irk.ru/>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor)

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication – quarterly

Founder: FSBEIHE «Irkutsk National Research Technical University»

Address of the Publishers: 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2015

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 4 (17) 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Глушенко М.А., Дзюбас С.А. Палеолитическое местонахождение Крылатый в Среднем Приангарье 9

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Кичигин Д.Е. Археологические объекты северо-западного побережья озера Байкал: по материалам разведок 1996, 1998 и 2015 годов 15

Ушницкий В.В. Основные версии происхождения бурятского народа 52

ИСТОРИЯ

Наумов И.В. Развитие военно-морского искусства в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. 61

Греков Н.В. Разработка и реализация мер по охране железных дорог Сибири в 1914–1917 гг. 74

Ростов Н.Д., Горелов Ю.П. Прием беженцев в г. Иркутске и Иркутской губернии в годы Первой мировой войны 86

Горелов Ю.П., Ростов Н.Д., Ерёмин И.А. Вклад Сибири в обеспечение российской армии продовольствием в годы Первой мировой войны 90

Ганин А.В. Три жизни генерала Акулинина (часть 2) 97

Шекшеев А.П. Пасынок революции. Последняя страница в жизни сибирского партизана В.Г. Яковенко 128

Некролог

Память о нем вечна 133

Жизнь, прерванная на взлёте 134

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
№ 4 (17) 2015

CONTENTS

PALEOECOLOGY, STONE AGE

Glushenko M.A., Dzubas S.A. Paleolithic Site Krylatyi in the Middle Angara River Region.....	9
---	---

PALEOMETALL AGE

Kharinskii A.V., Emelianova Yu.A., Kichigin D.E. Archaeological Objects Northwest Coast of Lake Baikal: Based on Exploration in 1996, 1998 and 2015	15
Ushnitsky V.V. Basic version of the origin of the Buryat people	52

HISTORY

Naumov I.V. Development of the Naval Art in Russian-Japan War 1904–1905.....	61
Grekov N.V. Development and Realization of the Actions of Security of the Railways in Siberia in 1914–1917	74
Rostov N.D., Gorelov Yu.P. Admission of Refugees in Irkutsk and Irkutskya Guberniya in World War I.....	86
Gorelov Yu.P., Rostov N.D., Yereimin I.A. The Role of Siberia in the Provision of Russian Army in World War I.....	90
Ganin A.V. Three Lives of General Akulinin (Part 2).....	97
Sheksheev A.P. Stepson of the Revolution. The Last Page in the Life Siberian Partisan V.G. Yakovenko	128

Obituary

Memory of them lives forever	133
Life interrupted at takeoff.....	134

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 4 (17) 2015

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает и развивает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи специалистов различных учреждений России, а также наших зарубежных коллег. Тематика выпуска охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся далеким прошлым.

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству по научным направлениям:

- история,
- археология,
- этнология.

Редколлегия

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
№ 4 (17) 2015

Dear Readers!

We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

Present number is five such book of the series yearly editions devoted to research history of Baikalian Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues. Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Early Antiquity.

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration in the following fields:

- history,
- archaeology,
- ethnology.

Editorial Board

УДК 902

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КРЫЛАТЫЙ В СРЕДНЕМ ПРИАНГАРЬЕ

© М.А. Глушенко, С.А. Дзюбас

В отличие от сопредельных регионов в изучении Среднего Приангарья присутствует пробел между комплексами ранней поры верхнего палеолита и началом голоценового периода. Ситуацию меняет новое местонахождение Крылатый, содержащее каменную индустрию, направленную на ситуативное получение мелких пластин с любых подходящих форм и многообразных типов нуклеусов. Такая особенность затрудняет поиск соответствий внутри Байкальского региона, зато находит аналогии на Среднем Енисее. На основании их близости, а также технико-типологического облика индустрии, занимающей этап, предваряющий финальную стадию верхнего палеолита, местонахождение Крылатый предварительно отнесено между средней порой верхнего палеолита и финальным палеолитом.

Ключевые слова: Среднее Приангарье, верхний палеолит, сартанское оледенение, пластинчатая индустрия.

PALEOLITHIC SITE KRYLATYI IN THE MIDDLE ANGARA RIVER REGION

© М.А. Glushenko, S.A. Dzubas

Unlike the adjacent regions, the archaeological research of the Middle Angara River region has a specific lack of the data of timespan between the Early Upper Paleolithic and Early Holocene. The situation is changing by a new site Krylatyi, containing the stone industry aimed to obtain small blades with any suitable shapes from different types of cores. This feature complicates the search for matches within the Baikal region, but finds an analogy in the Middle Yenisei. On the basis of their proximity and techno-typological oblique of the industry addressing to the stage preceding the final stage of the Upper Paleolithic, the age of site Krylatyi is proposed between the Middle and Final Paleolithic.

Key words: Middle Angara River region, Upper Paleolithic, Sartan glaciation, blade industry.

Систематическое изучение палеолитических комплексов в Среднем Приангарье началось в 1970-х гг. и уже спустя десятилетие позволило создать периодизацию с тремя позициями, занимающими места от среднего палеолита до раннего верхнего палеолита и его заключительной части [Волокитин, 1982]. В дальнейшем в качестве финальной стадии верхнего палеолита был добавлен малочисленный комплекс с местонахождения Купреев ручей, содержащий только разнообразные резцы и продукты их расщепления [Волокитин, Инешин, 1991].

Пересмотр коллекции третьей хронологической позиции второй половины сартан-

ского оледенения привел к её удревнению до заключительного варианта «макаровского пласта» [Рыбин, Глушенко, 2014; Глушенко, 2013]. В результате наметился существенный хронологический пробел между каргинским межледниковьем и раннеголоценовыми комплексами. Возможно, отчасти кризис изучения второй половины верхнего палеолита Среднего Приангарья продиктован неподходящим для данной эпохи рельефом изученных районов, группирующихся вокруг либо сильно затопленных, либо почти не тронутых водохранилищами участков Ангары.

В связи с этим недавно найденный комплекс времени сартанского оледенения

достаточно важен для введения в научный оборот, тем более что по своим технико-типологическим особенностям коллекция нетипична для всего Прибайкалья.

Местонахождение Крылатый

Местонахождение Крылатый было открыто В.В. Семеновым в 1991 г., в 2003 г. обследовалось С.А. Дзюбасом. В 2010 г. под его руководством шурфовочными работами были предприняты попытки обнаружить материал в слое, в дальнейшем производились только подъемные сборы краеведом Г.С. Уткиным в 2012 г. и сотрудниками музея г. Братска М.А. Глушенко и М.В. Панюхиным в 2012–2014 гг.

Само местонахождение находится на левом берегу Братского водохранилища. С севера местонахождение ограничено хребтом Пороги, с юга водохранилищем, с запада и востока мысовидными выступами, образующими теперь небольшую удобную бухту. Высотные отметки памятника на сегодняшний момент – в пределах 94–97 м от уровня р. Ангары. Археологические материалы обнаружены в экспонированном состоянии на участке береговой отмели протяжением 100 м. Каменный инвентарь не имеет никаких следов корразии, общее его количество составляет 168 экз. Среди них: нуклеусы – 17 экз.; пластинки – 2 экз.; пластины – 27 экз.; отщепы – 114 экз.; технический скол – 1 экз.; обломки – 6 экз.; орудийный набор – 20 экз. Почти все изделия выполнены из песчанистого алевролита, небольшая часть (3 экз.) из кварцита.

Для расщепления в основном использовались крупные обломки песчанистого алевролита. В 500 м к северо-востоку от местонахождения, на южном склоне горы Пихтовой находятся выходы песчанистого алевролита, представляющие собой крупные обломки. Вероятно, для получения более правильных форм использовалось грубое скалывание крупных валунов, на что указывает наличие в коллекции шести изделий, представляющих собой крупные невыразительные обломки, имеющие множество бессистемных негативов, образованных вследствие не только снятий, но и дробления. Такие изделия, а также некоторые типологически выраженные нуклеусы

имеют крупные размеры и аморфную форму.

Площадки всех нуклеусов скошенные, образованы одним снятием со стороны фронта либо являются гладкими плоскостями. Среди причин прекращения расщепления можно отметить образование заломов по фронту и низкое качество сырья в следствии трещиноватости некоторых желваков.

Нуклеусы плоскостной системы расщепления насчитывают 6 экз. Одноплощадочных монофронтальных нуклеусов – 2 экз. Один из них изготовлен на крупной кварцитовой гальке и по облику схож с чоппером, имеет естественную площадку и негативы снятия отщепов. Второй экземпляр на последней стадии расщепления служил для получения пластин. Двухплощадочный монофронтальный нуклеус со следами снятия отщепов представляет собой крупный обломок (135 x 83 x 41 мм) аморфных очертаний, ориентированный поперечно. Вторую площадку имеет в качестве вспомогательной. У другого двухплощадочного монофронтального экземпляра присутствует дополнительный торцовый фронт, расположенный на узкой латерали. Вторая площадка для нуклеуса служила также вспомогательной. Среди кубовидных нуклеусов (2 экз.) первый экземпляр изначально использовался как поперечно ориентированный одноплощадочный монофронтальный нуклеус со следами снятия отщепов. В процессе утилизации на правой латерали была оформлена площадка, и расщепление велось на основании нуклеуса в качестве поверхности скалывания. Второй нуклеус характеризуется ситуативным разнонаправленным расщеплением, имеет три площадки и четыре фронта, несущие негативы пластин.

Нуклеус объемной системы расщепления представлен одним призматическим ядрищем с дополнительным фронтом скалывания для получения пластинок (рис. 1, 2). Форма ядрища пирамидальная. На грани между площадкой и контрфронтом образована дополнительная рабочая плоскость, с которой было получено несколько пластинок, расщепление велось с левой латерали.

Более представительны нуклеусы торцовой системы расщепления (10 экз.). Площадки их скошенные, образованы одним снятием, чаще всего с фронта. Ядрища имеют следы снятия пластин и микропластин.

Торцовые одноплощадочные монофронтальные нуклеусы (2 экз.) (рис. 1.4) изготовлены на желваках подходящих пропорций. Но левая латераль одного из них имеет несколько снятий со стороны основания нуклеуса с целью ограничения ширины поверхности скалывания.

У торцовых двухплощадочных бифронтальных нуклеусов (3 экз.) вторая площадка была образована с целью подправки фронта скалывания, вследствие многочисленных заломов. У первых двух нуклеусов одна из латералей покрыта множеством снятий для ограничения ширины фронта. Третий имеет довольно крупные размеры (108 x 99 x 43 мм), его латерали смежны под острым углом.

Торцовые нуклеусы на сколах (5 экз.) образованы на крупных узких отщепках. Площадки ядрищ, как правило, подготовлены одним снятием. В качестве площадок либо рабочих поверхностей служат фрагментированные участки сколов. На плоскости скалывания находятся негативы от одного до нескольких снятий пластин и микропластин. Основание некоторых нуклеусов, которым мог являться и проксимал скола (рис. 1.3), приострено бифасиальной разнофасеточной ретушью либо вентральной ретушью. К одноплощадочным монофронтальным нуклеусам относятся 4 экз. (рис. 1.1). Еще один экземпляр имеет две площадки и два фронта (рис. 2.1). Данный нуклеус образован на скребле с крутой дорсальной ретушью, обработанный по периметру и имеет негативы снятия пластинок. Первым фронтом послужила левая латераль, расщепление велось со стороны площадки. Вторым фронт образован на дистале, снятия велись с правой латерали. Вследствие частых заломов, утилизация нуклеуса была прекращена.

Серия сколов насчитывает 144 экз.

Технический скол (1 экз.) относится к сколу подправки фронта скалывания торцового нуклеуса со следами скалывания

пластин. Скол был сделан с целью устранения на рабочей поверхности последствия заломистых снятий.

Пластинки (2 экз.) имеют гладкие площадки и параллельную продольную огранку.

Среди пластин (27 экз.) целых насчитывается 11 экз. Преобладают гладкие (10 экз.) ударные площадки, 13 экз. имеют следы подправки карниза. Среди типов огранки дорсалов преобладает продольный (19 экз.).

Отщепы насчитывают 114 экз. Большая часть их относится к крупным (48 экз.), средних отщепов (3–5 см) 29 экз., 13 экз. относятся к мелким (1–3 см). Площадки у отщепов почти все гладкие, 19 экз. двух- и трехгранные, 2 экз. относятся к фасетированным. У 32 экз. фиксируются следы подработки карниза. Огранка дорсалов у большей части продольная (52 экз.), далее по убывающей – бипродольная (17 экз.), бессистемная (12 экз.), желвачная (8 экз.), перпендикулярная (5 экз.).

В орудийном наборе находится 20 экз. В основном орудия выполнены из отщепов (18 экз.), 2 изделия из кварцевой гальки.

Наиболее представительны скребла (12 экз.). Представлены различными типами: продольные выпуклые (6 экз.) (рис. 2.3); продольное прямое (1 экз.); поперечное прямое (1 экз.); поперечное выпуклое (1 экз.); с лезвием на площадке (1 экз.) (рис. 2.2); с обработкой по периметру (1 экз.); с утонченным обушком (1 экз.) (рис. 2.1). Изделия имеют дорсальную захватывающую ретушь. Ретушь на вентральной стороне фиксируется только у продольного прямого скребла. Из скребла с обработкой по периметру был образован торцовый двухплощадочный бифронтальный нуклеус. У одного продольного выпуклого скребла присутствует подработка противоположной лезвию латерали в виде короткого участка краевой ретуши. У другого скребла этого же типа на дистале присутствует вентральная ретушь. Скребло с утонченным обушком изготовлено из кварцита путем покрывающей бифасиальной обработки, вентрал оббит со стороны выпуклого лезвия, дорсал со стороны обушка.

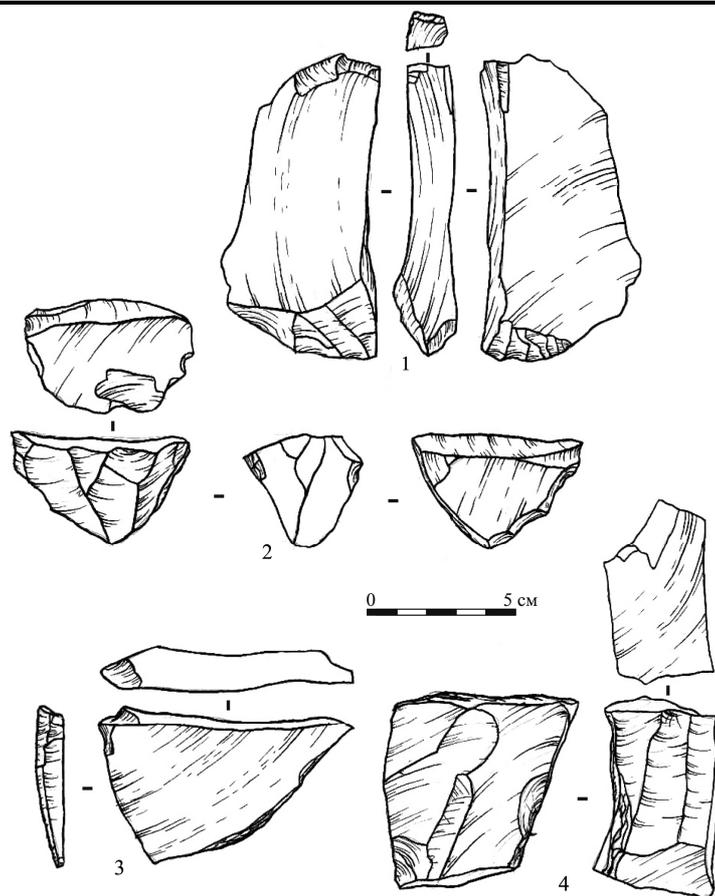

Рис. 1. Крылатый: 1-4 нуклеусы

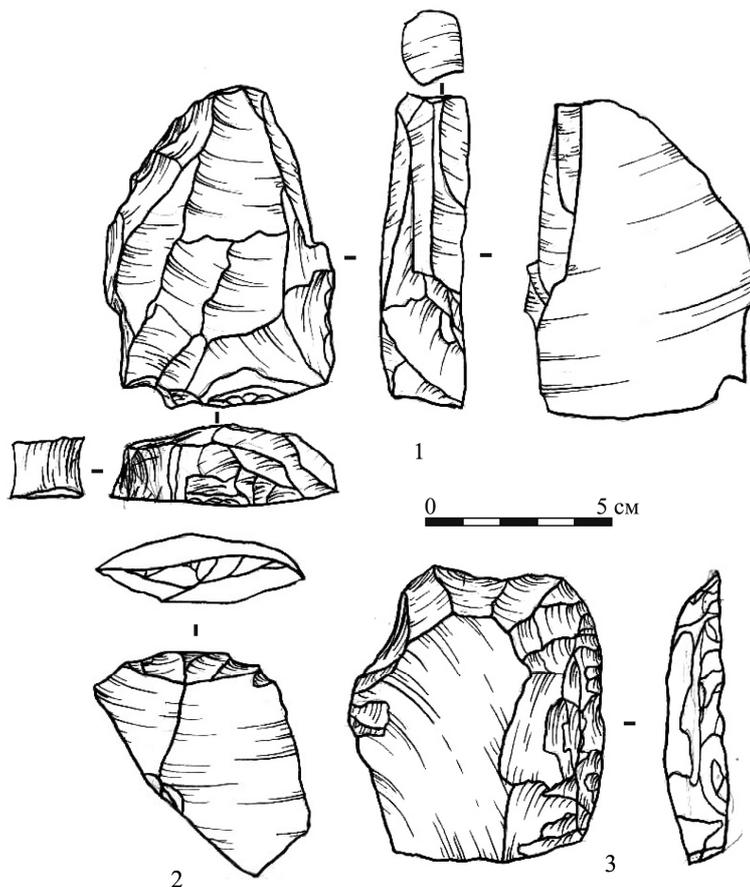

Рис. 2. Крылатый: 1 – нуклеус-скребло; 2, 3 – скребла

Скребки (2 экз.) относятся к концевым на отщепах. Образованы на коротких и укороченном отщепах, имеют в основном дорсальную ступенчатую ретушь. У одного экземпляра на лезвии нерегулярная краевая чешуйчатая ретушь.

Унифас изготовлен на фрагментированном отщепе. Дорсал полностью оббит ступенчатой ретушью. Частично присутствуют сколы с фрагментированной части.

Выемчатое орудие имеет выемку, образованную тремя снятиями на отщепе.

Ретушированные отщепы представлены 3 экз. Один предмет овальной формы имеет регулярную дорсальную краевую ретушь. Другой имеет вентральную краевую ретушь на небольшом прямом участке латерали.

Чоппер оформлен на продольно расщепленной гальке несколькими крупными снятиями.

Выводы

Количественное соотношение типов нуклеусов демонстрирует, что торцовая система расщепления является основной (10 из 17 экз.). В то же время она еще не имеет окончательно оформленного облика, о чем говорит типовое разнообразие торцовых нуклеусов. Обращает на себя внимание тот факт, что для получения мелких пластин, вне зависимости от изначального назначения предметов (орудия, сколы-заготовки), в качестве заготовок для торцовых нуклеусов использовались любые изделия, имеющие подходящие узкие грани.

В сравнении пластинчатости между нуклеидными формами и сколами присутствует несогласованность. С одной стороны, 14 из 17 экз. нуклеусов служили для получения пластинчатых заготовок, в том числе среди них один нуклеус для микропластин и три нуклеуса для пластинок. С другой стороны, пластинчатых сколов в коллекции меньше (20,8 %), чем отщепов (79,2 %), также нет орудий из пластин. Возможно, такая несогласованность может быть связана с характером использования местонахождения, то есть с его специфической деятельностной ситуацией, при которой пластинчатые сколы уносились с памятника. На сколах преобладают гладкие ударные площадки, что связано не только с

приемом оформления площадки одним снятием, но и с использованием в качестве них плоскостей, образованных раскалыванием по разломам субстрата. Все площадки скошенные, присутствует прием корректировки угла скалывания подправкой карниза. Огранка дорсала у сколов-заготовок большей частью продольная. Вторичная обработка базируется преимущественно на дорсальной захватывающей ретуши.

Судя по довольно крупным размерам некоторых нуклеусов и изделий со сколами апробации, а также их бесформенности (вследствие первичного грубого раскалывания), отношение к сырью не было экономным. Наличие всего в 500 м богатых выходов сырья делало более целесообразным использование нового обломка песчанистого алеволита в качестве нуклеуса, чем переоформление ядрища, приводящее к значительной потере объема предмета.

Индустрия Крылатого немногочисленна, но, тем не менее, отчетливо демонстрирует технику, направленную преимущественно на получение сколов при помощи торцовой системы расщепления, а также скалывание пластинок и микропластинок с любых подходящих узких граней вне зависимости от назначения предмета, использованного в качестве нуклеуса. Такой характерный признак ставит в тупик поиск соответствий комплексу в пределах Прибайкалья и находит аналогии только на Среднем Енисее. Новоселово-11 исследователи относят к наиболее раннему инвентарю «кокоревской культуры» и определяют возрастом 15,5–16,5 т. л. н. [Лисицын, 2000]. Почти все нуклеусы представлены различными разновидностями торцовых ядрищ для пластинок и микропластинок. Некоторые из них близки к резцам. У одного продолговатого экземпляра присутствует бифасиальная подправка основания, что также сближает комплекс с братскими материалами. Орудийный набор представлен скреблами, скребками, резцами и выемчатыми орудиями. Местонахождение Аешка-3 находит более четкие, чем Новоселово-11, аналогии в «кокоревской культуре» и датируется возрастом 15 т. л. н. [Лисицын, 2000]. Близость Аешки-3 к индустрии Крылатого тоже проявляется через многообразие торцо-

вых нуклеусов, преобладающих в коллекции. Отличительной чертой является наличие небольшого количества в индустрии Аешки-3 ярко выраженных клиновидных нуклеусов. В составе орудий преобладают разнообразные скребла, присутствуют концевые скребки на отщепах, острия и остроконечники [Лисицын, 2000].

Коллекцию Крылатого можно предвзительно отнести на основании найденных аналогий на Среднем Енисее ко второй по-

ловине сартанского оледенения, поместив комплекс между средней порой верхнего палеолита и финальным палеолитом. Индустрия Крылатого, вероятно, как раз отражает период поиска форм для получения мелких пластин, предваряющий переход на их систематическое получение с помощью клиновидного нуклеуса.

Статья поступила 20.10.2015 г.

Библиографический список

1. Волокитин А.В. Палеолит Средней Ангары (Ангаро-Окинская группа местонахождений) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 15 с.
2. Волокитин А.В., Инешин Е.М. Новый докерамический комплекс Среднего Приангарья // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1991. С. 51–55.
3. Глушенко М.А. Два этапа раннего верхнего палеолита в Братском геоархеологическом районе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
- искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38). Ч. 1. С. 45–47.
4. Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб. : Изд-во Петерб. востоковедение, 2000. 230 с.
5. Рыбин Е.П., Глушенко М.А. Специфический тип орудий начальной стадии верхнего палеолита в Южной Сибири // Верхний палеолит Евразии и Северной Америки: памятники, культуры, традиции: Сб. статей памяти М.В. Аниковича. СПб. : Петербургское востоковедение. 2014. С. 238–255.

Сведения об авторах

Дзюбас Сергей Аликович, директор ООО «Раритет», 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Шапошникова, 2, кв. 2, тел.: 89646505810, e-mail: raritet-92@mail.ru

Dzjubas Sergei Alikovich, director of ООО “Raritet”, office 2, Shaposhnikova, 2, Irkutsk, 664025, Russia, tel.: 89646505810, e-mail: raritet-92@mail.ru

Глушенко Максим Александрович, заведующий научно-экспозиционным отделом в Братском городском объединенном музее истории освоения Ангары, 665717, Россия, г. Братск, ул. Комсомольская, 38, тел.: 89501090612, e-mail: gromov_1@mail.ru

Glushenko Maksim Aleksandrovich, head of scientific and exposition Department in Bratsk joint city history Museum of mastering Angara river, 665717, Russia, Bratsk, st. Komsomolskaya, 38, tel.: 89501090612, e-mail: gromov_1@mail.ru

УДК 902

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗЕРА БАЙКАЛ: ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗВЕДОК 1996, 1998 И 2015 ГОДОВ*

© А.В. Харинский, Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин

В 1996, 1998 и 2015 гг. вдоль северо-западного побережья озера Байкал от мыса Хибилен до мыса Берла проводились археологические разведки. Выявлено 18 археологических объектов. Находки представлены подъемными сборами, включающими остатки керамических сосудов и изделия из камня. Обнаруженные стоянки датируются в хронологическом диапазоне от позднего палеолита до железного века. На вершине мыса Берла отмечено городище-святылище железного века Берла 1.

Ключевые слова: северо-западное побережье озера Байкал, археологический объект, керамический сосуд, орнаментация, изделия из камня.

ARCHAEOLOGICAL OBJECTS NORTHWEST COAST OF LAKE BAIKAL: BASED ON EXPLORATION IN 1996, 1998 AND 2015

© A.V. Kharinskii, Yu.A. Emelianova, D.E. Kichigin

In 1996, 1998 and 2015 along the North-Western coast of Lake Baikal from Cape Hibilen to Cape Berla there were conducted the archaeological reconnaissance and 18 sites were discovered. Findings are presented by open air artifacts including the remnants of ceramic vessels and stone tools. The discovered sites are dated in the timespan between Upper Paleolithic and Iron Age. On the top of Cape Berla there was found the forts-sacred places of the Iron Age Berla 1.

Key words: North-Western coast of Lake Baikal, archaeological site, ceramic vessel, ornamentation, stone artifact.

Введение

Северо-западное побережье озера Байкал входит в Северобайкальский район Республики Бурятия. С юго-западной стороны его условной границей является м. Елохин, в районе которого проходит административная граница между Иркутской областью и Республикой Бурятия. С северо-восточной стороны границей этого участка побережья может служить дельта р. Верхняя Ангара, второй по величине водной артерии, впадающей в Байкал. С запада к нему подступает Байкальский хребет. Низменные выровненные участки побережья сформировались в результате аккумулятивной деятельности рек, впадающих в озеро, – Молокон, Горячей, Горемыки, Рели, Слюдянки и Тыи.

Северо-западное побережье Байкала является одним из районов, где в разные исторические периоды складываются оригинальные культурные традиции, нашедшие отражение в археологическом материале. Многие аспекты жизни древнего населения байкальского побережья к настоящему времени реконструировать достаточно сложно. Это связано как с отсутствием целого ряда данных с этой территории, так и с предварительным характером аналитического осмысления уже имеющихся материалов. Наличие достаточного количества нерешенных вопросов затрудняет формирование представлений о протекавших здесь культурно-исторических процессах и их систематизации.

Для реконструкции жизни населения северо-западного побережья Байкала в древности необходимо иметь представле-

* Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта №15-31-01018.

ние об археологических памятниках на всей его территории. Это возможно лишь в случае ее сплошного обследования с выявлением археологических объектов, контекст которых позволит проводить аналитические изыскания. Исходя из этого, в 2015 г. Ю.А. Емельяновой и Д.Е. Кичигиным в рамках проекта РГНФ № 15-31-01018 была предпринята археологическая разведка вдоль байкальского побережья от мыса Хибилен до мыса Берла. В предыдущие годы археологические исследования на этой территории носили лишь эпизодический характер. В 1996 г. А.В. Харинским и М.Л. Сидорчук осмотрен участок побережья от устья р. Горячая до м. Берла, в ходе которого выявлено 8 археологических объектов. В 1998 г. ими проведены исследования вдоль участка побережья от м. Коврижка до м. Котельниковский, обнаружено 4 новых археологических объекта. К сожалению, материалы разведок 1996 и 1998 гг. до сих пор не были введены в научный оборот.

В ходе разведки 2015 г. Ю.А. Емельяновой и Д.Е. Кичигиным открыто 6 новых памятников и осмотрено 6 археологических объектов, обнаруженных в предыдущие годы А.В. Харинским. Археологические материалы, выявленные в 1996, 1998 и 2015 гг., дают представления о расселении человека в этой части Прибайкалья в бронзовом – железном веках и позволяют проследить генезис существовавших в этом районе археологических культур на протяжении четырех тысяч лет.

Археологические объекты побережья озера Байкал, расположенные между мысом Хибилен и мысом Берла

Во время разведки 2015 г. был осмотрен участок байкальского побережья протяженностью около 88 км. Выявлено 6 новых археологических памятников: Хибилен, Коврижка 2, 3, Котельниковский 3, 4 и Хандат. Осмотрено 6, ранее отмеченных археологических объектов, 3 из которых (Кивилей, Берла 1 и 2) обнаружены А.В. Харинским в 1996 г. и 3 (Коврижка 1, Котельниковский 1 и 2), найденных им в 1998 г. Из-за пожаров, охвативших летом 2015 г. значительную часть байкальского

побережья, не удалось посетить стоянки Горячая 1–4, открытые в 1996 г., и стоянку Баргунда, выявленную в 1998 г.

В обзоре археологических объектов северо-западного побережья Байкала представлены данные обо всех памятниках, выявленных здесь в 1996, 1998 и 2015 гг. Кроме этого, в него включено описание городища-святилища Берла 1, обнаруженного А.В. Харинским в 1987 г. Перечень археологических памятников приводится с юга на север, в той последовательности, как происходил их осмотр в 2015 г.

Хибилен

Археологический объект открыт Северобайкальской экспедицией 2015 г. (Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин). Стоянка расположена в 82 км к ЮЮЗ от с. Байкальское, в 550 м к ЮЮЗ от одноименного мыса и приурочена к небольшому распадку, выходящему к озеру с СЗЗ (рис. 1, 2). С юга и севера стоянка закрыта от ветров бортами распадка, имеет удобный спуск к воде. Территория стоянки покрыта хвойным лесом. Археологический материал собран в обнажении берега, высотой 0,5–1,0 м, на протяжении 10–12 м. Зафиксирована следующая стратиграфия:

1. Дерн мощностью 3–5 см;
2. Серо-коричневая супесь мощностью 5–12 см;
3. Светло-коричневая супесь мощностью 14–25 см;
4. Песчано-гравийная толща мощностью более 30 см.

Культурные остатки обнаружены сразу под дерном в слое серо-коричневой супеси на глубине 5–7 см от современной поверхности и представлены фрагментами керамики (83 экз.) и предметами каменной индустрии (61 экз.).

Подавляющее большинство фрагментов (62 фр.) принадлежат одному сосуду с оттисками шнура на внешней поверхности. Емкость закрытой сложной формы со слабо выраженным устьем (рис. 6.1). Венчик прямой формы, слегка отогнут наружу, толщиной 0,7–0,9 см. Устье сосуда оформлено ленточным налепом шириной около 5 см с внешней стороны тулова. Внешняя поверхность сосуда покрыта оттисками

крученого шнура, положение оттисков вертикальное, слегка наклонное. Орнаментальная композиция состоит из двух широких наlepных валиков (по устью), деформированных поперечными пальцевыми вдавлениями-сжатиями, четырех нитевидных наlepных валиков (по верхней части тулова), оформленных пальцевыми сжатиями в технике протаскивания, и ряда круглых отверстий (по внешнему борту венчика, в 2–3 мм от его края), диаметром 0,2 см и шагом 0,7–1,0 см. Ширина верхнего широкого валика с учетом деформации составляет 1,2 см, второго широкого валика – 1 см, нитевидных валиков – по 0,3–0,5 см. Расстояние между валиками варьирует от 0,8 см до 1,2 см. Диаметр сосуда по венчику с учетом погрешности составляет 20–24 см.

Среди других фрагментов керамики (21 экз.) диагностируемым является только один фрагмент с гладкой поверхностью, остальные – какими-либо характеристиками не обладают. Среди предметов каменной индустрии отмечены сколы (5 экз.), отщепы (35 экз.) и чешуйки (21 экз.) из кремня.

Коврижка 1

Стоянка выявлена А.В. Харинским во время разведки 1998 г. у юго-западного основания мыса Коврижка. Она располагается в 54 км к ЮЮЗ от с. Байкальское (рис. 1). Археологический материал собран в береговых обнажениях, возвышающихся на 2,0–2,5 м над уровнем Байкала, на протяжении 20 м. Мыс порос лиственницами и кедровым стлаником. В районе берега фиксируется следующая стратиграфия:

1. Темно-серая супесь с корнями и остатками древесины (дерн) мощностью 10–11 см;
2. Светло-серая супесь мощностью 4–5 см;
3. Темно-серая супесь мощностью 1–4 см;
4. Светло-бурая супесь мощностью 4–7 см;
5. Желтый песок со скальной крошкой и мелкими камнями зачищен на 30 см.

Археологический материал обнаружен в слое светло-бурой супеси (возможно, прокала) на глубине 18–20 см от поверхности земли. Среди находок фрагменты гладкостенной керамики (12 экз.), из которых выделяются фрагменты от одного сосуда,

украшенного наlepными рассеченными валиками.

Емкость состоит из тулова и устья (рис. 6.2). Высота устья 4 см. Оно оформлено с помощью ленточного наleпа шириной около 5,2 см с внешней стороны тулова сосуда. Зона стыковки верхней и средней частей тулова составляет около 1,7 см. Венчик прямой горизонтальный толщиной 6 см. Внешний диаметр венчика 21 см, диаметр тулова в самой широкой части 22 см. С наружной стороны устья, в 2 мм книзу от верхнего края, имеется четырехугольный в сечении наlep – шириной 1 см и толщиной 3 мм, идущий по всему периметру сосуда. Наlep деформирован пальцевыми защипами.левой рукой древний гончар придерживал сосуд, а правой наносил вдавления, двигаясь справа налево. Вертикально расположив указательный палец, гончар с внешней стороны придавливал наlep. Одновременно большим пальцем этой же руки валик придавливался сверху. При этом указательный палец прижимал валик торцевой частью (в глине фиксируется оттиск ногтя), а большой палец оказывал давление на валик внутренней стороной. Вдавления примыкали друг к другу. Ширина вдавления указательного пальца составляла 7–9 мм, большого пальца 10–13 мм. Ниже наleпа в средней части устья сосуда идет горизонтальный ряд круглых торцевых вдавлений круглой в сечении палочкой диаметром 6 мм с закругляющимся концом. Глубина вдавлений 3 мм, расстояние между отдельными вдавлениями 1,9–2,0 см. В 1,8 см ниже наleпа на венчике, в месте перехода тулова в устье (верхняя экстремаль), располагается горизонтальный наlepной валик треугольный в сечении, шириной 1 см и толщиной 5 мм. Он украшен также как и венчиковый наlep пальцевыми защипами.

В 2015 г. Северобайкальской экспедицией (Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин) на стоянке Коврижка 1 в обнажениях берега собран археологический материал в количестве 8 находок. Среди них 4 фрагмента гладкостенной керамики, из которых один фрагмент венчика от сосуда простой открытой формы темно-серого цвета, венчик

Рис. 1. Археологические объекты, расположенные вдоль северо-западного побережья озера Байкал

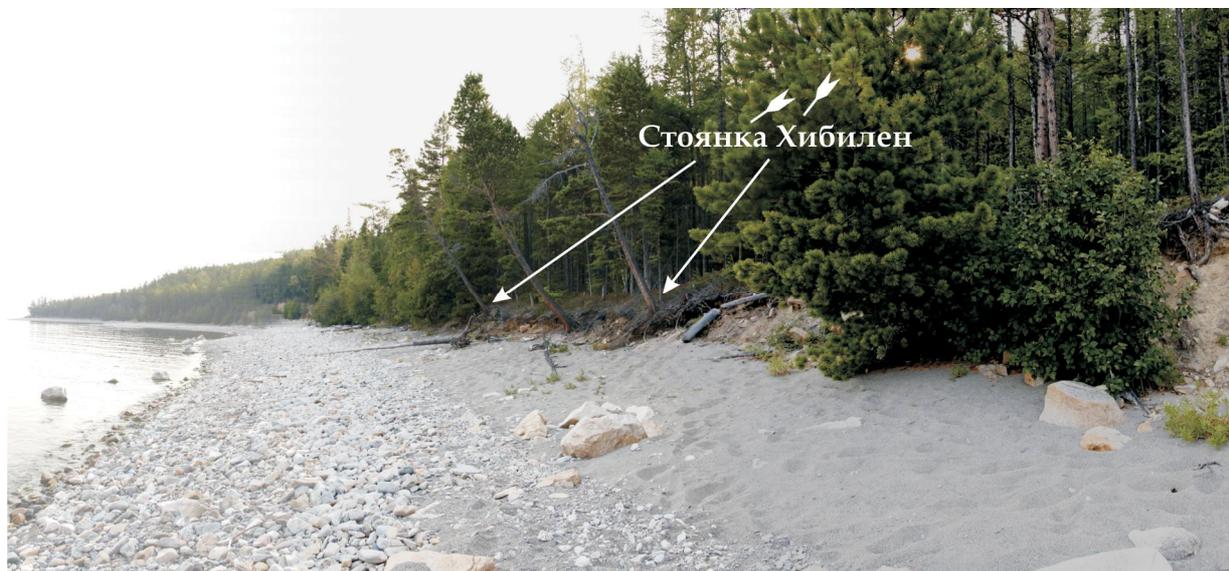

Рис. 2. Вид на стоянку Хибилен с севера

Рис. 3. Вид на стоянку Хандат с юго-востока

Рис. 4. Вид на стоянку Кивилей с юго-востока

Рис. 5. Вид на стоянки Берла 2 и Берла 3 с юга

прямой горизонтальный (рис. 7.2), 3 кремневых отщепа и фрагмент битой кости.

Коврижка 2

Археологический объект открыт Северобайкальской экспедицией 2015 г. (Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин). Стоянка расположена в 54 км к ЮЮЗ от с. Байкальское, в ЮЮВ части одноименного мыса, в 150 м к ЮВ от стоянки Коврижка 1 и занимает террасовидный склон ЮЮВ части мыса (рис. 1). При этом с СЗ на ЮВ крутизна склона и высота обнажений повышается, на ЮВ рыхлые отложения оканчиваются скальным обрывом. Поверхность стоянки полностью залесена. Археологический материал собран в обнажении берега, высотой 1,0–2,5, на протяжении 40–42 м. Отмечается следующая стратиграфия:

1. Дерн мощностью 5–7 см;
2. Светло-бурая супесь мощностью 15–30 см;
3. Коричневая супесь с включением грубообломочного материала мощностью 14–25 см;
4. Песчано-гравийная толща мощностью более 1,60 м.

Зафиксировать стратиграфическое положение археологического материала, к сожалению, не удалось. Культурные остатки представлены фрагментами керамики (9 экз.) и предметами каменной индустрии (5 экз.).

Керамический комплекс составляют четыре фрагмента тулова от сосуда, орнаментированного рядами оттисков орнамента, выполненных в отступающе-накольчатой технике (рис. 7.3), два фрагмента гладкостенной керамики без орнамента и три фрагмента, не обладающие какими-либо характеристиками.

Среди каменных предметов: три изделия и два отщепа из кремня. Первое изделие – массивное унифасиальное орудие высокого профиля из скола, лезвие оформлено на 2-х коротких участках мелкой краевой ретушью (рис. 8.1). Второе – нуклеус клиновидный, приформа бифасиальная, ударная площадка оформлена одним фронтальным сколом (рис. 8.4). И третье – концевой скребок из крупного отщепа (рис. 8.5).

Коврижка 3

Археологический объект открыт Северобайкальской экспедицией 2015 г. (Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин). Стоянка расположена в 55 км к ЮЮЗ от с. Байкальское, в 830 м к ЮЗ от стоянки Коврижка 1 и приурочена к береговой террасе, высотой 1,0–1,5 м, хорошо заметной с воды (рис. 1). Современная поверхность стоянки не залесена и представляет собой небольшую полянку с редко растущими молодыми лиственницами. На поляне фиксируются несколько старых кострищ и небольшие западины в земле. Археологический материал собран в обнажении берега на протяжении 18–20 м. Зафиксирована следующая стратиграфия:

1. Дерн мощностью 5–7 см;
2. Темно-серая супесь мощностью 5–7 см;
3. Песчано-гравийная толща мощностью более 1,20 м.

Культурные остатки обнаружены в слое дерна и поддерновом слое темно-серой супеси на глубине 5–7 см от современной поверхности и представлены фрагментами керамики (4 экз.), кремневым сколом и фрагментами битой кости (8 экз.).

Среди фрагментов керамики выделяются фрагменты венчиков от трех сосудов с гладкой (№ 1) и вафельной (№ 2 и 3) поверхностями.

Сосуд № 1 гладкостенный (рис. 7.1). Он представлен фрагментом верхней части, включающей устье и верхнюю часть тулова. Устье сосуда отогнуто наружу, его высота 1 см. Венчик прямой горизонтальный. Снаружи он украшен наклонными пальцевыми вдавлениями, вследствие чего приобрел волнистую линию. Ширина вдавлений 6 мм, расстояние между ними 3–4 мм. На расстоянии 1,7 см от края венчика основание устья орнаментировано горизонтальным рядом отверстий разных по форме (прямоугольные и округлые) диаметром 0,3–0,4 см. Ниже располагается наlepной треугольный в сечении валик, украшенный поперечными оттисками округлой в сечении палочки. Ширина валика 0,5–0,7 см, толщина 5 мм, ширина оттисков 8–9 мм. Они вплотную примыкают друг к другу.

Сосуд № 2 с вафельной поверхностью представлен фрагментом венчика овальной

формы (рис. 7.5). Судить о его форме проблематично ввиду малого размера фрагмента. Внешний борт венчика орнаментирован косо поставленными оттисками плоского гладкого орнамента, размерами 1,1 x 0,1 см, с шагом 2–3 мм (возможно, верхний ряд оттисков). Техника нанесения – вдавленно-отступающая (штамповая). Такими же оттисками орнаментирован срез венчика. Оттиски «ромбов» (технический декор) прослеживаются отчетливо, сторона «ромба» – 3 мм.

Сосуд № 3, скорее всего, с вафельной поверхностью (рис. 7.6), представлен одним фрагментом венчика. Изгиб профиля свидетельствует о его сложной форме, венчик прямой формы, отогнут наружу. Устье и верхняя часть сосуда орнаментированы горизонтальными рядами оттисков плоского гладкого орнамента, размерами 1,6 x 0,15 см, с шагом 1–3 мм. Положение оттисков в верхнем ряду наклонное вправо, во втором ряду – вертикальное. Техника нанесения – вдавленно-отступающая (штамповая). Такими же оттисками орнаментирован срез венчика. Оттиски (технический декор) «ромбов» не прослеживаются.

Баргунда

Стоянка обнаружена А.В. Харинским во время разведки 1998 г. Она располагается в 47,7 км к ЮЮЗ от с. Байкальское, на пологом берегу, спускающемся к северной части губы Баргунда (Болсодей) (рис. 1). В районе археологического памятника раньше располагалось небольшое поселение. К настоящему времени здесь находится только зимовье и сенокосные луга. В районе губы не фиксируется земляных обнажений, поэтому в 1998 г. здесь был заложен шурф размером 1 x 2 м, ориентированный длинными стенками по линии север – юг. Понижение склона в районе шурфа идет с северо-запада на юго-восток. Перепад высот между северо-западным и юго-восточным углами составляет 24 см. В районе шурфа фиксируется следующая стратиграфическая ситуация:

1. Дерн мощностью 3–4 см;
2. Серый суглинок мощностью 9–11 см;
3. Желтый суглинок вскрыт на глубину 5 см.

Археологический материал зафиксирован на глубине 6–10 см от поверхности земли в слое серого суглинка. Он представлен 1 фрагментом кости животного, 22 угольками и 1 фрагментом гладкостенного сосуда.

В районе мыса Котельниковский в 1998 г. выявлено два археологических объекта Котельниковский 1 и Котельниковский 2. В 2015 г. их список был пополнен еще двумя памятниками Котельниковский 3 и Котельниковский 4. Но археологические объекты в районе мыса были известны уже в 60-е гг. прошлого века. В статье «К итогам археологических исследований на Байкале» В.В. Свинин упоминает керамику, обнаруженную на мысе Котельниковский. Она изготовлена техникой выбивания колотушкой и орнаментирована насечками по валикам зубчатым штампом. Автор считает, что данная керамика принадлежит предкам эвенкийских племен, живущих на Байкале до настоящего времени (Свинин, 1971, рис. 7, с. 74). К сожалению, В.В. Свинин не упоминает, где конкретно, кем и когда обнаружена эта керамика, поэтому описанные артефакты трудно соотнести с каким-нибудь из известных или еще не выявленных археологических объектов.

Котельниковский 1

Памятник выявлен А.В. Харинским во время разведки 1998 г. Он располагается в 36,3 км к югу от с. Байкальское и в 2 км к ЮЗЗ от оконечности мыса Котельниковский, у юго-восточного подножия горы Котельниковская, у старого кладбища (рис. 1). Археологический материал собран в береговых обнажениях террасовидного склона высотой 2–4 м на протяжении 120 м. На памятнике отмечена следующая стратиграфическая ситуация:

1. Темно-серая супесь с желтыми линзами (дерн) мощностью 8–9 см;
2. Светло-серая супесь с галькой мощностью 19–20 см;
3. Светло-бурая (рыжеватая) супесь с галькой мощностью 21–22 см;
4. Светло-серая супесь с галькой мощностью 24–30 см;

Рис. 6. Подъемный материал: 1 – Хибилен; 2 – Коврижка I. Керамика

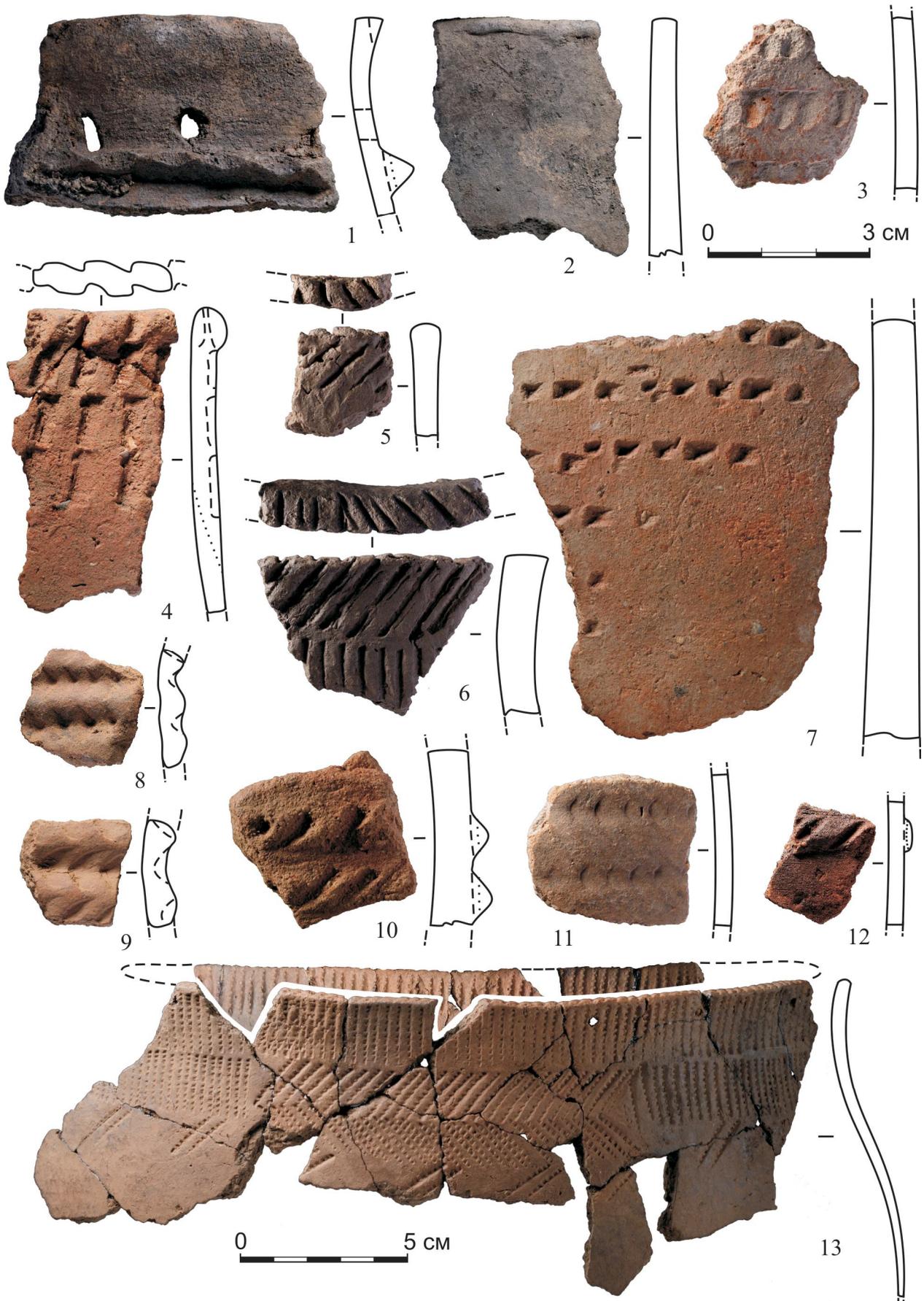

Рис. 7. Подъемный материал: 1, 5, 6 – Коврижка 3; 2 – Коврижка 1; 3 – Коврижка 2; 4 – Котельниковский 1; 7, 11 – Хандат; 8, 9 – Котельниковский 2; 10 – Котельниковский 4; 12 – Котельниковский 3; 13 – Кивилей. Керамика

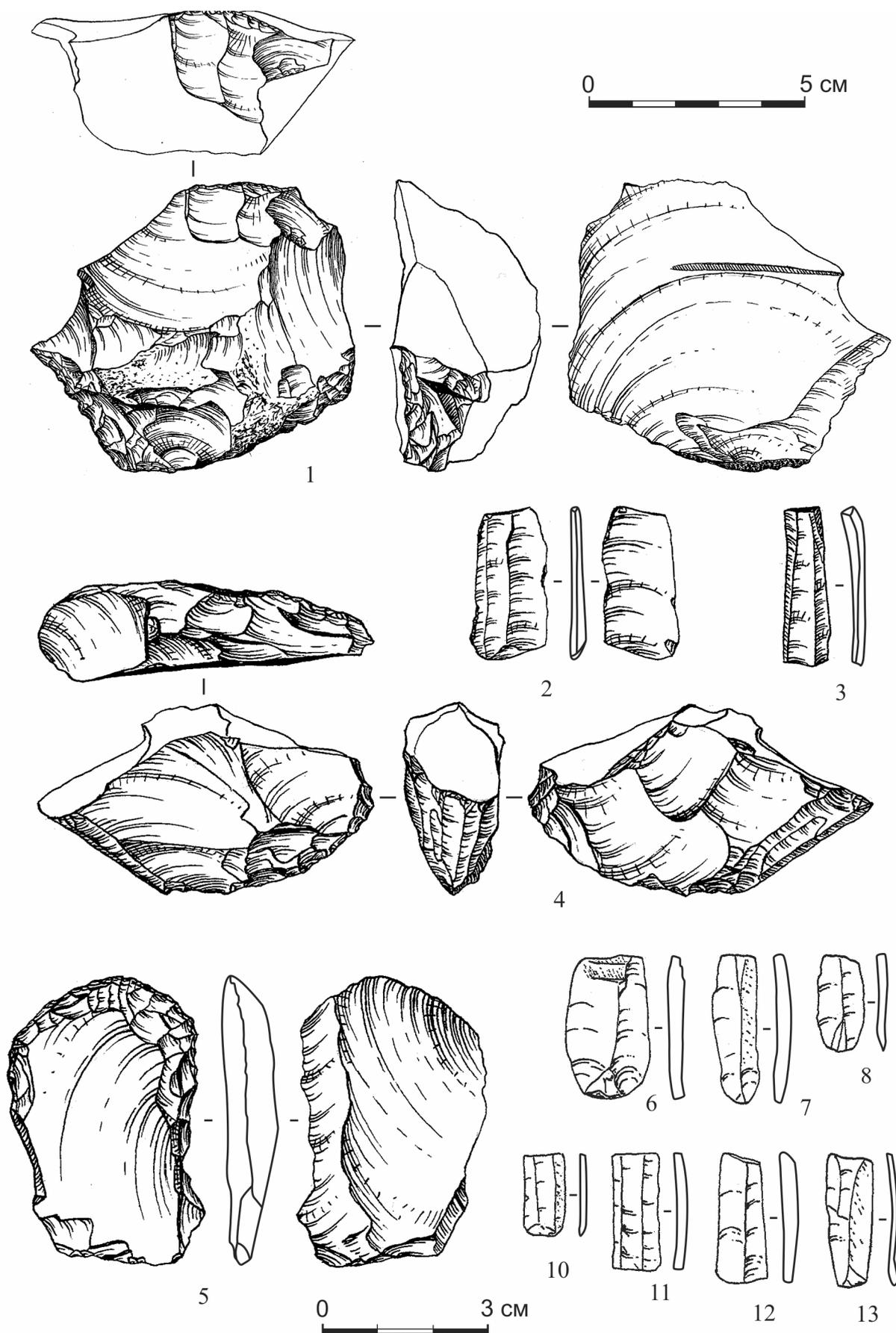

Рис. 8. Подъемный материал: 1, 4, 5 – Коврижка 2; 2 – Котельниковский 1; 3 – Котельниковский 2; 6–8 – Горячая 1; 10–13 – Горячая 4. Камень

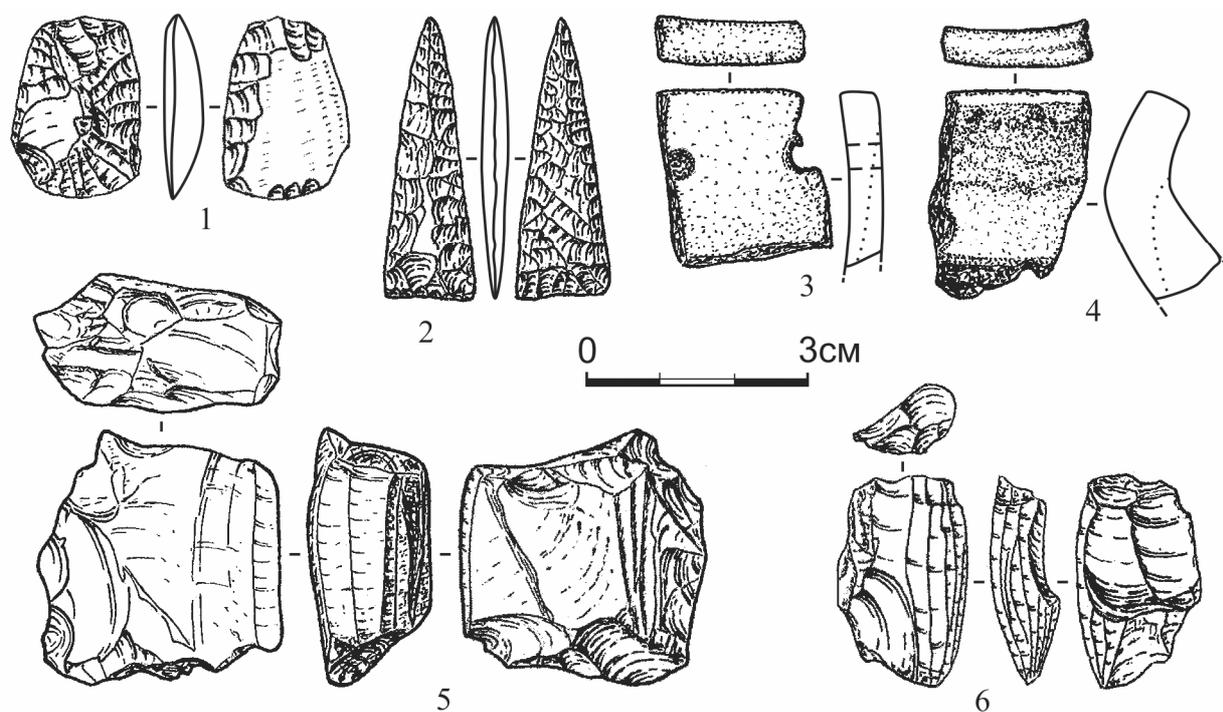

Рис. 9. Подъемный материал: 1–5 – Буркан 1; 6 – Берла 3. 1, 2, 5, 6 – камень; 3, 4 – керамика

5. Галька в светло-серой супеси зачищена на глубину 25 см.

Археологический материал преимущественно зафиксирован в осыпи берега, поэтому привязать его к какому-то геологическому слою сложно. Среди находок, найденных на стоянке, – трехгранная пластина из серого кремня со следами утилизации с двух сторон (рис. 8.2); 1 отщеп из серого кремня; 3 фрагмента керамических сосудов светло-коричневого цвета; 2 фрагмента керамических сосудов серого цвета. Кроме этого, на стоянке обнаружено три фрагмента верхней части гладкостенного сосуда открытой формы, украшенные продавленным орнаментом (рис. 7.4). Венчик овальный, слегка нависает над наружной стороной сосуда. Его толщина 7 мм. Внешняя и внутренняя стороны венчика орнаментированы отпечатками «отступающей лопаточки» с острым окончанием, что придает верхнему срезу сосуда зигзагообразную форму. Внешняя поверхность сосуда украшена тремя горизонтальными рядами вертикальных отпечатков «отступающей лопаточки» с прямоугольным окончанием. Ширина отпечатков 4 мм, высота 10 мм. Ряды располагаются на расстоянии 1 мм друг от друга.

В 2007–2008 гг. на памятнике проводил работы археологический отряд Иркутского

государственного университета под руководством Е.В. Меньшагина. Объект был назван Мыс Котельниковский-Маячная. В 2008 г. на нем заложен раскоп площадью 45 кв. м и шурфы общей площадью 22 кв. м. В шурфах и раскопе выявлена следующая стратиграфия:

1. Почвенно-растительный горизонт (0,02–0,06 м);
2. Серо-коричневый песок (нанос) до 0,07 м;
3. Погребенная почва – темно-коричневая гумусированная супесь (0,1–0,38 м);
4. Коричневая супесь с примесью дресвы (0,02–0,3 м);
5. Галечно-валунный горизонт (заполнитель – серый песок), горизонты различаются в западной части раскопа.

В восточной и особенно юго-восточной части прослеживается поднятие галечно-валунного горизонта и компрессионность 1 и 2 горизонтов.

Судя по фрагментам венчиков, были найдены остатки приблизительно 20 керамических сосудов. Фрагменты керамики залегали в погребенной почве или в компрессионном слое, в котором материал невозможно соотнести с различными горизонтами. Скопления фрагментов керамики сосредоточены в центральной части раско-

па и в северной части шурфа № 2, который заложен к югу от раскопа. Все сосуды, залегавшие в погребенной почве, гладкостенные, толщина стенок от 0,3 см до 1,1 см. В галечно-валунном горизонте шурфа № 1 найдены три фрагмента керамики, орнаментированной «личиночным» штампом – отпечатками зубчатого штампа овальной формы.

По формам сосудов керамика подразделяется на три группы:

1. Сосуды простой закрытой формы (14 экз.). Тесто от коричневого до темно-коричневого цвета содержит примесь мелкого песка. Толщина стенок 0,6–0,8 см. Диаметр по венчику 24–30 см. Венчик слегка отогнут, имеет различную форму – овальную, заостренную, прямоугольную. Сосуды орнаментированы широкими налепными валиками, украшенными насечками или вдавлениями округлого штампа. Иногда под валиками располагаются округлые ямки. Срез венчика орнаментировался такими же насечками или вдавлениями штампа, как на валике. Валики могли быть горизонтальными, расположенными параллельно или перпендикулярно срезу венчика, прямыми либо волнистыми.

2. Небольшие сосуды закрытой формы с плоским дном (6 экз.). Диаметр сосуда по венчику – 16–17 см, по тулову – 19 см, по дну – 10–11 см. Высота приблизительно 12–15 см. Толщина стенок – 0,4–0,6 см. Тесто коричневого цвета. Орнамент – прочерченный, волнообразный, зигзагообразные мотивы образованы отпечатками гребчатого штампа.

3. Фрагменты стенок сосуда, орнаментированного отпечатками «личиночного штампа» (3 экз.). Найдены в галечно-валунном горизонте (шурф № 1). Фрагменты очень плохой сохранности, их сломы затерты. Толщина – 0,4 см. Ряды отпечатков штампа на двух фрагментах расположены параллельно, на третьем – перпендикулярно друг другу.

На основании керамики верхний культуросодержащий горизонт местонахождения Мыс Котельниковский-Маячная, датирован авторами раскопок ранним железным веком (Молчанов, Шохирева, 2009).

Северобайкальской экспедицией 2015 г. (Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин) в обнажениях берега собран археологический материал, представленный фрагментами керамики (32 экз.), предметами каменной индустрии (27 экз.), фрагментом битой кости и кусочком шлака. В составе керамического комплекса отмечены фрагменты гладкостенной керамики (12 экз.), один из которых орнаментирован налепным расщепленным валиком, фрагмент керамики с вафельной поверхностью и фрагменты керамики, не поддающиеся какой-либо характеристике. Среди предметов из камня: кремневый отщеп с ретушью, медиальный сегмент призматической платины, сколы, отщепы и чешуйки из кремня.

Котельниковский 2

Стоянка обнаружена А.В. Харинским во время разведки 1998 г. Она располагается в 35,7 км к югу от с. Байкальское и в 0,7 км к ЮЗЗ от оконечности мыса Котельниковский, у деревянных изб (рис. 1). Археологический материал собран на протяжении 40 м в обнажении пологого берега, возвышающегося на 2 м над уровнем Байкала. Берег порос лиственницами. В его обнажении высотой 0,5 м отмечена следующая стратиграфическая ситуация:

1. Дерн мощностью 3–4 см;
2. Светло-серая супесь мощностью 8–10 см;
3. Желтая супесь мощностью 19–20 см;
4. Галька в желтой супеси зачищена на глубину 10 см.

Археологический материал обнаружен в слое светло-серой поддерновой супеси на глубине 8–10 см от поверхности земли. Среди находок, найденных на стоянке, 3 отщепы из серого кремня, 1 фрагмент железного изделия, 6 фрагментов гладкостенных керамических сосудов толщиной 2–5 мм; 2 фрагмента керамических сосудов светло-коричневого цвета (№ 1 и 2), украшенных отступающими угловыми отпечатками.

От сосуда № 1 обнаружен только 1 фрагмент верхней части. Венчик приотсранный, скошенный наружу. Его толщина 5 мм. С внешней стороны венчика фиксируются неглубокие вдавления наклонной лопаточкой. В 3 мм от верхнего края вен-

чика располагается горизонтальный ряд вдавлений «отступающей лопаточки» с остроугольным окончанием (рис. 7.8). Высота вдавлений 5 мм, ширина 4 мм. Они вплотную примыкают друг к другу, деформируя поверхность сосуда, делая ее волнистой. В 2 мм ниже верхнего ряда вдавлений располагается еще один такой же ряд. Вдавления наносились справа налево, под углом (правый край оттиска продавлен сильнее, чем левый).

От сосуда № 2 обнаружен один фрагмент верхней части (рис. 7.9). Венчик приотстранный, скошенный наружу. Его толщина 5 мм. С внешней стороны венчика фиксируются неглубокие вдавления наклонной лопаточкой. В 4 мм от верхнего края венчика располагается горизонтальный ряд вдавлений «отступающей лопаточки» с остроугольным окончанием. Высота вдавлений 9 мм, ширина 5 мм. Они вплотную примыкают друг к другу, деформируя поверхность сосуда, делая ее волнистой. В 1 мм ниже верхнего ряда вдавлений располагается еще один такой же ряд. Вдавления наносились слева направо, под углом (левый край оттиска продавлен сильнее, чем правый).

В 2015 г. Северобайкальской экспедицией (Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин) в обнажениях берега, земляных отвалах и котлованах деревянных жилищ (зимовий) собран малочисленный археологический материал. В составе коллекции фрагменты керамики с гладкой (1 экз.) и рубчатой (1 экз.) поверхностью, проксимальный сегмент призматической пластины из яшмы (рис. 8.3) и 10 кремневых отщепов.

Котельниковский 3

Памятник открыт Северобайкальской экспедицией 2015 г. (Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин). Стоянка расположена в 33 км к югу от с. Байкальское, в 2,6 км к ССВ от стоянки Котельниковский 2 и в 2,4 км к северу от оконечности одноименного мыса (рис. 1). Археологический материал собран в обнажениях невысокой береговой террасы высотой 0,5–1,0 м на протяжении 90–92 м. Современная поверхность стоянки залесена, отмечаются редкие кострища ту-

ристов. В обнажении берега отмечена следующая стратиграфия:

1. Дерн мощностью 3–4 см;
2. Темно-серая супесь мощностью 4–5 см;
3. Песчано-гравийная толща мощностью более 0,95 м.

Культурные остатки обнаружены в слое дерна и поддерновом слое темно-серой супеси на глубине 4–7 см от современной поверхности земли. Среди находок: фрагмент керамики, орнаментированный налепным рассеченным валиком (рис. 7.12), и кремневые сколы и отщепы (4 экз.).

Котельниковский 4

Памятник выявлен Северобайкальской экспедицией 2015 г. (Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин). Археологический объект расположен в 33 км к югу от с. Байкальское, в 100 м к северу от стоянки Котельниковский 3 и приурочен к 2,5–3,0 м береговой террасе, заросшей хвойным лесом (рис. 1). Археологический материал собран в обнажениях берега на протяжении 30 м. Выявлена следующая стратиграфия:

1. Дерн мощностью 3–5 см;
2. Светло-коричневая супесь мощностью 5–15 см;
3. Песчано-гравийная толща мощностью более 2 м.

Установить стратиграфическое положение археологического материала не удалось. Среди находок: фрагменты гладкостенных керамических сосудов (4 экз.), массивный пластинчатый скол из кремня и фрагмент неопределимой кости. Один из фрагментов сосудов толщиной 7–8 мм орнаментирован двумя налепными валиками (рис. 7.10). Валики треугольные в сечении. Их ширина 9 мм, толщина 3 мм. Они рассечены наклонными вдавлениями боковой грани прямоугольной лопаточки. Ширина вдавления 3 мм, расстояние между вдавлениями 4–6 мм. Расстояние между валиками 3 мм.

Горячая 1

Стоянка обнаружена А.В. Харинским во время разведки 1996 г. Археологический материал собран в обнажениях 4-метровой береговой террасы, расположенной в 30 м

от берега Байкала, в 31,3 км к югу от с. Байкальское (рис. 1). Терраса поросла сосновым лесом. Между берегом и террасой фиксируется галечная волно-прибойная полоса. На берегу отмечены деревянные строения северобайкальской станции юных туристов. Археологические находки собраны вдоль террасы на протяжении 50 м и вглубь нее на 20 м. Кровля террасы представлена следующими отложениями:

1. Темно-серая супесь (дерн) мощностью 2–3 см;
2. Желтая супесь с камнями размером от 3 x 5 до 5 x 8 см зачищена на 30 см.

Материал залегает на глубине 2–4 см в поддерновой желтой супеси с камнями. Находки представлены 6 фрагментами от керамического сосуда светло-коричневого цвета; 44 отщепами из светло-серого и серого кремня; целой призматической двухгранной пластиной (рис. 8.6); проксимальным сегментом двухгранной пластины (рис. 8.7); проксимальным сегментом двухгранной пластины с амортизационной ретушью, возможно резец (рис. 8.8).

В 1998 г. А.В. Харинским на стоянке заложен раскоп площадью 5 м², ориентированный длинными стенками вдоль края террасы, а короткими по линии с азимутом 50°. Археологический материал, представленный преимущественно изделиями из камня и двумя фрагментами гладкостенной керамики, залегал на глубине 8–15 см в слое желтой супеси.

Горячая 2

Памятник выявлен А.В. Харинским во время разведки 1996 г. Археологический материал собран в обнажениях 4-метровой береговой террасы, в 100 м к юго-востоку от Горячей 1, в 31,3 км к югу от с. Байкальское (рис. 1). Терраса поросла сосновым лесом. Между берегом и террасой фиксируется волно-прибойная полоса гальки. В обнажении террасы отмечена следующая стратиграфическая ситуация:

1. Дерн мощностью 3 см;
2. Светло-серая (пепельная) лессовидная супесь с камнями размером от 3 x 5 см до 10 x 15 см мощностью 3–4 см;
3. Желтая супесь камнями зачищена на 15 см.

Археологический материал зафиксирован под дерном на глубине 3–5 см в светло-серой супеси с камнями. Среди находок 4 фрагмента керамического гладкостенного сосуда толщиной 3–4 см, снаружи коричневого, изнутри темно-серого цвета; 1 фрагмент гладкостенного керамического сосуда толщиной 4–5 см, снаружи коричневого цвета, изнутри серо-коричневого; 4 отщепы из светло-серого кремня.

Горячая 3

Стоянка зафиксирована А.В. Харинским во время разведки 1996 г. Археологический материал собран в обнажениях 4-метровой береговой террасы, в 200 м к юго-востоку от Горячей 2, в 31,4 км к югу от с. Байкальское (рис. 1). Терраса поросла сосновым лесом. Между берегом и террасой фиксируется волно-прибойная полоса гальки. В обнажении террасы отмечена следующая стратиграфическая ситуация:

1. Дерн мощностью 3 см;
2. Серая (пепельная) лессовидная супесь с камнями размером от 4 x 6 см до 9 x 16 см мощностью 3–4 см;
3. Желтая супесь со слабо окатанной галькой зачищена на 12 см.

Археологический материал залегает под дерном на глубине 3–5 см в серой супеси с камнями. Он представлен тремя кремневыми отщепами.

В 1998 г. А.В. Харинским на стоянке заложен шурф размером 1 x 2 м, ориентированный длинными стенками по линии с азимутом 15°. Археологический материал, представленный только изделиями из камня, располагался на глубине 2–5 см в слое серой супеси.

Горячая 4

Памятник выявлен А.В. Харинским во время разведки 1996 г. Археологический материал собран в обнажениях 4-метровой береговой террасы, в 100 м к юго-востоку от Горячей 3, в 31,5 км к югу от с. Байкальское (рис. 1). Терраса поросла сосновым лесом. Между берегом и террасой фиксируется волно-прибойная полоса гальки. Протяженность стоянки вдоль берега Байкала 30 м. В обнажении террасы отмечена следующая стратиграфическая ситуация:

1. Дерн мощностью 2–3 см;
2. Серая (пепельная) лессовидная супесь с камнями размером до 12 x 19 см мощностью 4–6 см;
3. Желтая супесь со слабо окатанной галькой зачищена на 14 см.

Археологический материал залегает под дерном на глубине 3–5 см в светло-серой (пепельной) лессовидной супеси. Находки представлены 67 фрагментами керамического гладкостенного сосуда светло-коричневого цвета с внешней стороны и темно-серого цвета с внутренней стороны. Отощителем служил мелкий песок. Изделия из камня включают 2 пластинчатых скола; проксимальный сегмент трехгранной пластины (рис. 8.10); медиальный сегмент трехгранной пластины (рис. 8.11); медиальный сегмент двухгранной пластины (рис. 8.12); проксимальный сегмент двухгранной пластины (рис. 8.13).

Хандат

Памятник открыт Северобайкальской экспедицией 2015 г. (Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин). Стоянка расположена в 22 км к югу от с. Байкальское, с южной стороны мыса Толстый (Хандат) и приурочена к небольшому распадку, спускающемуся с запада к озеру и прилегающему с юга к самому скальному мысу (рис. 1, 3). В распадке стоит зимовье егеря. Территория стоянки полностью залесена. Археологический материал собран на протяжении 120 м по обоим бортам распадка, имеющим обнажения со стороны озера, высотой 1,5–4,5 м. Отмечается следующая стратиграфия:

1. Дерн мощностью 5–10 см;
2. Светло-серая супесь мощностью 10–20 см;
3. Песчано-гравийная толща мощностью более 1,30 м.

Культурные остатки зафиксированы в поддерновом слое светло-серой супеси на глубине 15–20 см от современной дневной поверхности. Среди находок: фрагменты керамики (11 экз.), кремневые сколы и отщепы (10 экз.), фрагменты битой кости (10 экз.). В керамическом комплексе выделяются три фрагмента. Первый – фрагмент тулова от сосуда с гладкой поверхностью, украшенного торцевыми оттисками приос-

тренного квадратного в сечении орнамента (рис. 7.7). Размер оттисков от 3 x 3 мм до 4 x 6 мм. Оттиски располагаются на расстоянии 2–4 мм друг от друга, образуя горизонтальные ряды. Расстояние между рядами 6–9 мм. Второй – фрагмент керамики, орнаментированный рядами оттисков округлого орнамента, выполненных в отступающе-накольчатой технике (рис. 7.11). И третий – фрагмент керамики с рубчатой поверхностью, орнаментированный рядами оттисков отступающего орнамента с зубчатым рабочим окончанием.

Буркан

Во время разведочных работ 1996 г. на берегу бухты Буркан обнаружена новая стоянка, получившая название Буркан. Памятник расположен в 14 км к югу от с. Байкальское, к северу от ручья, впадающего в бухту Буркан (рис. 1). В районе бухты берег залесен. Лишь у самой воды имеется небольшой участок, используемый под сенокос. Археологический материал обнаружен в обнажениях 0,5–1,5-метровой береговой террасы, представленной следующими отложениями:

1. Черная пылеватая супесь (дерн) мощностью 10–35 см;
2. Бурая пылеватая супесь мощностью 20–23 см;
3. Обломочный материал в желтой супеси с дресвой прослежена на глубину 25 см.

Наибольшая толщина двух верхних геологических слоев фиксируется у северной оконечности бухты. К югу она постепенно уменьшается.

Находки представлены 13 фрагментами керамики толщиной 4–8 см, 3 – кремневыми и 2 – кварцитовыми отщепами, кремневыми нуклеусом, скребком и наконечником стрелы. Керамика обнаружена в северной части бухты в слое черной пылевой супеси на глубине 15 см от поверхности земли. Изделия из камня найдены в центре бухты на глубине около 20 см от поверхности земли в слое бурой пылевидной супеси. Среди них скребок овальной формы с двухсторонней обработкой. Один фас почти полностью покрыт стелющейся ретушью. Второй, более пологий фас (арьерфас), оформлен стелющейся краевой ретушью по

одной узкой и одной длинной сторонам. На другой узкой стороне фиксируется только три скола, оставленных краевой ретушью (рис. 9.1). Обнаруженный наконечник стрелы удлиненно-треугольной формы с прямыми сторонами, слегка выгибающимися в районе острия. База слегка вогнута и имеет небольшой скос к одной из сторон (рис. 9.2). Нуклеус из серо-зеленого кремня призматической формы. Фронт оформлен на узкой части кремнистой преформы (рис. 9.5).

Среди остатков гладкостенной керамической посуды встречены два фрагмента венчика. Один из них вогнут внутрь, устье отсутствует (рис. 9.3). Венчик прямой горизонтальный, толщиной 5 мм. Он оформлен на верхнем крае тулова сосуда. Верхняя часть сосуда сформирована благодаря ленточному налепу шириной около 2,6 см с внутренней стороны тулова. Зона стыковки тулова и устья составляет около 2 см. Сосуд орнаментирован горизонтальным рядом круглых отверстий диаметром 4 мм.

У второго сосуда выражено отогнутое наружу устье высотой 1,3 см. Венчик прямой, скошенный наружу, толщиной 7 мм. Толщина верхней части тулова 1,1 см (рис. 9.4). Устье сформировано посредством ленточного налепа шириной 3 см с внутренней стороны верхней части тулова. Зона стыковки тулова и устья составляет 2 см. В верхней части тулова сосуда фиксируется отверстие диаметром 2 мм. Так как сосуд фрагментирован, то сложно установить, является ли отверстие единичным или составляет горизонтально расположенный орнаментальный мотив.

Кивилей

Стоянка выявлена А.В. Харинским во время разведки 1996 г., в 9,5 км к югу от с. Байкальское. Археологические находки собраны в береговых обнажениях, расположенных вдоль северной части бухты Кивилей, на протяжении 36 м (рис. 1, 4). Берег бухты состоит из следующих отложений:

1. Черная пылеватая супесь (дерн) мощностью 20–22 см;
2. Бурая пылеватая супесь мощностью 10–12 см;

3. Галька разных размеров в бурой супеси зачищена на 30 см.

В основании первого геологического слоя на глубине 19–21 см от поверхности земли обнаружено 6 фрагментов гладкостенной керамики.

Северобайкальской экспедицией 2015 г. (Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин) в обнажениях берега собран археологический материал, представленный фрагментами керамики (150 экз.), предметами каменной индустрии (8 экз.) и фрагментами жженой кости (3 экз.).

Подавляющее большинство фрагментов керамики (147 экз.) принадлежит одному сосуду (№ 1) с вафельной поверхностью (рис. 7.13). Емкость сложной закрытой формы с выраженным устьем высотой около 3 см. Венчик овальной формы, слегка отогнут наружу. Внешняя поверхность сосуда (особенно тулово) покрыта отпечатками ударно-прессующего орудия с вафельной (ромбической) рабочей поверхностью. Сторона «ромба» не превышает 0,5 см. В привенчиковой зоне «ромбы» не прослеживаются. Орнаментальная композиция состоит из горизонтальных рядов вертикальных и наклонных оттисков плоского зубчатого орнамента, размерами 1,8 x 0,15 см, с шагом 1–3 мм. Количество зубчиков в оттиске – 10. Техника нанесения – вдавленно-отступающая (штамповая – с отрывом орнамента от поверхности сосуда). Верхний ряд оттисков сплошной, положение оттиска вертикальное. Второй ряд – идентичен верхнему, однако в качестве вставки, размером 11,5 x 2,8 см, использован мотив «елочка», выполненный двумя зеркальными рядами наклонных оттисков того же орнамента. Нижний ряд представлен фестонами (бахрома) в виде групп из парных наклонных оттисков орнамента, расположенных на расстоянии 1,6–2,9 см. В 5–6 мм от внешнего края венчика проходит ряд круглых вдавлений, диаметром 2,5 мм, с шагом 3,5–3,8 см. Внутренний борт венчика орнаментирован сплошным горизонтальным рядом вертикальных оттисков с шагом 1–2 мм. Срез венчика декорирован поперечными вдавлениями того же орнамента. Диаметр сосуда по венчику с учетом погрешности составляет 27–31 см.

Сосуд № 2 представлен фрагментом венчика, орнаментированным наклонными оттисками орнамента с плоским гладким рабочим краем (возможно, с вафельной поверхностью). Сосуд № 3 – фрагментом гладкостенной керамики, орнаментированным налепным рассеченным валиком. И сосуд № 4 – фрагментом гладкостенной толстостенной керамики без орнамента. В составе каменного комплекса: медиальный сегмент призматической пластины и 7 кремневых отщепов и сколов.

Берла 1

Памятник обнаружен А.В. Харинским в 1987 г. Городище-святилище находится на вершине мыса Берла в 6 км к югу от с. Байкальское. Памятник приурочен к скальной площадке, расположенной на высоте около 270 м над уровнем Байкала (рис. 10). С северо-запада городище-святилище ограничено скальной грядой, тянущейся с юго-запада на северо-восток, а с юго-востока оконтурено тремя скальными выходами, ступенями, спускающимися вниз по склону. С юго-востока скальные выходы оканчиваются обрывами, а с северо-запада они пологие. Поверхность памятника не залесена. Лиственный лес начинается лишь в 12–15 м к северо-западу от скального гребня. Западная часть памятника поросла кустарником (рис. 11).

С юго-запада памятник ограничен грядой, сложенной из крупных камней размером до 60 см, уложенных без определенного порядка. Ширина гряды 2,1, высота – до 0,7 м. Северный конец гряды упирается в скальный гребень, а южный в самый нижний из скальных выходов, ограничивающих городище-святилище с юго-востока. Проходом шириной 1,5 м, ориентированным по линии с азимутом 240°, гряда разделена на 2 участка. С юго-востока проход обрамляет вертикально стоящая каменная плита размером 50 x 80 см. С севера он оконтурен выкладкой из камней, примыкающей к северному участку стены. Размеры выкладки 0,5 x 2,2 м. Протяженность южного участка гряды 14,4, северного – 6 м.

Скальный гребень, обрамляющий городище-святилище с северо-запада, сверху наращен за счет камней. Высота скального

гребня с лежащими на его вершине камнями достигает 1,5 м. На северо-востоке скальный гребень упирается в останец высотой около 1 м. Проходом шириной 3 м скальный гребень разделен на 2 участка. В районе прохода отсутствуют искусственно уложенные камни. Протяженность юго-западного участка 24, северо-восточного – 8 м. Проход ориентирован по линии с азимутом 350°.

К юго-востоку от скального останца отходит еще одна гряда протяженностью 6 м, выполненная из камней. Юго-восточный ее конец упирается в скальный выход, ориентированный по линии юго-запад – северо-восток и имеющий длину 8 м. Сверху скальный выход наращен камнями. Между юго-западным окончанием скального выхода и северо-восточной оконечностью нижележащего скального выхода имеется проход шириной 5 м, ориентированный по линии с азимутом 45°. Земляные работы на памятнике не производились.

Берла 2

Стоянка обнаружена во время археологической разведки 1996 г. в устье распадка, с запада спускающегося к бухте Берла (рис. 1, 5, 10). Стоянка находится в 6,6 км к югу от с. Байкальское, на залесенном берегу. Археологический материал собран в береговых обнажениях на протяжении 120 м в основании почвенно-растительного слоя на глубине 15–20 см. В районе берега фиксируется следующая стратиграфическая ситуация:

1. Дерн мощностью 20–22 см;
2. Желтая супесь мощностью 18–20 см с гумусированной прослойкой толщиной 1–3 см в центре;
3. Бурая опесчаненная супесь с камнями в нижней части прослежена на глубину 28 см.

Археологический материал, представленный 73 неорнаментированными фрагментами керамического сосуда толщиной 2–6 мм от серого до коричневого цветов; 13 фрагментов пережжённой кости; 7 фрагментов керамического сосуда с налепом с внешней стороны венчика (сосуд № 1); 6 фрагментов тонкостенного керамического сосуда коричневого цвета, орнаментиро-

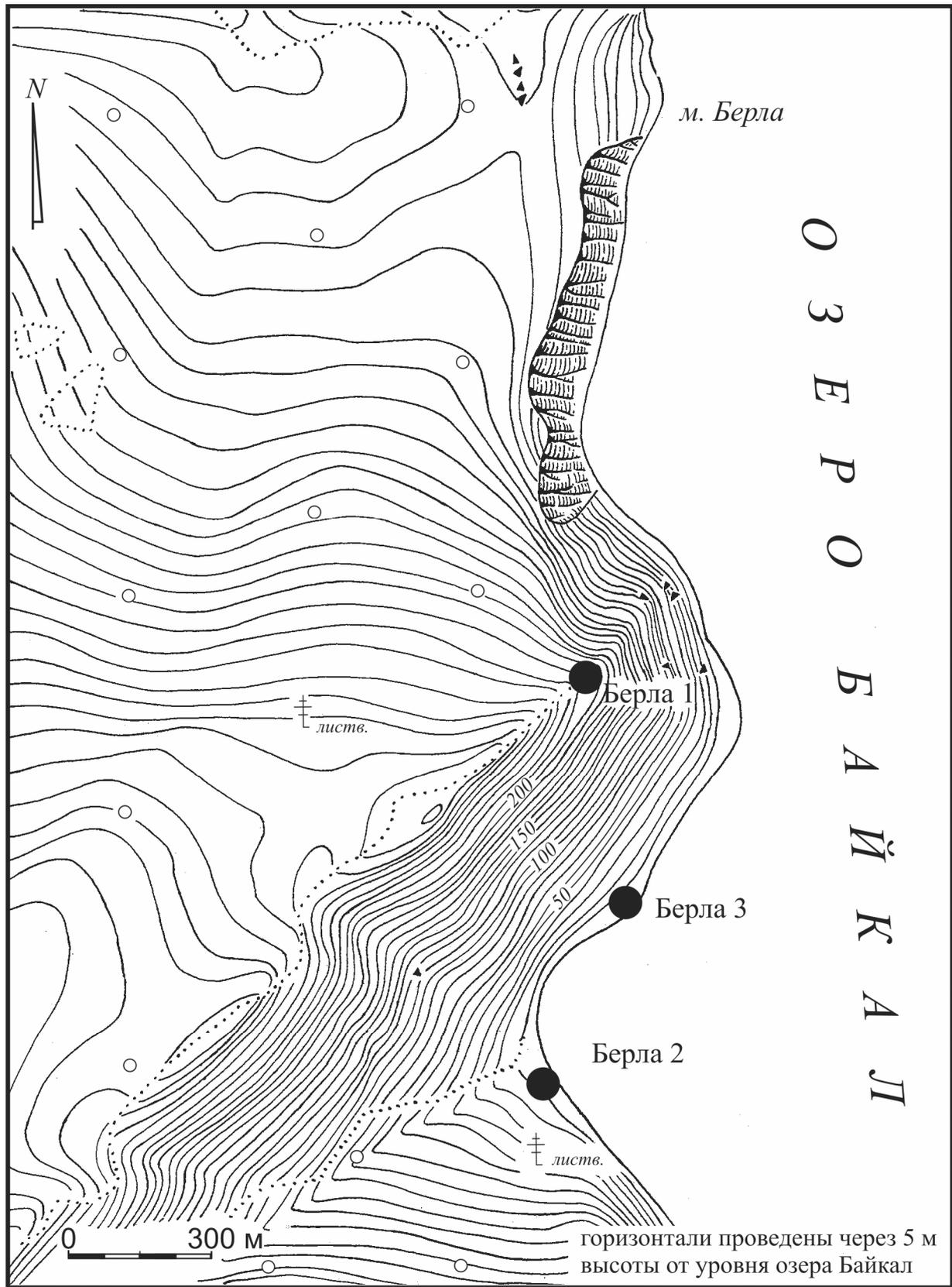

Рис. 10. Археологические объекты в районе мыса Берла

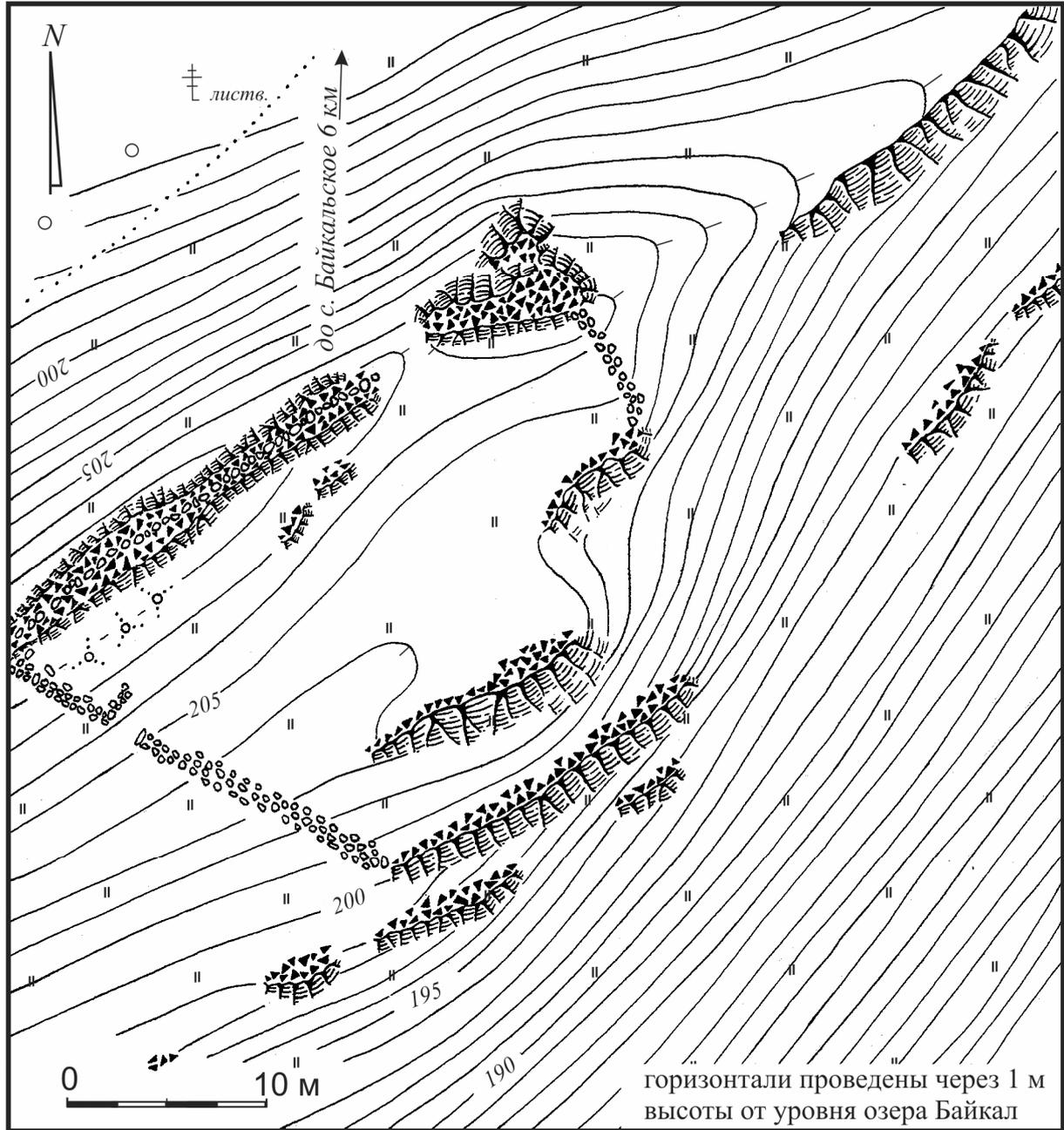

Рис. 11. Городище-святилище Берла 1

ванного двумя горизонтальными валиками (сосуд № 2); 1 – фрагментом керамического сосуда, украшенного с наружной стороны прочерченным растительным орнаментом (сосуд № 3).

Сохранившаяся часть сосуда № 1 состоит из слегка наклонного внутрь устья и расширяющегося к центру тулова (рис. 12.1). Диаметр устья в верхней части составляет 24 см. Венчик прямой горизонтальный, толщиной 5 мм. Снаружи он расчленен неглубокими наклонными вдавлениями шириной 1 мм, расположенными на расстоянии 5 мм друг от друга. Вдавления наносились округлым орнаментом. Устье сосуда сформировано ленточным налепом, крепящимся с внешней стороны верхней части тулова. Ширина налета около 5,1 см. Зона стыковки тулова и устья составляет около 1,5 см. С внешней стороны сосуда, на 8 мм ниже его верхнего края располагается налепной валик шириной 7 мм и толщиной 4 мм. Валик расчленен наклонными вдавлениями узкого круглого орнамента. Ширина вдавлений 3 мм, расстояние между ними 3–4 мм. На 2 мм ниже валика располагается ряд сегментовидных вдавлений углом округлого в сечении орнамента. Орнамент наносился слева направо. Глубже вдавлена левая округлая часть оттиска. Высота вдавления 12 мм, ширина 3 мм. Расстояние между отдельными вдавлениями 3–4 мм. В 1–2 мм ниже сегментовидных вдавлений располагается ряд вдавлений, выполненных неизвестным зубчатым орнаментом. В плане вдавления каплевидной формы, их приостренный край обращен вниз. Их высота 6 мм. Ширина 4 мм, расстояние между вдавлениями 3–4 мм. В 6–8 мм ниже ряда каплевидных вдавлений идет еще ряд подобных оттисков.

Керамический сосуд № 2 представлен фрагментами от нижней части устья и верхней части тулова (рис. 12.2). Толщина его стенок составляет 3–4 мм. Устье сформировано благодаря ленточному налепу на верхнюю часть тулова с внешней стороны. Зона стыковки тулова и устья составляет около 1 см. Устье сосуда отогнуто наружу, тулово расширяется к центру. В нижней части сосуда располагается горизонтальный налепной валик треугольный в сечении

шириной 5 см и толщиной 3 см. Валик расчленен поперечными вдавлениями треугольного в сечении орнамента. Ширина вдавлений 4 мм, расстояние между ними 5 мм. В 8 мм ниже валика, располагающегося на устье сосуда, находится валик, закрепленный в верхней части тулова. Его оформление такое же, как и у верхнего валика.

Сосуд № 3 представлен лишь одним фрагментом коричневого цвета толщиной 5–6 мм. Его внешняя поверхность украшена прочерченным криволинейным закрытым орнаментом. Толщина линий около 1 мм. Полностью реконструировать орнаментальную композицию, украшающую стенки сосуда, невозможно. Вероятно, частично сохранившийся элемент орнамента можно охарактеризовать как зигзагообразный с округлым завитком на конце. Похожий орнамент зафиксирован на сосуде, найденном в 1959 г. во время раскопок на озере Нурэ в квадрате М-3 (Грязнов, 1960).

В 2015 г. Северобайкальской экспедицией (Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин) в обнажениях берега собран археологический материал, включающий три фрагмента керамики с гладкой (2 экз.) и шнуровой (1 экз.) поверхностью, а также четыре кремневых отщепы.

Берла 3

Памятник выявлен во время разведочных работ 1996 г. на северо-западном берегу бухты Берла (рис. 1, 5). Стоянка расположена в 6,4 км к югу от с. Байкальское, на террасовидном склоне, понижающемся в юго-восточном направлении (рис. 10). В обнажении берега прослеживается следующая стратиграфия:

1. Дерн мощностью 5–7 см;
2. Серовато-бурая пылеватая супесь мощностью 20–25 см;
3. Грубообломачный материал в светло-бурой, местами белесой супеси, зачищен на глубину до 40 см.

В 1996 г. при осмотре береговых обнажений найден лишь один призматический нуклеус из серо-зеленого кремня. Фронт занимает весь периметр изделия. На одной из латералей он сбит (рис. 9.6).

Северобайкальской экспедицией 2015 г. (Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин) в

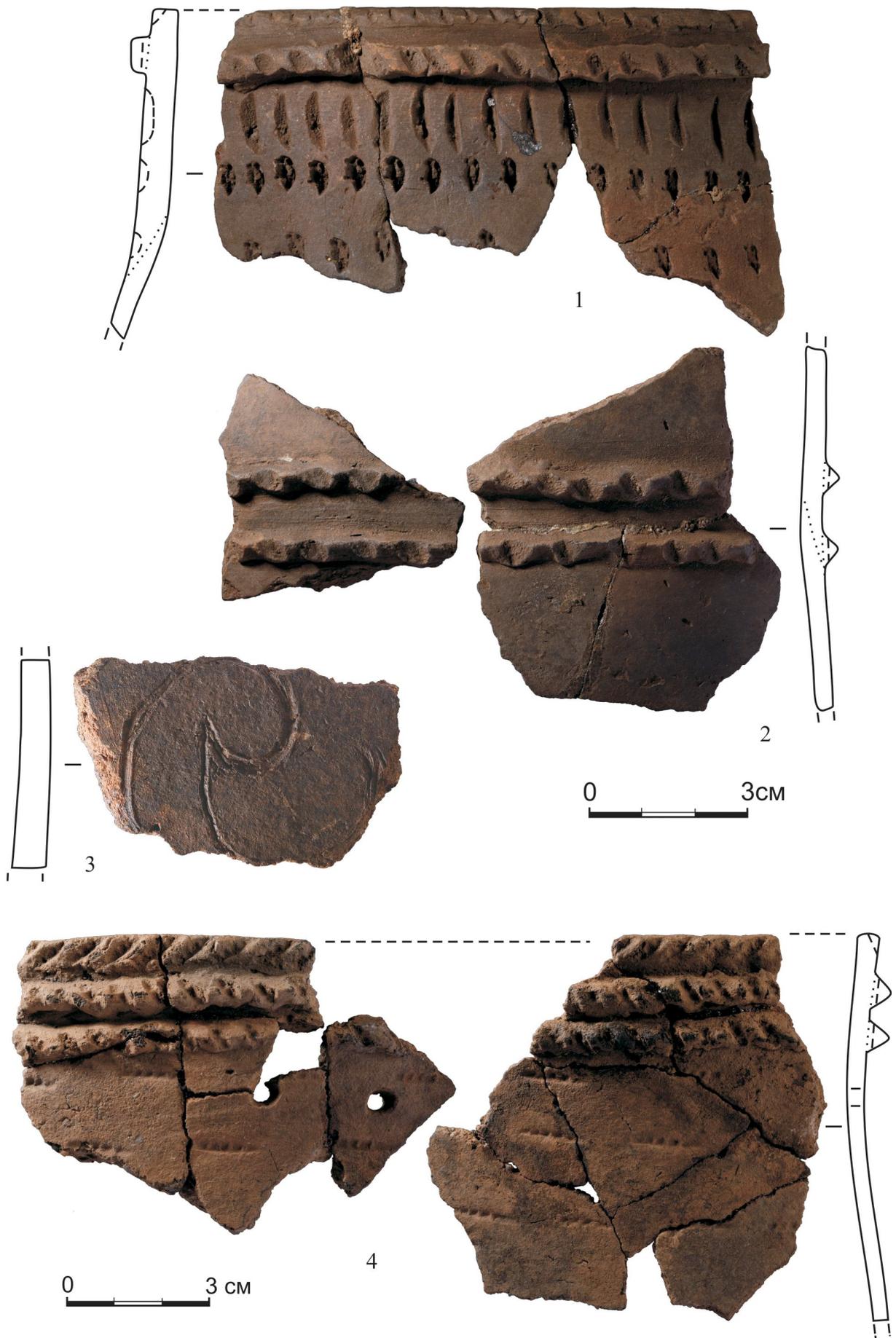

Рис. 12. Подъемный материал: 1–3 – Берла 2; 4 – Берла 3. Керамика

береговых обнажениях собран археологический материал, представленный 31 фрагментом гладкостенной керамики, большинство из которых принадлежит сосуду сложной формы, с выраженным устьем (рис. 12.4). Венчик овальной формы отогнут наружу. Внешний борт венчика украшен рядом вдавлений, выполненных торцевой частью орнамента с зубчатым окончанием, количество зубцов на орнаменте – 4. Вдавления наклонены вправо. Ниже располагаются два примыкающих друг к другу наlepных валика, треугольных в сечении. Ширина валиков 0,9 см, толщина 0,4 см. Валики рассечены вдавлениями того же орнамента, но поставленных наклонно влево. Под валиками (в верхней части тулова) фиксируются горизонтальные ряды отдельно стоящих горизонтально поставленных оттисков той же лопаточки, с шагом 1–1,5 см между оттисками в одном ряду. Расстояние между рядами составляет 1,3–1,8 см. В 3 см от внешнего края венчика, между первым и вторым рядами горизонтальных оттисков, на расстоянии 2,5 см друг от друга располагаются два круглых, конических в сечении отверстия диаметром 0,6–0,4 см (следы ремонта). Диаметр сосуда по венчику с учетом погрешности составляет 28–32 см.

Обсуждение

Обнаруженный во время разведок 1996, 1998 и 2015 гг. археологический материал представлен только подъемными сборами и не позволяет судить о контексте археологических объектов, в которые он первоначально был включен. Отсутствие четкой стратиграфической привязки найденных артефактов не дает дополнительных возможностей для их абсолютного датирования с помощью сопровождающего археологического и органического материала, также не позволяет уверенно говорить и об относительной датировке разных находок, выявленных на одном памятнике. Поэтому принимая культурно-хронологическую атрибуцию обнаруженных на северо-западном побережье Байкала находок, прежде всего, обратимся к аналогиям, известным им в прибайкальском регионе, и представлением об их культурной и временной

локализации. Анализ находок, собранных во время разведочных маршрутов, будет выстроен в хронологической последовательности от более ранних артефактов к более поздним.

К числу наиболее ранних археологических объектов, выявленных на северо-западном берегу Байкала, можно отнести стоянку Коврижка 2, в материалах которой отмечены архаичные изделия из камня. Они представлены массивным унифасиальным орудием высокого профиля из скола (рис. 8.1), клиновидным нуклеусом (рис. 8.4) и концевым скребком из крупного отщепы (рис. 8.5). Клиновидные нуклеусы широко представлены в комплексах периода позднего палеолита – мезолита Прибайкалья. Ближайшие аналоги им отмечены в XI слое Улан Хады (слой Г/3 по Грязнову), XI слое Саган-Нугэ, VI слое Кулары 3. Геологическое расположение и полученные радиоуглеродные датировки позволяют исследователям отнести их к позднему и среднему мезолиту (Грязнов, Комарова, 1992, с. 13–32; Горюнова, Свинин, 1996, с. 157–160; Горюнова, Новиков, 2000, с. 51–57; Новиков, Номоконова, 2015, с. 39–54). Таким образом, нижнюю временную границу стоянки Коврижка 2 следует соотносить с мезолитом, а сам археологический объект считать одним из самых древних на северо-западном побережье Байкала.

Среди обследованных археологических объектов к числу наиболее ранних также можно отнести стоянки Горячая 1–4. На каждой из них обнаружены изделия из камня. На Горячей 3 кроме артефактов из камня больше ничего не найдено. На Горячей 1 каменные изделия составляют большинство (рис. 8. 6–8), на Горячей 2 практически одинаковое количество изделий из камня и керамики. Среди материалов Горячей 4 преобладает керамика, но встречаются и выразительные каменные артефакты (рис. 8.10–13). Обнаруженная на Горячей 1, Горячей 2 и Горячей 4 керамика представлена отдельными фрагментами от тулова сосуда. Определить ее культурно-хронологическую локализацию затруднительно, поэтому говорить о возрасте этих археологических объектов можно в широ-

ком хронологическом диапазоне от периода неолита до бронзы.

На большей части стоянок северо-западного побережья выявлены остатки керамических сосудов. Как правило, на основе характеристики их форм и орнаментации можно более детально, чем при анализе изделий из камня, судить о хронологии памятников, на которых они обнаружены. В коллекции керамических изделий, полученных во время разведочных работ, к числу наиболее ранних относится гладкостенный сосуд со стоянки Берла 3, орнаментированный налепными валиками, рассеченными зубчатым штампом (рис. 12.4). Предварительно можно отнести данный сосуд к серовскому керамическому комплексу, хотя в нем орнаментация сосудов налепными валиками встречается достаточно редко. Преобладают орнаменты, состоящие из геометрических построений штамповых вдавлений, «пунктирных» и прочерченных линий (Горюнова, 1997, с. 98). Сосуд, орнаментированный так же как керамическая емкость со стоянки Берла 3, обнаружен в слое Г/1 Улан-Хады. Горшок украшен налепными валиками, рассеченными пунктирными насечками (Горюнова, Савельев, 1990, рис. 76–9). Валики располагаются горизонтально в четыре ряда, украшая устье сосуда от верхнего среза до шейки, примыкая вплотную друг к другу. В разрезе валики имеют треугольную форму. Ниже их, по верхней части тулова, располагаются горизонтальные ряды гребенчатых оттисков. На другом сосуде с этого же слоя чуть ниже венчика располагается один налепной валик, украшенный расположенными зигзагообразно оттисками зубчатого штампа. С внешней стороны венчика имеется горизонтальный ряд наклонно расположенных оттисков зубчатого штампа. Еще три подобных ряда находятся ниже валика (Горюнова, Савельев, 1990, рис. 76–9). Археологический материал из Г/1 слоя (IX культурный горизонт) Улан-Хады датируется О.И. Горюновой и Л.П. Хлобыстиным развитым неолитом, что соответствует IV – середине III тыс. до н. э. (Горюнова, Хлобыстин, 1992, с. 46). По нему также имеются радиоуглеродные даты 4560 ± 100 л. н. (ЛЕ-1282) и 4030 ± 115 л. н. (СОАН-3335)

(Горюнова и др., 1996). Еще один аналогичный сосуд найден в VII культурном слое на многослойном поселении Саган-Заба (раскоп № 2). Сосуд сложной закрытой формы. Диаметр венчика – 23 см. По верхней плоскости венчика нанесены наклонные зубчатые насечки; по боковой поверхности – два горизонтальных валика, украшенных наклонными линиями пунктирного штампа. Ниже проходят горизонтальные ряды, выполненные тем же штампом. По набору инвентаря и типологии керамики авторы работ относят VII слой к развитому неолиту и датируют в пределах 5,5–4,3 тыс. л. н. (Воробьева, Горюнова, Новиков, Вебер, 2009, с. 76). Сосуд, подобный приведенным выше, зафиксирован на о. Ольхон на стоянке Сарайская I. В подъемных сборах был обнаружен фрагмент сосуда, украшенный налепными валиками, рассеченными наклонными пунктирными рядами, ниже которых – горизонтальные линии, выполненные тем же штампом. Исследователи относят его к эпохе развитого неолита (Долганов, 2009).

Сосуды с похожей орнаментикой фиксируются в позднесеровских погребениях Предбайкалья. Они обнаружены в захоронении Шаманский Мыс № 3 (1975) и Усть-Долгая № 1 (Окладников, Конопацкий, 1980; Окладников, 1950; 1976). Найденный на Шаманском Мысу сосуд круглодонный, с четко выраженным и слегка отогнутым наружу устьем, верхний край которого уплощен. Снаружи венчик орнаментирован двумя треугольными в сечении налепными валиками, рассеченными вертикальными вдавлениями зубчатого штампа. Верхняя часть тулова украшена тремя горизонтальными рядами пунктирных вдавлений, а под ними X-образным орнаментом из сдвоенных пунктирных полос (Конопацкий, 1982, рис. 48). Погребение, в котором обнаружен сосуд, сопоставляется А.К. Конопацким с серовскими захоронениями Прибайкалья (1982, с. 93).

В целом, следует констатировать, что сосуды, украшенные налепными валиками, рассеченными оттисками зубчатого штампа, имеют достаточно устойчивые признаки, которые позволяют отличать эти горшки от других керамических комплексов

эпохи неолита. В связи с этим предлагаем выделить их в отдельный керамический тип – *саган-забинский*, названный в честь поселения, где остатки подобных сосудов обнаружены в четкой стратиграфической ситуации и имеют надежную датировку (Воробьева, Горюнова, Новиков, Вебер, 2009). Керамические емкости саган-забинского типа гладкостенные, их верхняя часть орнаментирована горизонтально расположенными налепными валиками, рассеченными зубчатым штампом. Поверхность сосудов, расположенная ниже валиков, украшена горизонтальными рядами оттисков, выполненных зубчатым штампом. Предварительно ареал распространения этой керамической традиции можно определить побережьем Байкала и южной частью долины Ангары.

Во время разведки 1996 г. на Берле 3 обнаружен призматический нуклеус из серо-зеленого кремня (рис. 9.6). Достоверно установить его синхронность остатками керамического сосуда не представляется возможным. Артефакты обнаружены в разные годы, при этом нуклеус найден не в слое земли, а в осыпи. Нуклеусы подобной формы встречаются на байкальском побережье в период мезолита и неолита, что с учетом обнаруженного сосуда позволяет определить возраст памятника поздним неолитом.

Археологический материал, обнаруженный на стоянке Буркан, представляет разные временные срезы. Изделия из камня (рис. 9.1, 2, 5), обнаруженные в береговых обнажениях у средней части бухты, можно датировать в пределах мезолита – неолита. Керамику (рис. 9.3, 4), найденную в обнажениях у северной оконечности бухты, следует отнести к периоду железного века. Отсутствие на ней орнаментации не позволяет определить более узкий период ее бытования.

Следующую группу керамики представляет гладкостенный сосуд, украшенный пунктирно-гребенчатыми оттисками орнамента с квадратным рабочим окончанием со стоянки Хандат (рис. 7.7). Аналогии данному сосуду прослеживаются в материалах позднего неолита Приольхонья: это IV слой Саган-Забы 2, III слой Берлоги, IX–VIII слои Тышкинэ 3, II слой Итырхя,

IV слой Куркута 3, II слой Улярбы и I слой Кулары 3 (Горюнова, 1984; Новиков, Номоконова, 2015).

Небольшие фрагменты керамики, украшенные рядами оттисков орнаментов с различными рабочими краями (округлый, треугольный, прямоугольный и т. д.), часто интерпретируемых как «отступающая лопаточка» (рис. 7.3, 8, 9, 11), датировать узким хронологическим диапазоном пока невозможно ввиду малых размеров фрагментов, не несущих большей информации. Подобная керамическая посуда отмечена в неолитических и раннебронзовых комплексах Прибайкалья (Савельев, Медведев, 1973; Свинин, 1976; Зубков, 1982; Горюнова, 1984; Савельев, 1989; Грязнов, Комарова, 1992; Горюнова, Хлобыстин, 1992; Цыденова, Хамзина, 2006; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008; Ветров, 2011).

Однако, по нашему мнению, понятие «отступающая лопаточка» является устаревшим и включает два похожих, но все-таки отличающихся приема орнаментации – отступающе-накольчатую (без отрыва орнамента от поверхности сосуда) и вдавленно-отступающую (с отрывом и переносом орнамента на определенное расстояние) техники нанесения орнамента. При этом надо заметить, что для большинства сосудов неолита и самого раннего бронзового века (*посольский, усть-бельский, северобайкальский* типы керамики) характерным приемом орнаментации является первый из них, а для всего бронзового века – второй. Поэтому приведенные выше фрагменты керамики на данный момент времени мы соотносим с неолитом – ранним бронзовым веком Прибайкалья.

Возраст остальных памятников, выявленных на северо-западном побережье Байкала, соотносится с эпохой палеометалла. Их датировка, прежде всего, определяется на основе орнаментальных и морфологических особенностей керамических сосудов.

«Вафельная» керамика, орнаментированная горизонтальными рядами оттисков орнамента с плоским (гладким или зубчатым) рабочим краем, сравнительно недавно была выделена в отдельный керамический тип и получила название керамики *курлинского типа* – по стоянке Курла 4 (се-

веро-западное побережье Байкала), в культурном слое которой впервые была отмечена (Абдулов, Тужик, 1995; Кичигин, 2010а, 2011). Ее характерными морфотипологическими признаками являются следующие вычленимые показатели:

1. *Форма сосуда и венчика.* Все сосуды закрытой формы с выраженным устьем. В трех случаях у сосудов отчетливо фиксируется круглое дно. Венчик, как правило, грибовидной формы (следствие орнаментации) и отогнут наружу – исключением являются фрагменты керамики со стоянок Курла 4 (приостренная форма), Богучанская 11 (прямая форма) и Кивилей (овальная форма).

2. *Технический декор.* Внешняя поверхность сосудов покрыта ромбическими (реже квадратными) оттисками рифленой лопатки, со стороны ромба (квадрата) 0,3–0,5 см, что свидетельствует о технике выбивки (выколотки) во время формовки изделия, отчего «вафельный декор» зачастую воспринимается как «мелкоячеистая вафля». В зоне венчика, где отмечается орнаментация сплошными рядами зубчатых (или гладких) оттисков, «ромбы» не читаются. Поэтому при первом взгляде фрагменты венчиков могут интерпретироваться как венчики от гладкостенных сосудов (!).

3. *Орнаментация сосудов.* Все сосуды орнаментированы горизонтальными рядами вертикально (наклонно) поставленных оттисков гребенчатого или гладкого, но главное – узкого (плоского) орнамента в сочетании с круглыми вдавлениями-отверстиями. Выделяются два устойчивых (основных) варианта композиций орнамента. *Первый из них* представляет собой 2–3 горизонтальных сплошных ряда оттисков, поставленных вертикально или наклонно. Под ними проходит 1–2 ряда таких же оттисков, но выстроенных в группы по два-четыре оттиска в группе (фестоны, «бахрома»). *Второй вариант* композиции выглядит примерно так же. Отличие состоит в том, что в завершающем нижнем ряду оттиски гребенчатого орнамента выстроены в форме зигзага. Верхний срез венчика в обоих вариантах орнаментирован косыми оттисками того же орнамента, что и устье сосуда. Одной из разновидностей

первого варианта орнаментальной композиции можно считать орнаментацию сосуда со стоянки Кивилей, в составе которой отмечен мотив «елочка», использованный как вставка во втором ряду вертикальных оттисков зубчатого орнамента.

Сегодня на северо-западном побережье Байкала керамика курлинского типа отмечена на 11 местонахождениях (из 19 с «вафельной» керамикой) и представлена фрагментами от 21 емкости. На основании стратиграфического и сравнительно-типологического методов датирования ее период бытования в этом районе предварительно определен последней третью II – началом I тыс. до н. э. (Хлобыстин, 1964а, б; Свинин, 1966, 1976; Абдулов, Тужик, 1995; Харинский, 2005; Коростелев, 2010; Кичигин, 2010а, 2011).

Прямых аналогий керамике курлинского типа в пределах байкальского побережья, включая прибрежные участки крупных речных артерий – в районах истока р. Ангары и устья р. Селенги – пока не встречено. В материалах десяти археологических объектов, разбросанных по всему Байкалу, отмечены либо фрагменты тулова от сосудов с вафельной поверхностью без какого-либо орнамента (*Приольхонье* – стоянка Улярба (I к. с.), Тышкинэ 3 (III-A к. с.), *побережье Чивыркуйского залива* – стоянка Катунь 1 (IV к. с.), *ЮЗ побережье* – стоянки Бабушка, Бугульдейка 2 (II к. с.), *район устья р. Селенги* – Фофановский могильник (к. с. ?)), либо фрагменты сосудов борисовского типа, которые по своим морфо-типологическим (форма сосуда, особенности технического декора и орнаментации) и культурно-хронологическим (рубеж эр) характеристикам сильно отличны от «курлинских» сосудов (*Приольхонье* – пещера Тонта, погребально-поминальный комплекс Цаган-Хушун 2, *ЮЗ побережье* – стоянка Борисовская падь) (Окладников, 1955; Свинин, 1976; Горюнова, 1983; Горюнова, Черемисин, 2000; Коршунов, Алтухов, 2004; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008; Новиков, Долганов, 2008; Харинский, 2005). Единственный сосуд с вафельными оттисками, орнаментированный зубчатыми штамповыми вдавлениями, обнаружен на Южном Байка-

ле (остров Сосновый в истоке р. Ангары), но и его отнести к керамике курлинского типа можно лишь с некоторой долей условности (Окладников, 1937, с. 5; ИРОМ, кол. 341).

В целом, следует констатировать, что керамика с «вафельным техническим декором» является не характерной для байкальского побережья и представлена малочисленным разновременным (*курлинский* и *борисовский* типы) керамическим комплексом. При этом наибольшая концентрация памятников с «вафельной» керамикой отмечена на Северном Байкале: 19 археологических объектов на северо-западном побережье и 6 в долине р. Верхней Ангары, являющейся естественным продолжением Байкальской котловины. «Вафельный технический декор» и варианты композиций орнамента, характерные для керамики курлинского типа, на байкальских материалах эпохи неолита и раннего бронзового века не прослеживаются, что позволяет говорить не о развитии этой традиции на местной основе (автохтонное происхождение), а об ее привнесении на берега Байкала извне (импортное происхождение), в данном случае, скорее всего, с северо-восточных территорий.

Ближайшие аналогии двум вариантам композиций орнамента на сосудах курлинского типа встречены на усть-каренгских местонахождениях Верхнего Витима. По культурным горизонтам стоянки Усть-Каренга 10, содержащим керамику с оттисками ромбов на внешних стенках сосудов, украшенных рядами зубчатого орнамента, получены радиоуглеродные даты – 3670±40 л. н. (ЛЕ-2650) и 3250±40 л. н. (ЛЕ-2649), которые с учетом калибровки соответствуют XVIII–XIII вв. до н. э. (Ветров, Самуилова, 1990). Причем до появления этих радиоуглеродных дат «вафельная» керамика с зубчатыми оттисками, обнаруженная на стоянке Усть-Каренга 10, предварительно датировалась более поздним временем. Стратиграфически она залегала «выше, чем керамика с подтреугольным налетом под венчиком», что позволило отнести ее к позднему бронзовому – раннему железному векам (Задонин, 1984, с. 6).

Подобная керамика отмечена и на местонахождениях Среднего Витима: пункты Старый Витим, Усть-Муя и Неляты (по устному сообщению Е.М. Инешина).

«Вафельная» керамика находит свои аналогии в ымыяхтахской культуре позднего неолита Якутии, время существования которой определено II – самым началом I тыс. до н. э. Однако подобный элемент орнамента – оттиск зубчатого штампа – на ымыяхтахских сосудах не встречен (Федосеева, 1980; Алексеев, 1996). Стоит отметить, что на стоянке Улахан Сегеленнях (Олёмка) в VII слое отмечены фрагменты сосудов с ромбическими оттисками на внешней поверхности, орнаментированные различными приемами, в том числе и зубчатыми оттисками. Сам слой, по которому получены две радиоуглеродные даты 3570±140 л. н. (ИМ-1011) и 3120±120 л. н. (ИМ-1009), датируется эпохой бронзового века (усть-мильская культура), соответствующей, по мнению автора, сер. II – сер. I тыс. до н. э. (Алексеев, 1996, с. 69–70).

Керамика с вафельной поверхностью, орнаментированная горизонтальными рядами зубчатых или овальных оттисков, на территории Якутии отмечена в комплексах раннего железного века многослойных стоянок Сумнагин 1 (слой I), Белькачи 1 (слой I), Усть-Миль 1 (слой I) и Сиктях 1 (слой I). Интересно отметить, что в материалах стоянки Угино 1 (слой I) имеется гладкостенный сосуд, орнаментация которого практически идентична *первому варианту* композиций орнамента на керамике курлинского типа. Датировка культурных слоев сводится к широкому хронологическому диапазону – 2400±100 – 500±100 л. н. (Мочанов, Федосеева и др., 1983, табл. 103–10, 116–19, 191–3, 10; 1991, табл. 144–8).

Как раз сопоставление радиоуглеродных дат, полученных по материалам стоянок Верхнего Витима (более ранние) и Якутии (более поздние), в свое время привели к известной точке зрения, согласно которой Верхний Витим вполне мог выступать районом экспорта подобной керамической традиции для Якутии (Ветров, Самуилова, 1990). Почему же долина р. Витим не могла выступать районом экспорта и для Северного Байкала? По крайней мере, на

основании имеющихся на сегодняшний день материалов, такая точка зрения остается наиболее приемлемой.

Таким образом, отсутствие вафельной керамики курлинского типа в неолитических и раннебронзовых комплексах Прибайкалья, а также близкое стратиграфическое расположение «курлинских» и «сеногдинских» сосудов на ряде объектов байкальского побережья дает основание предположить об импортном происхождении этой традиции на берегах Байкала именно в позднем бронзовом веке (послед. трет. II – перв. пол. I тыс. до н. э.). И поскольку наибольшая концентрация памятников с «вафельной» керамикой отмечена на Северном Байкале, наиболее возможным районом экспорта новых традиций следует считать Средний Витим, где подобная керамическая посуда существовала на протяжении всего II тыс. до н. э. (Ветров, Самуилова, 1990; Свинин, 1976; Харинский, 2005). Одним из кратчайших и возможных путей сообщения между районами – Северный Байкал и Средний Витим – является «речной коридор», образованный долинами рек. Верхней Ангары и Муи (приток р. Витима).

За неимением радиоуглеродных дат период бытования керамики курлинского типа на северо-западном побережье Байкала пока выведен в широкий хронологический диапазон. Однако, по нашему мнению, ее временные рамки все-таки должны быть сужены, поскольку малое количество сосудов и, самое главное, устойчивый характер композиций орнамента (отсутствие их большей вариабельности), скорее всего, свидетельствуют о непродолжительном пребывании носителей курлинской традиции на берегах Байкала.

Керамика с оттисками шнура на внешней поверхности, орнаментированная наклепными валиками, сегодня хорошо известна на территории Прибайкалья как керамика *сеногдинского типа* (тышкинэйского – по О.И. Горюновой) – по стоянке Котики 2 (Сеногда) (СЗ побережье Байкала), из подъемных сборов которой впервые получила детальное описание (Свинин, 1966; Харинский, Карнышев, 2003). Ее характерными морфо-типологическими при-

знаками являются следующие вычленяемые показатели:

1. *Формовка сосудов* происходила в процессе ручной лепки ленточным способом. Емкость формировалась с днища внутренним или внешним подлепом горизонтальными глиняными лентами. Венчик, как правило, оформлялся наклепом с внешней стороны. На заключительной стадии формовки крепился кольцевой поддон (Кичигин, 2010в).

2. *Форма сосуда и венчика*. Сосуды преимущественно состоят из трех основных конструктивных элементов – устья, тулова и поддона. Реконструируемые емкости (61 сосуд с 20 местонахождений) закрытой формы, как правило, с выраженным устьем (60,7 %) ¹. Фрагменты придонной части с поддоном или обломки поддонов обнаружены на 8 местонахождениях из 30 известных. Преобладающими формами венчиков являются: прямая (45,2 %) и овальная (33,9 %), реже встречаемыми – овальная (8,1%) и грибовидная (3,2 %) внешне асимметричные, остальные представлены единичными экземплярами (по 1,6 %).

3. *Технический декор*. Внешняя поверхность сосудов покрыта разнонаправленными оттисками ударно-прессующего орудия (лопатка или колотушка), обмотанного крученым шнуром. Оттиски лопатки в большинстве случаев наложены друг на друга, что является результатом выбивки.

4. *Орнаментация сосудов*. Основной орнамент в виде наклепных валиков (83,5 % от 85 емкостей, на которых отмечена орнаментация) и сопровождающих их круглых вдавлений (25,9 %) или отверстий (28,2 %). По своим формам, размерам и экспозиции на поверхности сосуда валики представлены различными вариантами: *по форме* – прямые (74,1 %) и волнистые (9,4 %), *по ширине* – широкие и нитевидные, оформленные пальцевыми сжатиями в протасканной или отступающей технике, *по экспозиции* – горизонтальные, вертикальные и наклонные. Как сами валики, так и верхний срез венчика часто деформируются различ-

¹ Статистические данные приведены по материалам исследования северо-западного побережья Байкала.

ными вдавлениями: «личиночными» (32,9 %), пальцевыми (15,3 %), прямоугольными (4,7 %), овальными и насечкообразными (по 3,5 %), квадратными и ромбовидными (по 2,4 %).

Сегодня на северо-западном побережье Байкала керамика сеногдинского типа отмечена в материалах 31 местонахождения (стоянки – 26, погребально-поминальные комплексы – 3, городище – 1 и пещерный объект – 1) и представлена фрагментами от 91 емкости (Хлобыстин, 1964; Свинин, 1966, 1976; Лыхин, 2003; Абдулов, Тужик, 1995; Харинский, 1988, 1993, 1996, 2005; Коростелев, 2007, 2010; Харинский, Емельянова, Рыков, 2009; Кичигин, 2009, 2010а, 2015). На основании радиоуглеродного, стратиграфического и сравнительно-типологического методов датирования ее датировка в этой части байкальского побережья сводится к X–II вв. до н. э. (Харинский, 2005).

Прямые аналогии этой керамической посуде прослеживаются по всему побережью Байкала; выходя за его пределы, она отмечена в культурных слоях и в подъемных сборах местонахождений в Приольхонье (Горюнова, 1983; Грязнов, Комарова, 1992; Горюнова, Свинин, 1995, 1996, 2000; Горюнова, Черемисин, 2000; Новиков, Долганов, 2008), на побережье Чивыркуйского залива (Горюнова, Лыхин, 1985; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008), на юго-западном побережье Байкала (Кушнарева, Хлопин, 1992), в долинах рек Ангары (до ее среднего течения) и Куды (Седякина, 1955; Васильевский, 1978; Васильевский, Бурилов, Седякина, 1980; Уланов, Бердников, 2015). Отмечена она и в материалах ранних плиточных могил Приольхонья и Забайкалья (Цыбиктаров, 1998; Туркин, 2003).

Керамика сеногдинского типа появляется на побережье Байкала с конца II тыс. до н. э. и увязывается большинством исследователей с культурой плиточных могил Забайкалья (Хлобыстин, 1964; Свинин, 1966; Харинский, 2005; Кичигин, 2012). Проникая сначала в лесостепное Приольхонье (Туркин, 2003), традиция изготавливать «шнуровые» сосуды на поддонах, орнаментированные налепными валиками, в начале I тыс. до н. э. распространяется по всему

побережью озера и далее на запад – в Кудинской долине и Приангарье (до среднего течения р. Ангары) (Седякина, 1955; Свинин, 1967; Васильевский, 1978; Васильевский, Бурилов, Седякина, 1980).

Анализ морфо-типологических характеристик форм сосудов и орнаментации в свое время позволил разделить весь керамический комплекс сеногдинского типа на *ранний* и *поздний* варианты. Такая градация подкреплена сравнительно-типологическим и радиоуглеродным методами датирования. К *раннему варианту* керамики сеногдинского типа (XIII (X)–VI вв. до н. э.) принято относить сосуды, как правило, простой закрытой формы без устья, орнаментированные стандартной композицией орнамента (несколько горизонтальных широких валиков + круглые вдавления-отверстия), к *позднему варианту* (VI (V)–I вв. до н. э.) – сосуды сложной закрытой формы с выраженным устьем, на которых помимо стандартной отмечается еще и вспомогательная композиция орнамента (горизонтальные, вертикальные и наклонные нитевидные валики, покрывающие тулово сосуда) (Кичигин, 2010б, с. 173–178). К последнему варианту относится и «шнуровой» сосуд со стоянки Хибилен.

На целом ряде стоянок, расположенных вдоль северо-западного побережья озера Байкал, отмечена керамика, которую можно отнести к самой поздней хронологической группе – елгинской, бытовавшей на территории Предбайкалья на протяжении III в. до н. э. – IV в. н. э. Керамика елгинского типа представлена гладкостенными плоскодонными сосудами, преимущественно орнаментированными налепными горизонтальными валиками, рассеченными вертикальными или наклонными вдавлениями орнамента. Указанная керамика существовала на берегах Байкала вместе с носителями елгинского погребального обряда (Харинский, 2005, с. 208). Ее аналоги, датирующиеся более ранним временем, фиксируются в Южном Забайкалье. Но и к западу от Байкала можно встретить сосуды, относящиеся ко второй половине I тыс. до н. э., орнаментация и форма которых близка к елгинским сосудам. Прежде всего, это относится к емкостям, украшенным не-

сколькими рядами рассеченных или нерас-
сеченных налепных валиков. В их число
входит керамика борисовского типа (Ха-
ринский, 2005, с. 204–207), покрытая с
внешней стороны вафельными (ромбиче-
скими) отпечатками. Наряду с ней широкое
распространение на побережье Байкала по-
лучили и гладкостенные сосуды, имеющие
схожую форму и орнаментацию.

Подобными характеристиками облада-
ют остатки гладкостенного сосуда с налеп-
ными валиками со стоянки Коврижка 1
(рис. 6.2). В нем прослеживается ряд конст-
руктивных и орнаментальных элементов,
характерных для предшествующего перио-
да, связанного с преобладанием на побере-
жье Байкала позднего комплекса керамики
сеногдинского типа (Харинский, 2005,
с. 201–203; Кичигин, 2010б, с. 173–178). Он
характеризуется наличием на сосудах верх-
него конструктивного элемента устья, ко-
торый, как и верхняя часть тулова, укра-
шался широкими горизонтальными налеп-
ными валиками. При этом валики дефор-
мировались посредством пальцевых защи-
пов, что наблюдается и на ряде сеногдин-
ских сосудов. Верхний из валиков, укра-
шающих сосуд с Коврижки 1, располагает-
ся близко к его верхнему краю и поэтому
может рассматриваться как внешний налеп
венчика. Подобное оформление венчиков
фиксируется как на сеногдинской (рис. 6.1),
так и на елгинской керамике (Горюнова,
Пудовкина, 1995, рис. 3–3, 5; Харинский,
2005, рис. 6–1, 2, 5; Номоконова и др., 2014,
рис. 3–6).

Керамические сосуды с такими же ха-
рактеристиками, как и сосуд с Коврижки 1,
обнаружены на стоянке Северобайкаль-
ская 1. Они имеют округлый венчик и ук-
рашены треугольным налепным валиком,
который приобрел волнистую форму в ре-
зультате чередующихся пальцевых вдавле-
ний с его верхней и нижней сторон (Харин-
ский и др., 2009, рис. 17–2, 3). Судя по
морфологическим и орнаментальным осо-
бенностям, а также по стратиграфической
локализации, керамические сосуды с по-
добными характеристиками предвари-
тельно можно датировать концом I тыс. до н. э.
– началом I тыс. н. э. Таким же временем
датируется подобная керамика и со стоянки

Красный Яр 2 (Кичигин, 2010, рис. 10–4,
с. 173). К этому периоду можно отнести и
идентичную керамику со стоянок Курла 7 и
Курла 8 (Абдулов, Тужик, 1995, рис. 5–3,
6–1) и Смородовая падь (Кушнарева, Хло-
пин, 1992, рис. 89–2). Вероятно, какое-то
время гладкостенные сосуды с волнистым
налепным валиком сосуществовали с кера-
микой елгинского типа, что подтверждает-
ся материалами со стоянки Катунь 1. Здесь
фрагмент гладкостенного керамического
сосуда с налепным валиком, деформиро-
ванным пальцевыми вдавлениями (Номо-
конова и др., 2014, рис. 3–5), обнаружена в
слое ПВ вместе с фрагментами елгинских
сосудов (Номоконова и др., 2014, рис. 3–4).
По зубу лошади из этого культурного слоя
получена радиоуглеродная дата 1860 ± 30
(Beta-335113). Ее калиброванный возраст
определяется в пределах I–III вв. н. э. (Но-
моконова и др., 2014, с. 50).

Учитывая устойчивое сочетание мор-
фологических и орнаментальных приемов
на керамических сосудах, украшенных на-
лепными валиками с пальцевыми вдавле-
ниями или защипами, предлагаем выделить
их в отдельный керамический тип – *ков-
рижжинский*. Он включает гладкостенные
керамические емкости, состоящие только
из тулова или тулова и устья, которые ор-
наментированы налепными валиками,
имеющими волнистую форму в результате
двухсторонних пальцевых вдавлений или
защипов. На некоторых из них помимо ва-
ликов фиксируется горизонтальный ряд
круглых вдавлений.

На смену сеногдинским и коврижжин-
ским емкостям приходят керамические со-
суды елгинского типа, какое-то время су-
ществовавшие одновременно с ними. На
северо-западном побережье Байкала они
встречены на стоянках Коврижка 1
(рис. 7.2), Коврижка 3 (рис. 7.1), Котельни-
ковский 4 (рис. 7.6), Буркан 1 (рис. 9.3, 4),
Берла 2 (рис. 12.1–3). К числу наиболее вы-
разительных можно отнести те фрагменты
елгинских сосудов, на которых отмечена
орнаментация. Именно она является важ-
нейшим критерием выделения этого кера-
мического типа из числа других. Форма
венчика и морфологические особенности
сосуда не являются надежными критериями

для дифференциации керамических комплексов, ведь многие из них имеют очень широкую временную локализацию.

Одним из важнейших элементов елгинских сосудов является орнаментация верхней части емкостей (устья и тулова) наклепными валиками, большая часть которых рассечена вертикальными или наклонными вдавлениями треугольного или округлого в сечении орнамента. Сохраняя тенденции предшествующих керамических традиций, наиболее ранние елгинские сосуды иногда украшались несколькими рядами валиков. Подобная орнаментация фиксируется на сосудах со стоянок Котельниковский 4 и Берла 2 (сосуд № 2).

Более полно по сравнению с другими елгинскими емкостями сохранился сосуд № 1 со стоянки Берла 2. К данному керамическому типу его можно отнести по трем важным показателям – гладкостенность, наличие устья и орнаментация наклепным валиком, рассеченным наклонными вдавлениями узкой круглой палочки. Наряду с этим на сосуде с Берлы 2 зафиксированы и орнаменты, редко встречаемые на елгинских сосудах – сегментовидные вдавления, выполненные углом округлой в сечении палочки, и вдавления, нанесенные зубчатым орнаментом каплевидной формы. Их наличие придает сосуду № 2 с Берлы 2 определенное своеобразие.

В составе елгинской керамической традиции выделяется сосновоостровская керамика, украшенная прочерченными криволинейными орнаментами (Харинский, 2005, с. 208). Один из фрагментов сосуда с подобной орнаментацией встречен на стоянке Берла 2 (рис. 12.3). Полностью реконструировать орнаментальную композицию, украшающую стенки сосуда, невозможно. Частично сохранившийся элемент орнамента можно охарактеризовать как зигзагообразный с округлым завитком на конце.

Среди орнаментальных композиций на сосновоостровских сосудах пока не встречено сочетание прочерченных закрытых криволинейных орнаментов, как на сосуде № 3 с Берлы 3, с прочерченными открытыми криволинейными орнаментами в виде дуги. И хотя прочерченный дугообразный орнамент достаточно часто фиксируется на

елгинских сосудах, сопоставлять его с закрытыми криволинейными орнаментами неправомерно. На основе радиоуглеродных дат и сопровождающего археологического материала время существования керамики сосновоостровского типа можно определить концом I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э. (Харинский, 2005, с. 208). Диапазон существования прочерченного дугообразного орнамента на побережье Байкала значительно шире с конца I тыс. до н. э. до начала I тыс. н. э. При этом фактов существования керамики с прочерченным дугообразным орнаментом на байкальском побережье в XI–XIV вв. не известно. В связи с этим, предложенная Т.Ю. Номоконовой датировка сосудов с подобной орнаментацией первой половиной II тыс. н. э. не выглядит убедительной. Свои выводы автор основывает на присутствии в материалах поминальных комплексов Приольхонья Куркут I, Хужир-Нугэ XX и Нуры I железных наконечников стрел которые, по его мнению, датируются в пределах XI–XIV в. (Номоконова, 2005, с. 225–226). При этом Т.Ю. Номоконова не учитывает: а) наконечники стрел, подобные обнаруженным в поминальниках, бытовали и в конце I тыс. н. э.; б) объекты, входящие в комплексы Куркут I и Нуры I, могут относиться к разному времени; в) материалы, находящиеся в тех или иных комплексах, не всегда попадали в них одновременно.

Попытка использовать её для определения времени бытования керамики с прочерченным «растительным» орнаментом с Усть-Белой не имеет никаких оснований (Уланов, Бердников, 2015, с. 72, 75). Во-первых, для аналогии привлекаются не керамические сосуды с «растительным» орнаментом, а украшенные прочерченными дугами (арками), во-вторых, хронологический диапазон, используемый для датировки сосудов с прочерченным дугообразным (арочным) орнаментом заимствуется из работы другого исследователя, не подвергаясь при этом какому-либо анализу.

На городище-святилище, расположенном на вершине мыса Берла, археологический материал обнаружен не был. Земляные работы на нем не производились, поэтому определить его датировку и культур-

ную принадлежность достаточно проблематично. Отсутствие на Берле следов жилищ и какого-либо археологического материала свидетельствует о том, что люди на нем не проживали. Это подтверждается и геоморфологическим положением этого археологического объекта. Он находится на вершине горы и совершенно не защищен от ветров, бывающих в этих местах достаточно сильными. Высота памятника над уровнем Байкала около 270 м. Других источников пресной воды поблизости нет. Доставлять воду на вершину горы очень сложно из-за значительной крутизны склона, обращенного к Байкалу. Площадка, которую занимает городище-святилище, имеет наклон в юго-восточном направлении. Следов ее искусственного выравнивания не отмечено. Ее размеры 32 x 20 м. Установить на ней даже временное наземное жилище сложно. С юго-западной и северо-восточной сторон к ней примыкают скальные гребни, которые тем более непригодны для организации временных жилищ.

Использовать Берлу 1 для защиты от нападения противника невозможно. Огораживающая городище-святилище с юго-западной и северо-восточной сторон каменная гряда высотой не более 0,7 м. Она не могла являться серьезной преградой для врагов. Среди камней не видно следов дополнительных деревянных конструкций, которые можно было бы использовать для защиты. Высота скальных выходов, окаймляющих памятник с юго-восточной и северо-западной сторон, незначительна. Они также не могли служить серьезным препятствием для нападающих. Внутренняя площадка городища-святилища имеет наклон в 20°, поэтому она хорошо могла простреливаться противником, особенно с более возвышенной юго-западной стороны.

Топографические и конструктивные особенности Берлы 1 позволяют поставить этот памятник в один ряд с другими городищами-святилищами, известными на байкальском побережье. Больше всего Берла 1 походит на городища-святилища Байкальское 1, Байкальское 2, Байкальское 4 и Байкальское 5, расположенные в окрестностях с. Байкальское (Харинский, 1991; Харинский, 1993) и Онхой 1 (Кичигин, 2010б).

На трех из них проводились археологические раскопки, на основании которых эти археологические объекты преимущественно датируются елгинским периодом (III в. до н. э. – IV в. н. э.). Правда, на городище-святилище Байкальское 1 фиксируется и более ранний культурный слой, относящийся к бутухейскому периоду и содержащий керамику сеногдинского типа (Харинский, 2005, рис. 3). Вероятно, елгинским периодом следует датировать и городище-святилище Берла 1. На функциональное назначение памятника указывает его расположение. Он занимает доминирующее положение над окружающей местностью. Имеющиеся в его оградительной системе проходы указывают на направления, по которым к нему поднимались в древности люди. Одно из этих направлений северо-западное – со стороны долины р. Горемыка, а другое юго-западное – со стороны Байкала, как раз с того места, где находится стоянка Берла 2, также относящаяся к елгинскому периоду.

Заключение

Археологический материал, обнаруженный во время разведок 1996, 1998 и 2015 гг. на основе существующей технологической классификации можно разделить на несколько хронологических групп: поздний палеолит – мезолит; неолит; бронзовый век; железный век. К первой группе следует отнести материалы с двух археологических объектов: Коврижка 2 и Буркан 1, представленные изделиями из камня. Хотя помимо материалов каменного века на этих памятниках обнаружены остатки сосудов неолита – раннего бронзового века, железного века. Археологический материал неолитического времени зафиксирован на стоянках Котельниковский 2, Горячая 1–4, Хандат и Берла 3. Отнесение к неолиту стоянок Горячая 1–4 носит предварительный характер. На них не обнаружена хорошо диагностируемая керамика, поэтому определение времени их существования было сделано исключительно по каменному инвентарю.

К периоду бронзового – раннего железного века отнесены находки с четырех археологических объектов – Хибилен, Ков-

рижка 3, Котельниковский 1 и Кивилей. Они преимущественно представлены остатками керамической посуды, форма и орнаментация которой позволяют определить возраст памятника. Объединение материалов двух технологических периодов произошло потому, что в это время на северо-западном побережье Байкала не фиксируются значительных культурных изменений. Среди керамических комплексов продолжает преобладать керамика сеногдинского типа. Следов использования железа не фиксируется.

Стоянки Котельниковский 3, Котельниковский 4, Берла 2 и городище-святилище Берла 1 датируются железным веком. Один из фрагментов керамики с Коврижка 3 (рис. 7.1) также можно отнести к железному веку. Как и объекты предшествующих периодов, стоянки железного века можно охарактеризовать, как сезонные стоянки. На них не обнаружено следов длительного пребывания человека, связанных с наличием остатков жилищ и мощного культурного слоя. Отмеченные в районе бухты Берла стоянка и, вероятно, синхронное ей городище-святилище можно считать единой территориальной группой памятников, объединенных хозяйственно-сакральной связью. Городище-святилище в этой терри-

ториальной группе можно рассматривать как сакральный центр, а стоянку как сезонный лагерь рыболовов и охотников. Использование Берлы 2 как долговременного поселения было невозможно. Мест для организации поселения здесь немного. Со всех сторон площадку в устье распадка, на которой собран археологический материал, окружают крутые склоны гор. Бухта небольшая и в ней не скроешься от сильного шторма. Защиты от дующего с Байкала ветра нет. Вероятно, базовое поселение людей, оставивших городище-святилище и стоянку на берегу бухты Берла, находилось в долине реки Горемыки, в сторону которой был обращен один из проходов городища-святилища.

Пока у нас имеются только предварительные данные об освоении человеком северо-западного побережья Байкала в древности. Подъемные материалы лишь обозначают участки местности, на которых предстоит вести дальнейшие археологические исследования. Но уже на их основе можно составить предварительную картину использования древним населением ресурсов байкальского побережья в разные исторические периоды.

Статья поступила 19.11.2015 г.

Библиографический список

1. Абдулов Т.А., Тужик Л.Л. Керамические комплексы местонахождений Курлинской бухты // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С. 175–92.
2. Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск : Изд-во Инта археологии и этнографии СО РАН, 1996. 144 с.
3. Васильевский Р.С. Археологические исследования на Средней Ангаре (некоторые предварительные результаты работ Ангаро-Илимской экспедиции 1967–1974 гг.) // Древние культуры Приангарья / Отв. ред. д-р ист. наук Р.С. Васильевский. Новосибирск : Наука, 1978. С. 131–150.
4. Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Седякина Е.Ф. Археологические исследования в зоне Усть-Илимской ГЭС в 1970 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск : Наука, 1980. С. 53–75.
5. Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5–4,6 – 3,5 тыс. л. н.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.). Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 34–41.
6. Ветров В.М., Самуилова О.В. Новое направление в археологии Верхнего Витима (эпоха палеометалла) // Палеоэтнология Сибири : тез. докл. Иркутск : Иркут. ун-т, 1990. С. 122–124.
7. Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Археологические и палеоэкологические аспекты обитания человека на многослойном геоархеологическом объекте Саган-Заба II (по материалам раскопок 2006 г.) // Известия Лаборатории

- древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. Вып. 7. С. 73–85.
8. Горюнова О.И. Комплекс бронзового века многослойного поселения Тышкинэ III (к вопросу о поздней бронзе на Байкале) // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск : Наука, 1983. С. 70–75.
 9. Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 17 с.
 10. Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1997. 112 с.
 11. Горюнова О.И., Лыхин Ю.П. Археологические памятники п-ва Святой Нос: (оз. Байкал) // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск : Наука, 1985. С. 130–147.
 12. Горюнова О.И., Новиков А.Г. Бескерамические комплексы Приольхонья (оз. Байкал) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2000. С. 51–57.
 13. Горюнова О.И., Пудовкина Е.А. Могильник Елга VII и его место в периодизации железного века Приольхонья // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С. 154–174.
 14. Горюнова О.И., Савельев Н.А. Улан-Хада // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. Иркутск, 1990. С. 127–133.
 15. Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. Иркутск : Арком, 1995. Ч. 1. Остров Ольхон. 142 с.
 16. Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. Иркутск : Арком, 1996. Ч. 2. Материковый участок от мыса Елохин до мыса Улан. 213 с.
 17. Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. Иркутск : Арком, 2000. Ч. 3. Материковый участок от мыса Улан до реки Большая Бугульдейка. 182 с.
 18. Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск, 1992. С. 41–56.
 19. Горюнова О.И., Черемисин С.А. Пещера Тонта – разновременный памятник Приольхонья (оз. Байкал) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск : Изд-во Иркут. пед. ун-та, 2000. Вып. 2, ч. 2. С. 146–165.
 20. Горюнова О.И., Номоконова Т.Ю., Новиков А.Г. Многослойное поселение Катунь I – основа периодизации эпохи палеометалла побережья Чивыркуйского залива озера Байкал // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии : сб. науч. тр. / отв. ред., д-р истор. наук, проф. Г.И. Медведев. Иркутск : Изд-во Оттиск, 2008. С. 35–45.
 21. Грязнов М.П. Отчет Иркутской экспедиции Института археологии АН СССР о раскопках на Байкале в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р.1. № 2023. 242 л. (Л., 1960).
 22. Грязнов М.П., Комарова М.Н. Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. С. 13–32.
 23. Долганов В.А. Древние стоянки острова Ольхон (по материалам подъемных сборов 1976–2009 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. Вып. 7. С. 198–210.
 24. Задонин О.В. Отчет о полевых исследованиях в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р. I. № 9961. 35 с. (Иркутск, 1984).
 25. Зубков В.С. Неолит и ранний бронзовый век Верхней Лены : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 18 с.
 26. Кичигин Д.Е. Шнуровая керамика периода позднего бронзового – раннего железного веков западного побережья озера Байкал // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й Всерос. конф. (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.) Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 158–165.
 27. Кичигин Д.Е. Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы // Известия Лаборатории древних технологий : сб. науч. трудов / Иркут. гос. тех. ун-т. Иркутск, 2010а. Вып. 8. С. 154–192.
 28. Кичигин Д.Е. Археологические исследования на территории Байкало-Ленского

- заповедника // Известия Лаборатории древних технологий : сб. науч. трудов / Иркут. гос. тех. ун-т. Иркутск, 2010б. Вып. 8. С. 259–268.
29. Кичигин Д.Е. Кольцевой поддон как конструктивный элемент сеногдинской керамики // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. унта, 2010в. С. 69–72.
30. Кичигин Д.Е. «Вафельная» керамика побережья озера Байкал // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.). Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 183–193.
31. Кичигин Д.Е. Поздний бронзовый – ранний железный века северо-западного побережья озера Байкал (по материалам стоянок) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2012. 18 с.
32. Кичигин Д.Е. Поздний бронзовый век северо-западного побережья Байкала // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири : материалы VI Междунар. науч. конф. (Хух-Хото, 12–16 окт. 2015 г.). Хух-Хото, 2015. Т. I. С. 346–355.
33. Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. Новосибирск, 1982. 175 с.
34. Коростелев А.М. Отчет об археологических исследованиях в районе Слюдянских озер в 2006 г. (Северобайкальский район Республики Бурятия) // Архив ЛДТ ИрГТУ. 33 с. (Иркутск, 2007).
35. Коростелев А.М. Отчет об археологических исследованиях на погребально-поминальном комплексе Байкальское VII в 2009 г. (Северобайкальский район Республики Бурятия). Иркутск, 2010. 56 с.
36. Коршунов Е.О., Алтухов В.В. Многослойная стоянка Бугульдейка II на юго-западном побережье озера Байкал // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности : Материалы XLIV Регион. (с междунар. участ.) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. Кемерово, 2004. С. 86–87.
37. Кушнарев К.Х., Хлопин И.Н. Раскопки поселений на юго-западном побережье Байкала // Древности Байкала. Иркутск, 1992. С. 84–91.
38. Молчанов Г.Н., Шохирева А.В. Керамическая коллекция из археологического местонахождения Мыс Котельниковский – Маячная на Северном Байкале // Археология и этнография Азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы) : Материалы XLIX Рег. археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых (Кемерово, 31 марта – 3 апреля 2009 г.). Кемерово, 2009. С. 143–144.
39. Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербак Н.М. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы. Новосибирск : Наука, 1983. 392 с.
40. Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Константинов И.В., Антипина Н.В., Аргунов В.Г. Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека. М.: Наука, 1991. 224 с.
41. Новиков А.Г., Долганов В.А. Улярба – новое стратифицированное поселение в Приольхонье // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. Вып. 6. С. 101–111.
42. Новиков А.Г., Номоконова Т.Ю. Многослойное поселение Кулара III: археологические комплексы и датировка // Известия ИГУ. Иркутск. 2015. Т.11. Серия геоархеология. Этнология, антропология. С. 39–54.
43. Номоконова Т.Ю. Орнаментация средневековых сосудов Приольхонья (оз. Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск. 2005. Вып. 3. С. 221–229.
44. Номоконова Т.Ю., Новиков А.Г., Горюнова О.И. Использование стоянок Чивыркуйского залива озера Байкал в позднем голоцене (по фаунистическому материалу) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2014. Вып. 1 (10). С. 46–54.
45. Окладников А.П. Ангарская экспедиция 1937 г. // ИРОМ, колл. 341.
46. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч.1, 2. 412 с. (МИА. № 18).
47. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. 3. Глазковское время. 374 с. (МИА. № 43).

48. Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары: (от Серово до Братска). Новосибирск : Наука, 1976. 328 с.
49. Окладников А.П. Предварительный отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1937 г. // Архив ИА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 222. 32 с.
50. Окладников А.П., Конопацкий А.К. Исследования на острове Ольхон в 1975 году // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск, 1980. С. 123–136.
51. Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных проблем и современное состояние проблемы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.
52. Савельев Н.А., Медведев Г.И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири : сб. статей, посвящ. памяти В.Н. Чернецова. М.: Наука, 1973. С. 56–64.
53. Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963–1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 гг. Иркутск, 1966. С. 50–69.
54. Свинин В.В. Периодизация археологических памятников Байкала // Изв. / ВСОГО СССР. 1976. Т. 69. С. 167–179.
55. Седякина Е.Ф. Археологические исследования на островах р. Ангары // Вест. Ленингр. ун-та. 1955. № 9. С. 117–120.
56. Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в кон. II – I тыс. до н. э. (по материалам погребально-поминальных комплексов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. 24 с.
57. Уланов И.В., Бердников И.М. Керамические комплексы Усть-Белой: систематизация, хронометрия, хронология // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 12. С. 47–80.
58. Федосеева С.А. Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. 224 с.
59. Харинский А.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал и в долине реки Куды в 1995 г. (Северобайкальский район Бурятии, Эхирит-Булагатский район Иркутской области) // Архив ИА РАН. Р.1. 151 л. (Иркутск, 1996).
60. Харинский А.В. Динамика формирования внешнего облика «городища» Байкальское I // Музей и краеведение: проблемы истории и культуры народов Бурятии. Улан-Удэ, 1993. С. 44–46.
61. Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. Вып. 3. С. 198–215.
62. Харинский А.В. Северобайкальские городища как ритуальные комплексы железного века // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. Т. 1. С.11–13.
63. Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Рыков Г.К. Северо-западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок // Известия Лаборатории древних технологий : сб. науч. трудов / отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. Вып. 7. С. 86–112.
64. Харинский А.В., Карнышев И.С. Керамические традиции северо-западного побережья озера Байкал в I тыс. до н. э. (по материалам стоянки Балтаханова III) // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее : Материалы рег. науч.-практ. конф. Иркутск, 2003. С. 137–141.
65. Хлобыстин Л.П. Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1964а. 18 с.
66. Хлобыстин Л.П. Отчет об археологических разведках, проведенных на побережье озера Байкал в 1963 году // Архив ИА РАН. Р.1., № 2748. (Ленинград, 1964).
67. Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 288 с.
68. Цыденова Н.В., Хамзина Е.А. Керамические материалы посольской стоянки: корреляции и варианты интерпретации // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2006. Вып. 4. С. 323–332.

Сведения об авторах

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: 89149002144, e-mail: kharinsky@mail.ru

Kharinsky Artur Victorovich, doctor of science, professor, director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontova St., Irkutsk, 664074, Russia, tel.: 89149002144, e-mail: kharinsky@mail.ru

Емельянова Юлиана Андреевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: +791493322657, e-mail: tonag@inbox.ru

Emelianova Yuliana Andreevna, PhD, researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of People of Northern Asia, Irkutsk State Technical University, 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83. tel.: +791493322657, e-mail: tonag@inbox.ru

Кичигин Дмитрий Евгеньевич: кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: +79149338395, e-mail: kichkok@rambler.ru

Kichigin Dmitry Evgen'evich, PhD, associate-professor of the department of history and philosophy, researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of People of Northern Asia, Irkutsk State Technical University, 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83. tel.: +79149338395, e-mail: kichkok@rambler.ru

УДК 94 (=512.31)

ОСНОВНЫЕ ВЕРСИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ БУРЯТСКОГО НАРОДА

© В.В. Ушницкий

Статья посвящена проблеме происхождения бурятского народа. Отдельно рассмотрены основные бурятские племена: хори, эхирит-булагаты, хонгодоры. Изучены вопросы происхождения «лесных народов» Баргуджин-Тукума XIII в.: хори, булагачин, баргут. Подвергается анализу этимология самоназвания бурят. В статье использованы фольклорные источники, письменные источники и историография по теме. Рассмотрены этнокультурные связи бурят с тюркоязычными народами: кыргызами, хакасами, саха и казахами.

Ключевые слова: этногенез, бурятоведение, монголоведение, тюркология, Восточная Сибирь.

BASIC VERSION OF THE ORIGIN OF THE BURYAT PEOPLE

© V.V.Ushnitsky

The article discusses the origin of the Buryat people. Separately, the basic Buryat tribes Hori, Ekhirit-bulagaty, Khongodors. We study the question of origin of the "forest peoples" Bargudzhin-Tukuma in XIII century: Hori, bulagachin, Barghouti. Etymology is analyzed self-designation of Buryatia. The article draws on folk sources, written sources and historiography on the topic. We consider ethnic and cultural ties with the Turkic peoples of the Buryats: Kyrgyz, Khakassia, Sakha and Kazakhs.

Key words: Ethnogenesis drilled behavior, Mongolian, Turkology, Eastern Siberia, turkology.

Следует сказать, что по проблеме этногенеза бурятского народа имеется обширная научная литература и работает ряд известных, серьезных исследователей. Но большая часть этой литературы посвящена вопросам формирования отдельных племен: хоринцев [Румянцев, 1962; Цыдендамбаев, 1972; Дашибалов, 2002; Дугаров, 1993], булагатов [Павлов, 2008; Зориктуев, 1993; Нанзатов, 2005], хонгодоров [Галданова, 1996], эхиритов [Долгих, 1953]. В целом проблема этногенеза бурят получила развитие в трудах Д.Д. Нимаева [Нимаев, 2000] и Л.Д. Павлинской [Павлинская, 2008]. Библиографии и различных гипотез по этногенезу и ранней этнической истории различных бурятских племен столь много, что бурятским исследователям все время приходится разбирать разные версии, поддерживать одну и отвергать другие. Следовательно, в историографии вопроса сложилась своя схема подхода к изучению проблемы, пересекать которую нельзя из-за авторитета предыдущих исследователей

темы. Со стороны всегда видится объективнее, к тому же изучение этногенеза бурят и саха наталкивается на проблему существования тюрко-монгольского пограничья в Байкальском регионе.

Аксиомой считается происхождение бурят от лесных племен Баргуджин-Тукума. Поэтому лесные племена XIII в.: хори-туматы, баргуты, булагачины и керемучины, ойраты – все считаются монголоязычными предками бурят. Но к лесным народам отнесены и киргизы, и туласы, и сайн-урянхаты, тюркское происхождение которых не вызывает сомнения.

Прибайкалье в источниках монгольского периода носит имя баргутов – Баргуджин-Тукум. Поэтому народ баргутов, к которому относят племена ойрат и тумат, незря считается протобурятским объединением. В бурятских генеалогиях фигурирует прапродитель Баргу-батор, его братьями являются Елет и Бурят. Иоганн Георги (1729–1802), немецкий этнограф и путешественник, в названии бурят употребляет двойное

имя: Баргу-Буретт. Идентичность племени баргутов Внутренней Монголии с бурятами является ныне доказанной. Так называемые старые баргуты являются потомками мигрантов с территории Прибайкалья в XVII в. Новые баргуты перекочевали из Забайкалья в XVIII–XIX вв.

Николаас Витсен считал, что «Буряты татарского происхождения живут большей частью между реками Енисей и Ангара, до Байкала. Это благочестивый народ, живущий скотоводством. Их язык во многом схож с языком народов вокруг Якутска, и их считают одного происхождения. Оба эти языка имеют много общего с татарским языком. Считают, что эти народы в древние времена из-за войн с калмыками из области Тобола, или более отдаленных западных краев, были загнаны туда, или же сами перешли туда ради большего простора» [Витсен, 1996, с. 661].

Следовательно, перед нами встает проблема проникновения носителей монгольских языков в Байкальский регион. Поскольку баргуты считались близкими родственниками монгольских племен, то исследователи убеждены в их монголоязычии. Но баргуты считаются потомками телеского племени байырку, которые всегда считались тюрками. В состав баргутов включали и другие лесные народы: хоритуматов и туласов. Поэтому можно утверждать о наличии баргутского союза племен. Поскольку в генеалогии бурятских племен Барга-батор занимает главное положение, то это объединение считается протобурятским.

В «Сокровенном сказании» говорится, что дочь вождя баргутов Баргудай-мэргэна Борджигин-гоа была женой Хоридой-мэргэна. И от них родилась праматерь монголов Алан-гоа [Сокровенное сказание... 2002, с. 7–8]. Баргутам обычно отводят территорию нынешней Баргузинской котловины на севере Бурятии, после исчезновения курыкан их южными соседями были меркиты и хори-туматы. В хоринских легендах отцом родоначальника бурят Бураяда и хори Хоридоя является Барга-батор. Для сравнения, в некоторых генеалогических легендах саха сыном Элэя считается Барга-Баатыр [Ксенофонов, 1977, с. 128].

Согласно одному бурятскому преданию от сына Хун-тайчжи-хана Барга-батора произошли якуты, от Шоно-батора – корейцы, булагаты – от Сэрэн-галдана, хори от – Хореодой убгуна [Румянцев, 1962, с. 173]. Любопытно, что, по сведениям бурятского фольклора, Баргу-Батор направился вместе с сыном Хоридой-Мергеном вниз по Лене, на территорию будущей Якутии, сам он вернулся обратно в Иркутскую губернию. Оставшийся там его сын Хоридой женился на «дочери неба», имел только одну собаку и занимался охотой [Хангалов, 1960, с. 107–109].

Этноним «буряад» в раннюю эпоху на территории Прибайкалья встречается лишь в «Сокровенном сказании» монголов [Сокровенное сказание..., 2002, 123]. При этом к приходу русских не было отдельного племени или рода под этнонимом «бурят». Исходя из того, что в «Сокровенном сказании» имеются буряты, но отсутствуют булагаты, а у Рашид ад-Дина, наоборот, есть булагаты, но нет бурят, можно полагать, что основным ядром бурят были именно булагаты [Залкинд, 1958, с. 150]. Интересно, что в «Сокровенном сказании» этноним «бурят» зафиксирован в сочетании «ойрад-бурийат».

Интересную версию о происхождении этнонима бурят дает Б.Р. Зориктуев. Так, в монгольском языке бураа имеет значение «густая роща», «лесная чаща», «растущий кучами или полосами на горах или в степи лес» [Зориктуев, 1993, с. 127–129]. Значит, понятие бурят означает «лесной народ». Этноним «ойрат» тоже осмысливается как «лесной народ», в якутском языке есть слово «ойуур» – лес. Есть и другое слово также тюркского происхождения со значением «лес» – тыа. От этого слова выводится этноним «тыва-тува» или «тумат». Следовательно, этноним «бурят» выступает как синоним имени «ойрат» или «тумат».

Термин елочжи напоминает имя ёлётов – старинное имя ойратского народа. Согласно преданиям ёлётов их древней родиной считаются местности к югу от Байкала. Ёлёты (ёлёт, юлют) составляли одно из четырех древних ойратских племен [Рашид-ад-Дин, 1952]. Могла существовать связь между ёлётами и ранними алатами (алак-

чинами), имевшими пегих (ала/ёлё) лошадей [Екеев, 2008, с. 94]. Однако термин ёлёт переводится с калмыцкого языка как «обидевшиеся» или «обиженные» [Авляев, 1994].

В калмыцкой летописи есть упоминание о том, что в 1640-х годах джунгарский Баатур-хонтайчжи вел войну с алаткиргизами или бурутами [Екеев, 2008, с. 93]. Впервые этноним бурут (в форме бурдут) упоминается в начале XIII в., как название племени (наряду с удут), завоеванного войсками Чингисхана [Рашид-ад-Дин, 1952, с. 88]. Они, возможно, являются потомками алатов (ёлётов), ушедшими вместе с частью енисейских кыргызов в Среднюю Азию. Основу указанных этнонимов составляет тюрко-монгольская цветовая символика (пегий, серый «боро/бара», бурый «бурул/бурал»), связанная, скорее всего, с мастью лошади и ландшафтом, а в конечном итоге – с одной из сторон света. В топонимике Центральной Азии и Южной Сибири также встречаются названия гор с одинаковой основой (ала): Алатау (Алтай, Джунгария), Ала-тоо, Алаг-ола (Ала-шань) [Екеев, 2008, с. 93].

Слово бурут служило презрительной кличкой в отношении тянь-шанских и енисейских кыргызов, данного им джунгарами [Зориктуев, 2011, с. 136]. Слово бурут имело в ойратском презрительный смысл «провинившиеся», в якутском языке есть слово «буруй» – вина, проступок. В якутском языке есть слово «бурут» и поговорка: «Бурукка холоомо», не сравнивай меня с бурутом [Ксенофонов, 1992].

Обозначения бома-алатов – била (быра?) и элочжи сопоставимы с именем бурятов и ойратов. В то же время тождество этнонимов бурут и бурят предполагает наличие кыргызского компонента в этногенезе бурятов. Значительная часть бома-алатов могла принимать участие в сложении басмылов, переместившихся из территории Саянского нагорья (Тыва) в Восточный Туркестан.

Но есть версии связывающие происхождение имени «бурят» с тотемом волка *bër* и с названием сеока саяно-алтайских тюрков – *бурут*. Обе эти версии связывают бурят с тюркским миром. Волк-бури явля-

ется тотемом древних тюрков, хотя можно строить различные догадки о влиянии того или иного субстрата на древнетюркский этнос. Существует мнение, что волк был почитаемым животным сяньбийцев, так как название династии Ашина воспроизводится от монгольского слова *чино/шоно* со значением «волк». Это название являлось обозначением гвардии древних тюрков.

Следовательно, имя легендарного праотца монголов Буртэ-Чино возводится к сяньбийцам, считающимся предками монголоязычных народов. Однако отметим существование в киданьское время рядом с племенами шивей остаточных групп туцзюэ (древних тюрков). Поэтому проникновение тотемного образа Волка в монгольскую среду могло быть связано с участием потомков древних тюрков или уйгуров в этногенезе племени монголов. Таким образом, в вопросе происхождения самоназвания бурят в основном развиваются две версии: связь имени «бурят» с бурутами – обозначением кыргызов, и с волком бёрё – тотемным праотцом монголов и древних уйгуров. Возможно, формирование монголоязычного этноса в Прибайкалье следует отнести к времени появления там ойратов, сильно повлиявших и на хори-туматов, и на баргутов. Поэтому было бы правомерным поискать следы ойратов в археологических культурах Прибайкалья.

Этноним «бурут», как свидетельствуют различные источники на разных языках, выступает в качестве синонима имени кыргызов. Следовательно, этноним *бурут/бурят* мог относиться к обозначению енисейских кыргызов. Это понятно в силу того, что с IX в. вплоть до монгольского периода наступает эпоха владычества енисейских кыргызов и в Байкальском регионе. Они громят и гонят с Байкала уйгуро-гузские племена навсегда, ассимилируя их остатки. Как свидетельствуют названия бурятских племен, именно к этому времени можно отнести начало этногенеза бурят.

Сеок бурут был частью кыргызов, ибо джунгары применяли термин «бурут» для обозначения тянь-шаньских кыргызов. На Алтае известны идентичные легенды о кыргызах и бурутах, а алтайский сеок бурут признается исследователями осколком ени-

сейских кыргызов. Кроме того, среди племен Северо-Западной Монголии роды кыргыз бытовали наряду с родами бурутов. Этноним «бурут» (бюрют) многими исследователями трактуется как «птичий» тотем и переводится как «беркуты». По мнению В.Я. Бутанаева, буруты (среди хакасов, алтайцев, телеутов, урянхайцев и хотонов, торгоутов и дэрбэтов) относятся к потомкам какого-то древнего центральноазиатского народа [Очерки истории Хакасии, 2008, с. 2002].

По словам иркутского археолога В.С. Николаева, все поселения на территории Южного Приангарья (Манхай, Идыга, Байтог и т. д.) имеют радиоуглеродную датировку – VIII–X вв. н. э. Следовательно, это не курыканские поселения и могильники, а принадлежат к другой эпохе – когда Приангарье стала неотъемлемой частью Кыргызского каганата. Они – немое свидетельство территориального распространения Кыргызского великодержавья. В них найдены и рунические надписи на серебряных сосудах. Погребения с трупосожжением тоже свидетельствуют о миграции кыргызского населения в Приангарье. Даже рисунок с всадником на Шишкинских писаницах, эскиз которого принят в качестве герба РС (Я), обнаруживаемый на территории Хакасии, свидетельствует о вхождении Верхней Лены в состав средневекового Кыргызского государства.

Таким образом, термин бурут представляет собой синоним другого этнонима – кыргыз. Как и тяньшанских кыргызов, предков бурят знали под именем бурут, бурат. Исходя из того, что в якутских легендах прародителей саха Эллэя и Омогоя знают как представителей народа «бырааскай» от русского обозначения бурятов – «братские», то Г.В. Ксенофонов предполагал, что якуты не могли знать бурятов. В то же время в сборнике легенд, собранных С.И. Боло, буряты упоминаются под именем «бэрээт». Это название, видимо, является калькой другого обозначения бурятов – буряад.

Еще со времен Н.Н. Козьмина существует версия татарского происхождения бурят. С предками бурят им отождествлялись упоминаемые в сочинениях европейских

авторов XIII в. дикие татары. В Сокровенном сказании монголов повествуется об уходе в таежные зоны племени айриудбуйруут (ойрат-бурятов) ветви татар во времена первых монгольских хаканов. В этом смысле этногенез бурят связывается, с одной стороны, с отколовшимися от исконно монголоязычной шивейской ветви племени, с другой стороны, омонголенными исконно тюркскими племенами Байкальского региона. Этому противостоит новая неожиданная версия о монголоязычии телегузских племен и ашина-тюрков от А.С. Шабалова. Действительно, превращение ранее тюркоязычных племен байырку, курыканов, иологир в монголоязычных баргу, хори и джалаилов не очень понятно с лингвистической точки зрения. Махмуд Кашгарский не различает монголоязычных и тюркоязычных, как и Рашид-Ад-дин, относящий вероятных монголов как татар и кай к тюркам, имеющим свой собственный язык.

Проблема этногенеза бурятского народа состоит из вопросов происхождения четырех основных бурятских племен: эхиристов, булагатов, хоринцев и хонгодоров. Четыре отдельных племенных объединения, пришедших в Байкальский регион в разные века сплотились в единый народ в исторический промежуток времени с XVIII по XIX вв.

Булагаты, которые считаются изначальными носителями этнонима бурят, представляются потомками племени *булагачин* в составе «лесных народов» Баргуджин-тукума начала XIII в. Термин *булагачин* из монгольских языков переводится как «соболевщик», рядом с ними имелись *керемучины* – «беловщики». Поэтому необязательно, что здесь упоминается именно монголоязычный этнос, являющийся предками бурят. «Соболевщиками» и «беловщиками» монголы могли обозначить любое зависимое сибирское племя, предков кетов и самодийцев, поставщиков пушнины. К тому же в составе киргизов обнаруживается племя булагачин – потенциальных потомков средневековых булагачинов. Булагачины упомянуты Рашид-ад-Дином как племя, проживающее в пределах страны кыргызов.

В составе киргизских племен XVIII в. также фигурируют керемучины.

Основой этнонима булагат могло стать словосочетание «була ат», значение которого выводится из тюркских языков. Это, по мнению Б.Р. Зориктуева, указывает на тюркское происхождение булагатов [Зориктуев, 1993, с. 127]. Термин «була» имеет одинаковое значение со словом «ала» и обозначает «пеструю, пегую» масть. Таким образом, «була аты» могли быть потомками средневековых бома-алатов, обитателей Прибайкалья. К тому же, вполне вероятно, что буряты-булагаты в прошлом были тюркоязычными и входили в состав того племенного объединения, которое составило основное ядро саха [Константинов, 2003, с. 35].

Видимо, не зря тотемное имя прародителя булагатского племени Буха-нойона в образе быка-пороза бурятский ученый Е.В. Павлов связывал с «периферийными» уйгурами [Павлов, 2008], этнонимы «бугу» и «огруз», обозначавшие тотемное имя быка, связывает их с огузским этническим миром.

Этноним булагачины от термина «соболевщики» по семантике слова отличается от тюркского «булак», «була ат» – обозначения пеголошадников, тождественных «алаша», и эти название могли применяться к отдельным этническим образованиям. В составе карлуков было племя «булак», «булат». Не исключено, что поздние булагаты пришельцы из Баласагуна и Таласа. Согласно Ю.А. Зуеву, семантическое тождество слов булат (булагат) ~ аргын ~ алача позволяет поставить знак равенства между обозначением одного из карлукских племен: булат=аргын=алача, вошедшими в казахские генеалогические предания в качестве персонифицированных предков [Зуев, 1981].

В этой связи можно вспомнить и якутские генеалогии о предках прародителей Омогоя и Эллэя. Согласно родословной саха, предками Омогоя и Эллэя являются: Ёксёкю-МэйэрэмСюппю-Хорохой-Аргын-Айаал-ЁрёсКюёлДьулдугун-Тюёр-тююл-Хайаран-Омогой, Эллэй. Их имена они сопоставили с родовым делением казахского рода сююндук, входивших в состав аргы-

нов: оразкельды-ороскуолдьюлдьугун; тортуул и туортугул, мейрам и мэйэрэм-суппу [Инсебаев, Кажибекков, 1984, с. 107–108]. Их совпадение с шежере казахского племени аргын тоже показательно. Возможно, следует связывать предковую линию Эллэя с мигрантами из Запада, общими для булагатов и саха. Хотя в историографии встречается удревнение бурятской и якутской истории на территории Восточной Сибири, постоянная миграция кочевников по просторам Центральной Азии была сопутствующим фактором при этногенетических процессах.

Ю.А. Зуев свидетельствует о разделе карлуков на три ветви: примыкавших к Эмелю булатов (вошли в состав улуса Угэдэя), алакульских соплеменников (вошли в состав улуса Джучи), илийских карлуков (основная часть улуса Чагатая) калучи [Зуев, 1981]. Можно сказать, что алакульские вошли в состав казахов (аргыны), илийские стали основой узбекского этноса, булаты могли откочевать в прародину предков – Байкал.

По мнению Б.З. Нанзатова, в XV–XVI вв. окончательно формируются большие племена булагатов и эхиритов. Они вытесняют крупное племя сэгэнуттов – остатков ойратов [Нанзатов 2005, с. 121–122]. Предложенная им гипотеза о происхождении имени булагатов от древнетюркского слова *булга* – «смешанные» предполагает связь их с бома-алатами. Поскольку слово «ала» предполагает «пестрый» цвет, то его можно связать со смешанностью родов в пограничной зоне.

Другим ключевым этнонимом бурятского народа является Хори. Хоринские роды в составе бурят считаются потомками хори-туматов. Но известно, что хоринцы только в XVII в. перекочевали из Маньчжурии. В бурятских летописях и фольклорных источниках утверждается о хоритуматских предках хоринского народа, но эти сведения могли быть почерпнуты из монгольских источников. Хоринцы в XVII в. не считались бурятами, их относили к монголам. На этом примере можно увидеть, как имя бурят, являвшееся сначала обозначением одного племени, распространилось на все монголоязычное население,

оказавшееся в пределах Русского государства. Следует напомнить, что монголоязычных дауров, обитавших в XVII в. на территории Приамурья, также включали в состав «брацкого» этноса.

Ранняя этническая история современных монголоязычных народов напрямую связана со становлением империи Чингисхана, с ее распадом и перетасовками различных племен. Корни ойратов (дербетов и калмыков) и бурят находят в лесных народах Баргуджин-Тукума, усматривая их этногенез не в составе средневековых монголов, а в тюрко-монгольском пограничье, в районах, прилегающих к Байкалу. Но при этом исследователи исходят из монголоязычия представителей племени ойрат и бурят, но нет достоверных данных о монголоязычии их уже в V в., тем более их принадлежности к бурятскому или ойратскому диалекту. Близость ойратов к алтай-кижи, носителей имени «бурут» к хакасам и киргизам, позволяет сделать вывод о возможности тюркоязычия их древних предков. Следовательно, они могли подвергнуться ассимиляции со стороны монголоязычных этносов, но войти в состав монголов под древним именем.

Не очень ясна связь хоринцев с якутским этнонимом «Хоро». Исследователи XVIII–XIX вв. определенно высказывались о бурятском происхождении представителей якутских родов Хоро. Видимо, их версия была основана на созвучии этнонимов или в этих веках сохранялось этническое сознание, относящее хоро к монголоязычным народам.

По мнению Б.Б. Дашибалова, как в тюркский, так и монгольский периоды вокруг Байкала существовала одна и та же археологическая культура. Это типология основана на выявленных им сходных типах и вариантах погребальных сооружений – могил в ямах под каменными насыпями или просто в грунтовых ямах без надмогильных камней, в тех и других – внутриямные конструкции в форме дощатых гробов, берестяных пакетов и деревянных колод. Переход к вытянутому труположению и появление ритуала, согласно которому в могилу стали класть баранье стегно, от которого остается берцовая кость, свидетельствует,

по утверждению Б.Б. Дашибалова, об этнической трансформации тюркоязычных курыкан в монголоязычных хори [Дашибалов, 1995, с. 119–120].

Курумчинские грунтовые захоронения без надмогильной конструкции сходятся с аналогичными погребениями средневекового населения Дальнего Востока, сопоставим во многом и погребальный инвентарь [Дашибалов, 1995, с. 119–120]. Таким образом, курыканы отождествляются с хоринцами. Между тем курыканы выступают в качестве этнических предков саха, хотя везде подчеркивается иноплеменность хоро, их отдельное прибытие.

Б.Б. Дашибалов выявляет дальневосточный субстрат в облике курумчинской культуры. Наличие дальневосточного субстрата в курумчинской культуре позволяет видеть в них монгольские корни и связывать их с хори-монголами раннего средневековья. Б.Б. Дашибалов называет курумчинцев в поздних трудах хори-шивеями, отождествляя их с сяньби.

Впервые о хори-туматах упоминается в «Сокровенном сказании» монголов, где говорится о том, что Добун-мэргэн, кочевавший у Бурхан-Халдуна, встретился с людьми из племени хори-туматов и взял замуж дочь их предводителя Хоридоя, который до этого отделился от своих сородичей в отдельный род хорилар [Сокровенное сказание..., 2002, 8]. Отсюда следует, что хори выделились из состава племени тумат (дубо), обитавшего по Саянам, которых считают отуреченными самодийцами. Напрашивается вывод, что в эпизоде супружеского союза Добу-Мэргэнэ и Алан-Гоа закодирован результат этнического процесса соединения буртэ-чиносцев с хоринцами и баргутами. Примечательно, что Алан-Гоа из племени хорилар считается прародительницей всех монголов.

Весьма интересно, что согласно Рашид-ад-Дину Алан-гоа была из племени куралас, что подразумевает идентичность их с хориларами «Сокровенного сказания» монголов. От корня *хор-хоро* происходят и другие монгольские племенные названия (хори, хорчин, хурумши, хорлос, хорхон) [Румянцев, 1962, с. 126–127]. Встречается утверждение, что «хор» является наименова-

нием древних протомонгольских племен сяньби, расселившихся от Прибайкалья до Восточной Монголии [Румянцев, 1962, с. 126–128].

Мнение о том, что этноним «хор» служил наименованием большой группы протомонгольских племен противоречит сопоставлению хори с тюркоязычными гулиганями, так как те выступают в качестве одного из племен теле-уйгуров. Поскольку в якутских преданиях хоро изображаются верхом на быках, то сопоставление их с протомонгольскими племенами шивей, ездившими на быках, представляется вполне заманчивым. Примечательно, что китайские источники предками шивеев (протомонголов) называют динлин.

Прямое отождествление хоринцев с хори-туматами XIII в. не учитывает фактор миграционных и ассимиляционных процессов в Байкальском пограничье. Попытка видеть племя хори и даже бурят в упоминании в восточном источнике X в. племени кури – фури в пределах страны кыргызов представляется искусственной. Однако нас заставляет задуматься, что кури-фури арабо-персидских источников, как и более поздние хори или кули (ангу-хэшэ, люди Ангары) уже в юаньских хрониках, упоминается как племя, находившиеся в пределах страны кыргызов. Следовательно, тюркоязычное племя хори и близкие к ним туматы могли проживать на Ангаре и на Среднем Енисее, они относились к кыштымам енисейских кыргызов. Совпадение фольклорного названия *хоорай* применительно к предкам хакасов с именем хоринцев тоже заставляет нас задуматься. К тому же возвращение хоринцев в XVII в. из территории Маньчжурии совпадает с тем, что насильственное выселение енисейских кыргызов и их кыштымов в XIII в. происходило именно в область Наяна (Маньчжурия).

Представляется, что большую роль в этногенезе бурят имели роды под названием «батулинцы», встретившиеся с русскими в регионе Байкала. Их вполне можно назвать остаточными группами саха, так как наряду с загадочными хоро в их формировании сыграли роль роды, относимые к батулинскому крылу якутского народа. Поэтому подчеркнем существование вер-

сии, что хоринцы в Монгольском Алтае в XIII в. подчинили и ассимилировали часть тюрков во главе с батулинцами–харганаевцами [Цыдендамбаев, 1972, с. 227]. Тюркоязычие последних доказывается тем, что одна половина хоринских родов – харганаевцы, судя по названиям родов, в прошлом была тюркского происхождения [Цыдендамбаев, 1972, с. 227].

Действительно, в русских документах XVII в. на территории Забайкалья упоминаются коринцы и батулинцы. Считается, что название «батулинцы» также относится к предкам нынешних кудинских бурят, являющихся одной из ветвей булагатов. Следует указать, что среди кудинских бурят существовали предания и о проживании их предков около Тобольска. Оттуда они направились на восток и переправились через озеро Байкал. При этом большая часть ушла в Монголию, меньшая – в Якутию [Румянцев, 1962, с. 164]. Так генеалогия значительной части булагатов восходит к так называемой «Батлаевской семерке». Их предок Батлай считается потомком Алагуя [Нимаев, 2000, с. 171].

Поскольку есть традиция увязывать имена бурятских племен XVII в. с названиями племен, упоминаемых в хрониках XIII в., то батулинцев тоже следует идентифицировать с одним из тюркомонгольских племен. Отпадает версия Ц.Б. Цыдендамбаева, отождествившего батулинцев с якобы тюркоязычными найманами, так как найманы могли быть монголоязычными и сохранились под своим именем в составе современных тюрко-монголоязычных народов. Г.Н. Румянцев обратил свое внимание на объединение хоритуматов, утверждая, что туматы и хори были фратриями по отношению друг к другу, как потом батулинцы относились к хоринскому племени. Следует отметить, что племя батулинцев в Забайкалье иногда именовалось как батулинское. Поэтому следует обратить внимание на имя одного из четырех древнеойратских племен домонгольской эпохи – батут. Название ойратского племени «багатут» или «батут» произошли от термина «батур» (богатырь) [Владимирцов, 2002, 293]. Ойраты или олеты считаются первой группой шивейских племен,

которая из Аргуни ушла в Прибайкалье в IX в., оттеснив проживавших там курыкан и туматов. С этого времени и началась монголизация данного региона.

Батулинцы составляли основной этнический элемент в составе булагатов и потомков Омогоя в составе саха. Попытки видеть в них потомков ойратов, туматов, найман и меркитов и даже курыкан искусственны. В якутском словаре семантика слова боотулу объясняется из тождественных слов с значением «иноходь» и «боотулу кюрюётэ» (изгородь). В состав якутских (амгинские) боотулу входили роды под названиями Чакыр, Уодай одноименных с названиями огузских племен чакыр и адай. Все это позволяет видеть в них изначально тюркское племя, возможно, тождественное с булатами (алатами).

В XVII в. на монгольской территории проживали большие группы хонгодоров. Значительная часть их перекочевала на север, в район Байкала, во времена крупных междоусобиц в Монголии во второй половине XVII в. Д.С. Дугаров выводит родословную хонгодоров от двух тюркоязычных племен, ведущих начало от хунну – хун и хуба на территории Северной Монголии и Прибайкалья [Дугаров, 1993, с. 221]. Затем Д.С. Дугаров, используя материалы Б.О. Долгих и опираясь на предложенную в 30-х годах XIX в. гипотезу Д. Оссона, предположил, что хонгодоры являются теми самыми урсутами ССМ, которых покорил Джучи [Дугаров, 1993, с. 213].

Г.Р. Галданова выдвинула хонгирадскую версию хонгодоров: во времена Чин-

гис-хана хонгирады жили в районе Буирнура и несогласные с его политикой ушли в район Баргуджин-Тукума, там они стали называться хонгодорами [Галданова, 1996]. По сообщению Рашид-ад-Дина, хунгираты примкнули к объединению татар, дурбанов, салджиутов и хатагинов из-за того, что Хасар, при подстрекательстве Джэбэ, совершил на них нападение и обратил в бегство [Рашид-ад-Дин, 1952, с. 165].

Б.Р. Зориктуев присоединяется к гипотезе Г.Д. Санжеева, Ц.Б. Цындемеева и Е.В. Павлова о приходе хонгодоров на Ангару из Северо-Западной Монголии. По нему истоки культа лебедя восходят к Алтаю. Тем самым он высказывает мнение, что у кууларов, хонгодоров и хоринцев сохранился типологически одинаковый этногенетический миф, что в Саяне-Алтае некогда существовала единая этнокультурная общность, включавшая в свой состав три названные группы и еще шошолоков [Зориктуев, 2011, с. 155].

Таким образом, начало этногенеза бурятского народа, можно отнести к древнетюркскому периоду и связать с обитавшими в Прибайкалье племенами курыкан и бома-алатов. Отделившиеся от монголов и ойратов XV–XVI вв. мелкие роды активно вливались в племенной союз булагатов (протобурят). Окончательное его формирование происходило в рамках Российского государства в XVII–XVIII вв.

Статья поступила 27.09.2015 г.

Библиографический список

1. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и испр. Элиста : Калм. кн. изд-во, 2002 [1994]. 325 с.
2. Витсен Н. Путешествие в Московию 1664–1665. Дневник / Пер. со староголландского В.Г. Трисман. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2002. 272 с.
3. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. 557 с.
4. Галданова Г.Р. Хонгодоры – хунгирады? // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1996. С. 89–93.
5. Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 189 с.
6. Дашибалов Б.Б. Очерки по древней и средневековой истории монголов и бурят. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2002. 80 с.
7. Долгих Б.О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа // Советская этнография. 1953. № 1. С. 38–63.
8. Дугаров Д.С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1993. С. 207–235.

9. Залкинд Е. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1958. 677 с.
10. Зориктуев Б.Р. Об этническом составе населения Западного Забайкалья и Предбайкалья во второй половине I – первой половине II тыс. н. э. // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1993. С. 127–129.
11. Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Восточная литература, 2011. 278 с.
12. Зуев Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (К вопросу о пережитках триальных организаций у кочевых народов Центральной Азии) / Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата : Наука, 1981. С. 63–78.
13. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
14. Инсебаев Т.А., Кажибекоев Е.З. Некоторые предварительные результаты сопоставления и анализа названий родоплеменных групп адай и сундук // Тюркская ономастика. Алма-Ата : Наука, 1984. С. 107–108.
15. Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культура / Акад. наук Респ. Саха (Якутия). Ин-т гуманитар. исслед.; Ю.А. Мочанов. 2-е изд., испр. Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2003. 92 с.
16. Ксенофонов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Новосибирск : Наука, 1977. 245 с.
17. Нанзатов Б.З. К этногенезу бурят по материалам этнонимии // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации / Иркутский Межрегиональный институт общественных наук. Иркутск, 2003. Вып. 2. С. 30.
18. Нанзатов Б.З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск : Рекламно-полиграфический центр «Радан», 2005. 160 с.
19. Нимаев Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2000. 190 с.
20. Павлинская Л.Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб.: Европейский дом, 2008. 256 с.
21. Павлов Е.В. Вариативность уранического пантеона западных бурят и этническая история Предбайкалья // Этническая культура: история и современность. М.; Улан-Удэ : Изд.-полигр. компл. ВСГАКИ, 2002. С. 32–62.
22. Павлов Е.В. Реконструкция генезиса западно-бурятского (эхиритского) рода нэхэлээ: к проблеме интерпретации взаимодействия раннеякутских этнических групп и предбайкальских бурят // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюркомонгольских народов. Элиста : КГУ, 2008. Вып. 2. С. 85–91.
23. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн.1–2. М.; Л.: АН СССР, 1952. 221 с.
24. Румянцев Г.Н. Происхождение хори-бурят. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1962. 268 с.
25. Сокровенное сказание монголов / Перевод С.А. Козина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002. 156 с.
26. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В.Я. Бутанаев; научн. ред. В.И. Молодин. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2008. 672 с.
27. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1958. 551 с.; Т. 3. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1960. 421 с.
28. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ : Бурятское кн. Изд-во, 1972. 662 с.
29. Екеев Н.В. Проблемы этнической истории алтайцев (исследование и материалы). Горно-Алтайск : Горно-Алтайская тип., 2011. 232 с.

Сведения об авторе

Ушницкий Василий Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИГиИПМНС СО РАН (Якутск), 677000, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1. Раб. телефон: (4112) 36-46-58. Тел.: 89681500343, e-mail: voma@mail.ru

Ushnitsky Vasily Vasil'evich, Ph.D. Gregorian IGIIPMNS SB RAS (Yakutsk), 677000, Russia, Yakutsk, st. Petrovsky, 1. Rab. Phone: (4112) 36-46-58, tel.: 89681500343, e-mail: voma@mail.ru

УДК 940.5

РАЗВИТИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА В ХОДЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

© И.В. Наумов

В статье рассматриваются вопросы развития военно-морского искусства противоборствующих стран накануне и в период Русско-японской войны. В ней освещены: развитие тактики морского боя, совершенствование действий легких сил флота и использование минно-торпедного оружия, а также организация взаимодействия флота и сухопутной армии.

Ключевые слова: артиллерия, броненосец, искусство, крейсер, маневр, мина, миноносец, разведка, тактика, торпеда, флот, эскадра.

DEVELOPMENT OF THE NAVAL ART IN RUSSIAN-JAPAN WAR 1904–1905

© I.V. Naumov

Author discusses in this paper the aspects of development of the naval art of contenders before and during the Russian–Japan war in 1904–1905. There are highlighted the development of the tactics of light forces of fleet as well as the using of the mine-torpedo weapon and coordination fleet and ground forces.

Key words: artillery, armor-plated ship, art, cruiser, manoeuvre, mine, torpedo boat, scouting, tactics, torpedo, fleet, squadron.

Русско-японская война 1904–1905 гг., возникшая в результате борьбы этих стран за гегемонию в Восточной Азии, занимает особое место в истории военно-морского искусства. Среди первых войн эпохи парового флота она была наиболее крупной. Боевые действия на море велись в широких масштабах с использованием всех видов и средств морского вооружения воюющих сторон.

Русско-японская война как бы подвела итог всем военно-техническим и военно-теоретическим достижениям наступившей эпохи парового флота. В ходе ее проходили проверку новейшие технические и теоретические разработки. Она послужила отправной точкой и мощным импульсом для последующего бурного развития всех отраслей военно-морского искусства ведущими мировыми державами.

Однако уже непосредственно в ходе войны воюющие стороны интенсивно развивали все отрасли военно-морского искусства. Большой вклад в это внесли как япон-

цы, так и русские. Освещению развития военно-морского искусства в ходе Русско-японской войны и посвящена настоящая статья¹.

Военно-морское искусство накануне войны. Подготовка России и Японии к войне на море

Гонка морских вооружений между ведущими мировыми державами и связанный с нею бурный прогресс военной техники в последние десятилетия XIX в. поставили вопрос о наиболее эффективном использовании новых военно-морских сил. В это

¹ Следует отметить, что как ни странно, данная тема историками серьезно не разрабатывалась. При всем обилии публикаций о Русско-японской войне (только в России было издано более 1 тысячи наименований: это документы, мемуары, очерки, исследования по различным проблемам) пока нет ни одной работы, где бы вопросы развития военно-морского искусства непосредственно в ходе войны специально рассматривались и анализировались. Данная статья представляет собой попытку отчасти восполнить этот пробел.

время появляется ряд теорий, посвященных его решению. Наибольшее распространение среди военных моряков мира получили две из них. Это теория «*Мэхэна-Коломба*», авторами которой были адмиралы: американский А. Мэхэн и английский Ф. Коломб, и теория «*Молодой школы*», созданная во Франции. На рубеже веков между их сторонниками развернулось острое соперничество.

Теория «*Мэхэна-Коломба*» рассматривала морскую войну как самостоятельную войну флотов, отличную по своим целям и задачам от действий остальных вооруженных сил. В ее основе лежала идея о завоевании господства на море путем решающего генерального боя броненосных сил. Этот бой, по мнению авторов, должен был представлять артиллерийскую дуэль броненосцев, в которой победит сильнейший. Они предлагали усиленно развивать класс броненосцев и совершенствовать артиллерийское вооружение. При этом действия всех остальных сил флота сводились по существу лишь к обеспечению броненосных сил. Кроме того, из поля зрения авторов совершенно выпали вопросы неизбежного взаимодействия в войне морских и сухопутных сил.

Теория «*Молодой школы*», в отличие от теории «*Мэхэна-Коломба*», наоборот отрицала решающее значение в морской войне генерального боя броненосных сил. По мнению ее авторов, главную роль в морской войне должны были сыграть легкие корабли и сильные взрывчатые вещества. Особенно большое значение придавалось активным действиям крейсеров на морских коммуникациях противника. Сторонники «*Молодой школы*» полагали, что крейсерские операции способны настолько ослабить экономику противника, что он будет вынужден прекратить войну.

Как легко заметить, обе соперничавшие теории страдали известной односторонностью. Русско-японской войне и предстояло внести ясность в споры теоретиков.

Следует подчеркнуть, что обе эти теории оказали значительное влияние на развитие русского и японского военных флотов и их подготовку к войне.

Япония, будучи союзницей Англии, в военно-морских вопросах всецело находилась под влиянием теории «*Мэхэна-Коломба*», которая легла в основу подготовки к войне ее военного флота. Кроме того, военно-политическое руководство Японии, заранее, еще в 1895 г. определило противника в будущей войне². Перед японским флотом была поставлена главная стратегическая задача – уничтожить русский флот в открытом бою и завоевать господство на море, а впоследствии обеспечить десантные операции армии в Корее, Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке. В соответствии с этим морской генеральный штаб разработал программы кораблестроения и вооружения. Было решено построить броненосный флот – броненосцы и броненосные крейсера, предназначенные для поддержки в бою броненосцев. Эти корабли оснащались сильной артиллерией³ и имели мощное бронирование, которое достигалось за счет ограничения района плавания (японцы учитывали, что театр военных действий расположен вблизи японских военно-морских баз, а это позволит организовать бесперебойное снабжение кораблей топливом и всем необходимым).

Большое значение придавалось скорости и однотипности кораблей. Так, все броненосцы имели скорость 18 узлов, а броненосные крейсера – 20–21 узел. Всего Япония построила 6 новых броненосцев и 8 броненосных крейсеров. Для поддержки броненосных сил строились легкие крейсера небольшого водоизмещения (3–4 тысячи т), но с сильным вооружением (4–8 – 152-мм орудий), а также миноносцы. К началу войны в состав японского флота входили 12 легких крейсеров.

В соответствии со стратегической задачей военного флота были определены и виды вооружений. Артиллерия как главное оружие применяла фугасные снаряды большой разрушительной силы (количество

² Это было сделано после того как Россия при содействии Франции и Германии вынудила Японию отказаться от аренды Квантунского полуострова и Порт-Артура.

³ Японские броненосцы имели по 4 305-мм орудия и по 10–12 – 152-мм, броненосные крейсера, как правило, по 4 – 203-мм орудия и по 10–12 – 152-мм.

взрывчатого вещества в них составляло 14 %). Японские адмиралы полагали, что эти снаряды при попадании в незащищенные части корабля (броню эти снаряды не пробивали) способны вывести его из строя. Поскольку особая точность при стрельбе не требовалась, наиболее приемлемой дистанцией для нее считалась дистанция в 3–4 морских мили (30–40 кабельтов, 5–7 км). Значительно меньше внимания уделялось развитию минно-торпедного оружия. Ему отводилась вспомогательная роль. Следует отметить, что накануне войны в японском флоте вопросы действия легких сил, а также взаимодействия армии и флота вообще не разрабатывались.

Перед войной японский военный флот проводил усиленную боевую подготовку: много плавал, учился маневрировать, стрелять, пользоваться радиоаппаратурой, которая была установлена на всех крупных кораблях. Флот был объединен в единое целое под названием «Соединенный флот» (командующий – вице-адмирал Того), в распоряжении которого находилось 7 оборудованных военно-морских баз. В него входило 3 эскадры, способные решать самостоятельные задачи.

Японский план морской войны также опирался на теорию «Мэхэна-Коломба». Его основу составляла идея сокрушительного молниеносного, внезапного удара по главным силам русского флота в Порт-Артуре для завоевания господства на море. При этом японцы творчески подошли к использованию теории «Мэхэна-Коломба». Помимо артиллерийского удара броненосных сил они решили применить и легкие силы (миноносцы), которым поставили задачу внезапной ночной атакой уничтожить или повредить часть русских кораблей и только после этого главные силы должны были вступить в бой с ослабленным русским флотом. Помимо удара по Порт-Артуру предусматривалось выделение части сил для уничтожения русских кораблей в портах Чемульпо (Корея) и Шанхай (Китай). В дальнейшем японский флот должен был обеспечить высадку десантов в Корею и Маньчжурию и действовать по обстановке. Таким образом, весь план морской войны сводился к кратковременной, молниенос-

ной войне и содержал элементы авантюризма, характерные для японской военной доктрины.

Значительно сложнее обстояло дело с развитием военно-морского искусства и подготовкой военного флота к войне в России. Накануне Русско-японской войны здесь отсутствовало единство взглядов на военно-морское искусство. На рубеже веков в России развернулась упорная борьба между сторонниками теории «Мэхэна-Коломба» и сторонниками теории «Молодой школы»⁴. Из-за этого правительство не могло определить, какой же именно военно-морской флот нужен России: океанский – крейсерский с большой автономностью для действий на коммуникациях противника или же броненосный для действий в прибрежных водах. В результате строились корабли всех типов, но без определенной системы.

Лишь в 1897 г. в связи с ухудшением русско-японских отношений было решено, что Япония может стать наиболее вероятным противником в будущей войне, а воды Дальнего Востока главным театром военных действий на море. В соответствии с этим правительство разработало программу строительства большого количества броненосцев и крейсеров с сильным вооружением и бронированием, но с малым радиусом действия. Основным классом корабля для русского военного флота стали считать броненосец. Однако и это решение сопровождалось спорами специалистов. Оставалось неясным, какой это должен быть броненосец? С большим радиусом действия, но недостаточным бронированием и вооружением для поддержки крейсерских операций (типа «Пересвет») или с мощной артиллерией и бронированием для эскадренного боя с броненосцами противника (типа «Цесаревич»). В результате строили броненосцы обоих типов. Аналогично обстояло дело и со строительством крейсеров. Разнотипность кораблей одного класса значительно

⁴ Наиболее известным приверженцем первой теории являлся начальник Главного морского штаба и будущий командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал З.П. Рожественский, а второй – будущий командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал С.О. Макаров.

понижала боеспособность русского военно-морского флота.

Также как и в японском флоте, главным оружием считалась артиллерия, а ее главным качеством – точность попадания. Поэтому наиболее оптимальной дистанцией для боя считали дистанцию – 1–1,5 морских мили (10–15 кабельтов). Русская артиллерия больших калибров была вооружена бронебойными снарядами, рассчитанными на поражение наиболее защищенных, жизненно важных частей кораблей противника (в связи с этим в русских снарядах было значительно ниже содержание взрывчатых веществ, всего около 2,5 %).

Сильное влияние сторонников «*Молодой школы*» – адмиралов С.О. Макарова, А.П. Бирилева, Г.П. Чухнина – обусловило интенсивное развитие минно-торпедного оружия по сравнению с флотами других стран, в т.ч. и Японии. Русские торпеды имели дальность действия 1 милю (10 кабельтов) и скорость 20 узлов. Поскольку считалось, что бой будет проходить на небольших дистанциях, их устанавливали на все основные типы кораблей (броненосцы, крейсера, миноносцы). В то же время, в связи с этим несколько недооценивалась роль миноносцев, и их строили в ограниченных количествах. Для постановки оборонительных минных заграждений было признано необходимым иметь специально оборудованные корабли – минные заградители (у Японии такие корабли отсутствовали).

Не было единства среди русских адмиралов и в вопросах тактики морского боя. Например, в вопросе использования броненосных крейсеров некоторые предлагали создавать из них резерв и заменять поврежденные в бою броненосцы. Наиболее полно вопросы тактики были освещены в известном труде вице-адмирала С.О. Макарова «Рассуждения по вопросам морской тактики». Морской бой автор рассматривал как борьбу разнородных военно-морских сил. Для победы в бою он считал необходимым раздельное маневрирование отрядами, охват концевых частей неприятельской колонны и использование всех видов вооружений для удара по противнику. Однако

его взгляды не стали господствующими на флоте.

Отсутствие единства в вопросах тактики напрямую сказалось на подготовке командного состава флота. При общем достаточно высоком уровне боевой выучки личного состава флота тактическая подготовка командиров кораблей, отрядов и эскадр была низкой. Русское военно-морское командование недооценивало и роль тактической разведки, а также важность организации охраны военно-морских баз от нападений с моря. Так, накануне войны русский флот не осуществлял разведку на дальних подступах к Порт-Артуру. А для организации охраны внешнего рейда, где находилась эскадра, было выделено только 2 миноносца и 2 корабля периодически освещали рейд прожекторами. Взаимодействие с береговой артиллерией не предусматривалось. Как показало начало войны, эти меры оказались недостаточными. Японцам удалось нанести внезапный торпедный удар по русским кораблям и повредить 3 из них (броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада»).

Не разрабатывались перед войной и вопросы взаимодействия армии и флота. Считалось лишь, что флот должен защищать приморский фланг армии от нападений с моря.

В результате русский военно-морской флот не имел сколько-нибудь цельной концепции войны с Японией и вследствие этого не сумел подготовиться к ней в должной мере. На Дальнем Востоке были собраны довольно разнородные военно-морские силы. Всего в тихоокеанских водах Россия имела 7 броненосцев, 4 броненосных крейсера и 7 легких крейсеров. Причем большинство из них значительно отличались друг от друга по тактико-техническим характеристикам, что затрудняло их совместное использование.

Развитие в ходе войны тактики морского боя

Во время Русско-японской войны между военными флотами воюющих стран состоялось 3 крупных морских боя. Первый из них произошел в первый день войны

9 февраля 1904 г. у Порт-Артура, главной базы русского Тихоокеанского флота.

Этот бой вскрыл серьезные недостатки в тактической подготовке обеих флотов, что в частности не позволило японцам решить поставленную задачу уничтожения русского флота. И русские, и японские моряки использовали приемы линейной тактики, заимствованные из времен парусного флота. Противники поставили все основные корабли: броненосцы, броненосные и легкие крейсера в одну длинную и громоздкую колонну, что затруднило маневрирование. Кроме того, легкие крейсера, находившиеся в конце колонн, при их расхождении попали под огонь крупнокалиберной артиллерии броненосцев противника. Управление артиллерийским огнем эскадр не было организовано. Бой проходил в основном на дистанции 3,5 морских мили (35–36 кабельтов) и показал ошибочность артиллерийской подготовки русских моряков, которые оказались неготовыми к ведению прицельного огня на такой дистанции.

После боя 9 февраля и русское, и японское военно-морское командование пришли к выводу о необходимости срочного совершенствования тактической подготовки флотов.

Изменения в тактике русских моряков были связаны с деятельностью нового командующего Тихоокеанским флотом вице-адмирала С.О. Макарова, который прибыл в Порт-Артур 8 марта 1904 г. Под его руководством штаб флота разработал новые инструкции по тактике, устранявшие недостатки русских тактических наставлений. Были составлены: «Таблица однофлажных сигналов» (взамен ранее принятой сложной 2-х флажной системы сигнализации), включавшая 17 наиболее необходимых сигналов и упрощавшая управление кораблями в бою; «Инструкция управления огнем в бою»; «Инструкция для похода и боя», определявшая обязанности кораблей и отрядов в бою и основы их маневрирования [6, с. 484]. Эта инструкция предусматривала: действия флота в бою отдельными отрядами, охват неприятельских флангов, концентрацию артиллерийского огня на концевых кораблях, постановку противника под перекрестный огонь различных отрядов

и использование в бою всех средств поражения кораблей противника.

Разработка этих инструкций внесла значительный вклад в развитие теории тактики морского боя. Идея С.О. Макарова о морском бое как борьбе разнородных военно-морских сил с использованием всех видов вооружений, а не только как артиллерийской дуэли броненосных кораблей опередила свое время.

В соответствии с принятыми инструкциями началась усиленная тактическая подготовка Тихоокеанского флота. Эскадра часто выходила в море, училась маневрировать отрядами и проводила учебные стрельбы. Одновременно С.О. Макаров решительно обновлял командный состав, назначая на наиболее ответственные должности способных офицеров (так, контр-адмирал К.П. Иессен возглавил Владивостокский отряд крейсеров, капитан 1-го ранга И.К. Григорович стал командиром Порт-Артурской военно-морской базы, а капитаны 2-го ранга Васильев и Н.О. Эссен стали командирами броненосцев).

Тактическая подготовка русского флота продолжалась до гибели 13 апреля 1904 г. вице-адмирала С.О. Макарова на броненосце «Петропавловск». После этого в связи со значительным ослаблением броненосных сил флота (из 7 броненосцев – 1 погиб и 3 получили повреждения и находились на ремонте) ее практически прекратили, что неизбежно должно было отрицательно сказаться на боевых качествах.

Японцы также как и русские на основании уроков боя 9 февраля пришли к выводу о необходимости разделения флота на отдельные отряды, их отдельных действий в бою и охвата концевых кораблей противника. В феврале – июле 1904 г. японский флот усиленно отрабатывал эти приемы. Кроме того, в марте – апреле японцы пытались применить тактику заманивания. Для этого к Порт-Артуру несколько раз высылались слабые отряды кораблей, которые пытались заманить русский флот подальше в море под удар главных сил. Однако эта тактика успеха не имела, поскольку русский флот, ослабленный ночной атакой 9 февраля, не рисковал удаляться от своей базы.

Вторым крупным морским боем между русским и японским флотами стал бой 10 августа 1904 г. в Желтом море, когда русская эскадра попыталась прорваться во Владивосток из осажденного японской армией Порт-Артура (где корабли находились под артиллерийским обстрелом).

В этом бою на тактику русского флота определяющее влияние оказал приказ главнокомандующего вооруженными силами на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева о прорыве во Владивосток любой ценой. Поэтому тактика русских моряков была направлена не на удар по японскому флоту и нанесение ему максимальных потерь, а на то, чтобы наоборот избежать по возможности решительного боя и прорваться во Владивосток с наименьшими потерями. Это обстоятельство и обусловило в целом пассивное ведение боя. Тем не менее, командующий русской эскадрой контр-адмирал В.К. Витгефт сумел использовать ошибки японцев при маневрировании в первой фазе боя и фактически русской эскадре удалось прорваться мимо японского флота. Однако преимущество в скорости (18 узлов против 14,5) позволило последнему догнать русских и бой возобновился. Выбранная же русским командованием пассивная тактика ведения боя, а также неотработанность приемов по передаче командования в бою, в конце-концов привели к тому, что после гибели В.К. Витгефта эскадра распалась (часть кораблей, выполняя приказ, пришла в нейтральные порты и там была интернирована – 1 броненосец, 2 крейсера и 4 миноносца, а большая часть – 5 броненосцев, 1 крейсер и 3 миноносца вернулись в Порт-Артур).

Тактический замысел вице-адмирала Того в бою 10 августа сводился к тому, чтобы охватить голову русской эскадры, сосредоточенным огнем по флагманским кораблям вывести их из строя, лишить русскую эскадру управления и вынудить ее вернуться в Порт-Артур. Таким образом, задача уничтожения русского флота в артиллерийском бою уже не ставилась. Хотя японцам удалось предотвратить прорыв русской эскадры из Порт-Артура, бой вновь выявил целый ряд недостатков в тактической подготовке японских моряков:

маневрирование в целом осуществлялось неудачно и противнику удалось оставить японский флот позади; бой был сведен только к дуэли броненосных сил, в которой японцы не имели преимущества; не было использовано подавляющее превосходство японцев в легких силах (непосредственно в бою их не использовали); артиллерийская стрельба вновь велась децентрализованно, что затрудняло пристрелку и наводку; наконец, бой велся недостаточно решительно, так маневр охвата до конца осуществлен не был.

Тем не менее, бой 10 августа 1904 г. в Желтом море имел большое значение для дальнейшего развития тактики: он подчеркнул преимущества раздельного маневрирования отрядами; бой продемонстрировал важность преимущества в скорости хода (только оно позволило японцам догнать русских и возобновить бой); бой выявил возрастание роли крупнокалиберной артиллерии в связи с увеличением его дистанции (бой проходил на дистанции от 4,5 до 2 морских миль – 45–20 кабельтов); бой показал решающее значение организации управления флотом и необходимости надежных средств связи; бой выявил необходимость централизованного управления пристрелкой и стрельбой; и, наконец, бой показал, что в условиях активного маневрирования противника для успеха недостаточно одного артиллерийского огня броненосных сил, а требуется взаимодействие всех сил и средств флота.

Однако уроки из боя 10 августа смогли извлечь лишь японские моряки. Поскольку русская эскадра в Порт-Артуре после него активных действий уже не предпринимала, а моряки 2-й Тихоокеанской эскадры, которая в октябре 1904 г. начала свой знаменитый поход на Дальний Восток, в силу ряда причин (о них ниже) не использовали полученный опыт.

После капитуляции Порт-Артура 2 января 1905 г. и гибели большей части русского Тихоокеанского флота японский «Соединенный флот» начал подготовку к бою со 2-й Тихоокеанской эскадрой. При этом, по мнению автора, излишняя приверженность теории «*Мэхэна-Коломба*» не позволила в полной мере учесть полученный

опыт. Так, японское морское командование не поняло необходимости взаимодействия в бою всех сил флота. Поэтому подготовка японского флота к Цусимскому бою была сведена к подготовке к артиллерийской дуэли броненосных сил. И в этом японцы добились очевидного прогресса. Перед боем японский флот много маневрировал отрядами на большой скорости, отрабатывая выполнение маневра охвата. Управление стрельбой было централизовано: один корабль из отряда проводил пристрелку и указывал расстояние другим, а те вводили поправки, Артиллерийский огонь стал сосредоточенным: стрельба велась эскадренными залпами. Был проведен ремонт и замена вооружения на всех крупных боевых кораблях. В целом «Соединенному флоту» удалось хорошо подготовиться к новому артиллерийскому бою.

В апреле 1904 г. после гибели С.О. Макарова и ослабления Тихоокеанского флота русское правительство решило сформировать дополнительную эскадру из кораблей Балтийского флота и отправить ее на Дальний Восток на помощь действующему флоту. Она получила название 2-й Тихоокеанской эскадры. Состав эскадры не позволял рассчитывать на успех в случае единоборства с японским флотом⁵. Поэтому предполагалась координация ее действий с Тихоокеанским флотом. Командующим эскадрой назначили вице-адмирала З.П. Рожественского. Будучи приверженцем теории морского боя как артиллерийской дуэли броненосцев, он недооценивал опыт войны и не уделял должного внимания отработке совместных маневров различных отрядов эскадры. На уровне подготовки 2-й Тихоокеанской эскадры сказалось и то, что большая часть ее личного состава была укомплектована призванными из запаса, а также отсутствие резерва снарядов, не позволявшее проводить учебные стрельбы.

2-й Тихоокеанской эскадре предстояло пройти около 18 000 морских миль, не имея по пути ни одной собственной базы. Поэтому обеспечению похода придавалось

первостепенное значение. Эту сложную задачу удалось решить следующим образом: для обеспечения безопасности похода маршрут эскадры держали в секрете; было организовано бесперебойное снабжение эскадры углем и продовольствием; из специально оборудованных пароходов-мастерских создали плавучую ремонтную базу, на стоянках предпринимались усиленные меры охраны с учетом опыта Порт-Артура. По пути к эскадре присоединился отряд устаревших кораблей контр-адмирала Н.Н. Небогатова (1 броненосец, 3 броненосца береговой обороны и 1 крейсер), которым ее пытались усилить после гибели кораблей Порт-Артурской эскадры.

В мае 1905 г. 2-я Тихоокеанская эскадра прибыла на театр военных действий. Осуществление такого сложного похода само по себе представляло вклад в развитие военно-морского искусства.

27 мая 1905 г. состоялся Цусимский бой – последний крупный морской бой – Русско-японской войны.

Тактика, которую избрал в нем З.П. Рожественский, почти не учитывала предшествующий опыт войны и по существу обрекала на поражение русскую эскадру. План боя не разрабатывался и совещания флагманов и командиров по предстоящему бою не проводилось. Не были решены и не обговаривались вопросы передачи в случае необходимости командования в бою. Эскадра вела бой в одной колонне, где находились и новые быстроходные, и устаревшие корабли, на скорости 9 узлов.

И, напротив, Цусимский бой продемонстрировал возросшее тактическое мастерство японских моряков. В течение всего боя японцы систематически стремились охватить голову русской эскадры и сосредоточить огонь на головных кораблях. Они достаточно слаженно маневрировали на высокой скорости – 16 узлов. Умелые тактические действия командиров отрядов и новые приемы артиллерийской стрельбы эскадренными залпами и обеспечили японцам решительную победу в этом бою.

Цусимский бой 27 мая 1905 г. как бы подвел итог развитию тактики морского боя в ходе Русско-японской войны. Он показал большое преимущество тактики ма-

⁵ В состав эскадры входило 7 броненосцев, 1 броненосный крейсер и 7 легких крейсеров, причем часть из них (3 броненосца, броненосный крейсер и 2 легких крейсера) были устаревшими.

невра охвата перед тактикой боя на параллельных курсах. Бой продемонстрировал и преимущества раздельного маневрирования отрядами, что обеспечило японцам необходимую гибкость действий и управления и позволило успешно пресекать все попытки контрманевра русской эскадры. Бой еще раз показал важность высокой скорости. Именно скорость дала японцам возможность систематически выполнять маневр охвата. В ходе боя выявились и значительные выгоды новых методов организации стрельбы. Увеличение дистанции боя выявило снижение роли орудий среднего калибра. Наконец бой продемонстрировал необходимость организации взаимодействия всех сил флота и возросшее значение легких сил в бою (в артиллерийской дуэли японцам удалось уничтожить только 3 русских броненосца, еще 3 броненосца, броненосный крейсер и легкий крейсер были уничтожены торпедными атаками миноносцев).

Цусимский бой показал и необходимость организации непрерывной тактической разведки. Тактическая разведка вообще явилась важнейшей составной частью тактики морского боя и успеха в нем.

В принципе важность разведки хорошо понимали руководители всех флотов мира еще и до Русско-японской войны. Однако конкретной разработки этот аспект морского боя до войны не получил. Поэтому, начиная войну, и русские, и японцы имели о ней довольно смутное представление. Уже первый бой 9 февраля 1904 г. выявил важность тактической разведки. Так, начиная бой командующий «Соединенным флотом» вице-адмирал Того ничего не знал о результатах ночной атаки миноносцев на русские корабли и о положении русского флота. Еще меньше знали о противнике русские моряки. После этого боя обе стороны стали предпринимать меры по организации тактической разведки.

Русский Тихоокеанский флот в первый месяц войны осуществлял тактическую разведку эпизодически и в ограниченных масштабах. Отряды миноносцев периодически осматривали прибрежные бухты и иногда дежурили в них по ночам. Поиск противника не производился. Значительно

активизировалась тактическая разведка после прибытия в Порт-Артур С.О. Макарова. Под его руководством штаб флота разработал «Инструкцию для миноносцев», в которой были определены основные принципы организации и задачи тактической разведки. Инструкция требовала от разведки: обнаружения противника, определения его сил и намерений, нанесения ему ударов по мере возможности [6, с. 485]. В марте и апреле 1904 г. отряды миноносцев выходили на разведку днем и ночью, причем силы, выделяемые для этого, постоянно увеличивались. Если вначале разведка велась силами 1–2 миноносцев, то в начале апреля посылались отряды в 8–16 миноносцев при поддержке крейсеров [6, с. 486]. Однако после гибели командующего флотом активность русской разведки стала спадать и постепенно сошла на нет. Что касается организации разведки во 2-й Тихоокеанской эскадре, то на стоянках велась непрерывная разведка силами крейсеров и миноносцев на дальних подступах к ним, во время же похода она не велась. Поэтому перед Цусимским боем русские моряки ничего не знали о положении японского флота.

Японское морское командование в первые месяцы войны также вело разведку эпизодически. Поэтому, зачастую оно ничего не знало о действиях русского флота. Разведку, как и у русских, вели в основном отряды миноносцев при поддержке крейсеров. И также она носила активный характер. При встрече с русскими миноносцами японцы, как правило, вступали в бой (обе стороны потеряли в этих боях по несколько кораблей). С 28 апреля 1904 г. накануне десантной операции японских войск на Ляодунский полуостров японский флот установил непрерывную морскую блокаду Порт-Артура. Разведка была возложена на блокирующие суда и велась постоянно до конца осады. Во время разведки стала широко использоваться радиосвязь. Благодаря этому командование японского флота быстро узнавало о выходах из Порт-Артура русских кораблей, их действиях и т. п.

Дальнейшее совершенствование тактической разведки японского флота произошло на заключительном этапе войны. С января 1905 г. японцы организовали дозор-

ную службу силами легких крейсеров в Корейском, Сангарском и Лаперузовом проливах. С конца апреля эта служба была значительно усилена в Корейском проливе. Патрульные корабли были развернуты в 2 дозорные цепи: южнее пролива расположились 12 вспомогательных крейсеров, а в самом проливе 8 легких крейсеров [5, с. 31]. Практически весь пролив находился под наблюдением, что, конечно, не исключало возможность прорыва русских кораблей в ночное время или в условиях тумана. Одновременно отряды японских миноносцев вели разведку на подступах к Владивостоку, наблюдая за действиями отряда русских крейсеров. Хорошая организация разведки позволила не только обнаружить русскую эскадру, но получить точное представление о ее составе, курсе и перестроениях перед Цусимским боем. На следующий день после боя японские разведчики провели успешные поиски остатков русской эскадры.

В целом непосредственно в ходе Русско-японской войны искусство тактики морского боя получило значительное развитие. Тактика проделала сложную эволюцию от боя в общей колонне разнотипных кораблей к маневрированию отдельными отрядами и от линейного боя на параллельных курсах к применению маневра охвата. После войны раздельное маневрирование отрядами на большой скорости и выполнение маневра охвата было признано за образец тактики во всех ведущих флотах мира. Значительное развитие получила и организация артиллерийского огня. Если вначале войны каждый корабль практически произвольно выбирал себе цель и вел огонь беспорядочно, что сказывалось на его эффективности, то в Цусимском бою управление огнем японского флота было строго централизовано. Война подтвердила важную роль тактической разведки. Она становится постоянной. Непрерывное ведение разведки, широкое применение радиосвязи обеспечило японцам знание сил, намерений и маневров русского флота и позволяло заранее занимать выгодные для начала боя позиции. После войны этот опыт тщательно изучался во всех флотах мира.

Морские бои Русско-японской войны выявили и необходимость всестороннего взаимодействия разнородных сил флота для успешного ведения боя. Они показали, что одной артиллерийской дуэли броненосцев для победы недостаточно. Тем самым, была обнаружена ошибочность центрального положения теории «Мэхэна-Коломба» об артиллерийской дуэли как главном и единственном средстве морского боя. Не имела эта война и генерального сражения на море, решавшего общий исход войны.

Тем не менее, опыт Русско-японской войны на море и особенно Цусимского боя после войны был истолкован как подтверждение этой теории. При этом почему-то не учитывался тот очевидный факт, что русская эскадра вела бой пассивно, значительно уступала в скорости и почти не пыталась контрманеврировать (а ведь этих условий могло и не быть). Эта ошибка помешала флотоводцам мира сделать правильные выводы на будущее. Понадобился опыт I-й мировой войны (и в частности, Ютландского боя 1916 г., в котором обе стороны вели себя активно и не смогли, поэтому добиться нужного результата), чтобы исправить эту ошибку. Хотя и в последствии идея генерального морского сражения господствовала в военно-морской теории.

Развитие в ходе войны тактики действий легких сил и организации обороны с моря военно-морских баз

Невозможность решить задачи морской войны в решающем генеральном бою броненосных сил привела к непрерывному возрастанию значения легких сил военно-морского флота, которым ранее отводилась лишь вспомогательная роль. Русско-японская война продемонстрировала значительное расширение сферы деятельности легких сил воюющих флотов. В связи с этим в течение всей войны большое развитие получила тактика их действий, появились и совершенно новые, непредвиденные ранее формы и методы действий легких сил флота в морской войне.

Перед началом Русско-японской войны наиболее важными задачами легких сил флота помимо разведки считались: нанесение торпедных ударов по противнику и

проведение крейсерских операций на его коммуникациях. Однако в силу ряда обстоятельств именно эти направления деятельности легких сил получили наименьшее развитие в ходе войны.

Что касается торпедных ударов по противнику, то уже первые бои выявили малый радиус действия торпеды, невозможность для миноносца (достаточно крупного корабля) подойти к противнику на дистанцию атаки днем из-за его активного противодействия. Поэтому миноносцам во время войны пришлось действовать преимущественно ночью. Кроме того, на действиях русских моряков отрицательно сказались недостаток миноносцев (в Порт-Артуре их было 25) и особенно торпед.

Тем не менее, война все же способствовала некоторому развитию тактики торпедных ударов. Так, начиная войну, японцы для внезапной атаки русского флота на рейде Порт-Артура выделили всего 10 миноносцев, которые на подходе к нему растянулись и атаковали с большими перерывами. Поэтому удачной оказалась атака лишь первых 3-х миноносцев. Остальные атаки были отражены огнем обороняющихся (из 16 выпущенных торпед в цель попали 3) [6, с. 201]. Несмотря на очевидный успех (удалось повредить 3 крупных корабля) уже эта атака показала необходимость совершенствования тактики торпедных ударов. В последующем японцы пошли по пути массирования сил, доводя количество атакующих миноносцев до 30–40. Однако малый радиус торпеды не давал добиться результата. Например, в атаке русской эскадры 23 июня 1904 г. участвовало 30 миноносцев, выпустивших 38 торпед, из которых ни одна не попала в цель [7, с. 170]. Вечером после Цусимского боя русскую эскадру атаковали уже 42 миноносца, а в цель попало всего 6 торпед [5, с. 91]. Низкая эффективность торпедных атак миноносцев натолкнула воюющих на мысль об использовании в прибрежной зоне небольших минных катеров и нового тактического приема, когда большая часть атакующих отвлекала внимание противника, а 1–2 катера стремились незаметно торпедировать его с другой стороны. Минные катера и новый тактический прием доволь-

но успешно применяли и русские, и японские моряки. В частности, именно так японцам удалось повредить несколько русских миноносцев, а также броненосец «Севастополь» в декабре 1904 г. В последующем минные катера послужили прототипом для создания быстроходного торпедного катера, принятого на вооружение во всех флотах мира.

Достаточно ограниченный характер носили и крейсерские операции. Японский флот вообще не планировал и не осуществлял таких операций. Прежде всего, потому, что Россия не имела значительного морского сообщения на Дальнем Востоке. Наоборот, островное положение Японии, ее зависимость от морских перевозок открывали широкие возможности для крейсерства на ее коммуникациях и воздействия на ход войны. Однако русский флот не имел на Дальнем Востоке достаточного количества крейсеров для развертывания таких операций. Кроме того, обе русские военноморские базы на Тихом океане и Порт-Артур, и Владивосток находились в районах, из которых был затруднен выход на главные японские коммуникации. Не имело русское командование и заранее разработанного плана крейсерских операций. В результате из Порт-Артура крейсерство вообще не проводилось ввиду большого численного превосходства японских крейсеров в Желтом море. Владивостокский же отряд крейсеров (3 броненосных и 1 легкий крейсер) за время войны совершил всего 8 походов и потопил 14 неприятельских пароходов, а 3 парохода привел во Владивосток [4. С. 302].

Наиболее удачными из них являлись 2 похода. Первый – в июне 1904 г. в Корейский пролив, когда удалось потопить 2 японских транспорта с войсками и 18-ю 280-мм гаубицами для осады Порт-Артура, а также захватить английский пароход с контрабандным грузом. Второй – в июле того же года в Тихий океан через Сангарский пролив на параллель Токио, когда было потоплено 2 крупных парохода нейтральных стран с контрабандным грузом, еще 2 захвачено и отправлено во Владивосток и потоплено 6 небольших японских пароходов. Этот поход привел к временно-

му ограничению коммерческих перевозок в Японию и тем самым нанес серьезный ущерб ее экономике. В последующем, после гибели броненосного крейсера «Рюрик» в бою 14 августа 1904 г. отряд крейсеров прекратил свои операции.

Для усиления крейсерской войны русские моряки попытались использовать вспомогательные крейсера, переоборудованные из быстроходных коммерческих пароходов. Летом 1904 г. 2 таких крейсера начали операции в Красном море, а 4 – у Гибралтарского пролива. Однако из-за большой удаленности от театра военных действий, невозможности в силу этого установить, является ли груз военной контрабандой, а также из-за дипломатических осложнений их крейсерство эффекта не дало и было вскоре прекращено. Повторная попытка состоялась в мае 1905 г., когда 4 вспомогательных крейсера начали операции на японских коммуникациях в Тихом океане. Исход Цусимского боя быстро остановил их.

Тем не менее, несмотря на ограниченность крейсерских операций и малую их результативность, полученный опыт тщательно изучался и впоследствии был использован Германией во время I-й Мировой войны.

В ходе Русско-японской войны большие изменения произошли в тактике использования минного оружия. Перед войной во всех флотах мира предусматривалось использование мины лишь в оборонительных целях для защиты побережья и военно-морских баз от нападения противника. Причем, японский флот даже не имел специально оборудованных для этого кораблей. Больше внимания минной обороне уделяло русское морское командование, учитывавшее общее превосходство в силах японского флота. План минной обороны предусматривал заграждение многочисленных бухт Квантунского полуострова, внешнего рейда Порт-Артура, а также Амурского и Уссурийского заливов. Всего вначале войны русские моряки установили 1630 мин заграждения [7, с. 91, 355].

Однако вскоре после начала войны обе стороны перешли к активному использованию оборонительной мины в новом качест-

ве – в наступательных целях. В связи с этим стала совершенствоваться тактика минного дела.

Инициатива применения мины заграждения в наступательных целях принадлежит японцам. Активная боевая деятельность русского флота в марте – апреле 1904 г. вынудила японцев искать эффективные средства противодействия. Одним из них стала мина заграждения. Для этого японцы переоборудовали несколько пароходов в минные заградители. В начале апреля 1904 г. началась постановка мин. Первоначально их сбрасывали в 10 милях от Порт-Артура с расчетом, что приливное течение вынесет их к русской базе. Быстро убедившись в неэффективности этого метода, японцы изменили тактику постановки мин. Было решено начать минирование непосредственно внешнего рейда Порт-Артура. Им удалось установить, что русская эскадра довольно часто совершает один и тот же маневр (вытянутую восьмерку) в одном и том же месте. В ночь на 13 апреля японский минный заградитель «Кио-Мару» заминировал фланги восьмерки. В тот же день на этих минах погиб флагманский броненосец Тихоокеанского флота «Петропавловск» вместе с командующим и штабом флота и получил серьезные повреждения броненосец «Победа». Эта удачная операция серьезно ослабила русский флот и обеспечила его пассивность в течение 2-х месяцев.

После установления японцами морской блокады Порт-Артура постановки мин приобрели широкие масштабы. Всего с апреля по декабрь 1904 г. японские моряки поставили в этом районе 1300 мин [2, с. 72]. Им удалось создать перед русской базой зону минной опасности радиусом 5–6 миль. Несколько крупных русских кораблей получили от японских мин значительные повреждения (броненосец «Севастополь» – июнь и август, броненосный крейсер «Баян» – август). С августа в минных постановках стали принимать участие миноносцы.

В 1905 г. японцы повторили этот прием под Владивостоком, где в апреле они поставили 715 мин [5, с. 13]. На этих минах накануне Цусимского боя получил тяжелые

повреждения броненосный крейсер «Громобой» и в результате Владивостокский отряд крейсеров не смог оказать содействия 2-й Тихоокеанской эскадре.

В русском флоте инициатива использования мины в наступательных целях принадлежит командиру минного заградителя «Амур» капитану 2-го ранга Н.Ф. Иванову. Он установил, что японский флот также совершает один и тот же маневр неподалеку от Порт-Артура. 14 мая 1904 г. «Амур» поставил 50 мин в 11 милях от порта. На следующий день на этих минах погибло 2 японских броненосца («Яшима» и «Хацусе») и уже японский флот был значительно ослаблен. После этого «Амур» еще несколько раз ставил минные банки по 20–50 мин.

Авария единственного минного заградителя натолкнула русских моряков на мысль о постановке мин с миноносцев. В начале июля 1904 г. они установили на 2-х миноносцах приспособления, позволявшие брать по 2 мины. Однако их малая эффективность заставила продолжить поиски. Вскоре решение было найдено. На миноносце «Решительный» смонтировали железнодорожные рельсы, позволявшие брать 12 мин. 4 августа с него впервые было поставлено минное заграждение в 11 милях от Порт-Артура [7, с. 304]. Таким образом, удалось резко расширить диапазон деятельности миноносцев. Их стали использовать не только для торпедных атак, но и для минных постановок.

После морского боя 10 августа 1904 г. в Желтом море рельсы для постановки мин установили еще на 3 миноносца. Они провели 7 походов и поставили 112 мин [1, с. 62]. Масштаб минных постановок мог быть значительно больше, но в Порт-Артуре закончился запас мин и приходилось использовать вытраленные японские мины. Всего русские моряки поставили под Порт-Артуром 1077 мин, но которых погибло 12 японских кораблей [8, с. 263] и еще несколько получили повреждения.

В целом в ходе Русско-японской войны тактика использования минного оружия получила большое развитие. Это было обусловлено условиями борьбы (прибрежная зона), дешевизной и простотой изготовления мины и высокой эффективностью этого

оружия. В ходе войны появились принципиально новые приемы и средства ведения минной войны. Эта сфера военно-морского искусства сделала значительный шаг вперед.

Широкое использование минного оружия вызвало необходимость борьбы с ним. Вообще организация траления мин предусматривалась и русским, и японским флотом еще до войны. Предполагалось, что этим будут заниматься небольшие катера и шлюпки. В качестве трала использовался простой металлический трос, который натягивался между двумя судами. Именно такой тип трала и использовал русский флот для траления Порт-Артурского рейда. Само траление проводилось эпизодически. Гибель на японских минах броненосца «Петропавловск» и повреждение броненосца «Победа» вынудили русских моряков начать работу по совершенствованию системы и тактики траления. В результате возникло новое постоянное военно-морское соединение – тральный караван, который непрерывно усиливался. Летом 1904 г. он состоял из 7 паровых шаланд, 6 катеров, 2 мелкосидящих пароходов и 4 миноносцев [7, с. 223]. Для его прикрытия выделялись отряды канонерских лодок и миноносцев. Караван работал ежедневно, за исключением плохой погоды. Непрерывно совершенствовался и сам тип трала (его все время дополняли крючками и якорями).⁶ В целях повышения эффективности караван стал тралить не весь рейд, а определенный фарватер, затем в целях маскировки 2 и позже 3 фарватера. Для этого же с июня стали выдавать денежные премии: по 25 рублей на экипаж за каждую вытраленную мину, а офицеры каравана представлялись к наградам. Всего с апреля по декабрь 1904 г. у Порт-Артура русские моряки вытралили около 1000 японских мин [3, с. 950].

Организация трального каравана и систематическое траление обеспечили русскому флоту возможность действовать за пределами базы почти до конца блокады Порт-Артура. О высокой технике траления и мастерстве моряков говорит тот факт, что

⁶ Аналогично было организовано траление и во Владивостоке, где использовали опыт Порт-Артура.

после начала работы трального каравана на японских минах подорвалось только 2 крупных русских корабля (дважды – броненосец «Севастополь» и броненосный крейсер «Баян») и только потому, что они вышли за границы протральной зоны. Непосредственно же при тралении было потеряно лишь две шаланды.

Японский флот также организовал траление мин при проведении десантных операций и по мере продвижения японских войск к Порт-Артуру. Однако организация траления не достигла такого высокого уровня как в русском флоте. Траление велось медленно, тип траля был менее совершенен и неоднократно японские корабли подрывались на уже протральных участках.

В целом в ходе войны организация и тактика траления достигли очень высокого уровня и сделали настоящий скачок вперед. Траление оформилось в самостоятельный вид боевой деятельности.

Во время войны японскому флоту пришлось решать важную и сложную задачу блокады русского флота в Порт-Артуре. Неопределенный исход боя 9 февраля 1904 г. поставил перед японским флотом проблему безопасности десантных операций в Корее и на Ляодунском полуострове. Для ее решения японцы попытались заблокировать русский флот в Порт-Артуре. Первоначально они стремились затопить свои пароходы-брандеры в узком и неглубоком проливе между внешним и внутренним рейдами и закупорить выход русскому флоту, затем стали применять минные заграждения. С конца апреля началась непосредственная блокада Порт-Артура японским флотом. Вначале блокирующие действия осуществляли броненосные силы флота. Но гибель 2-х броненосцев на русских минах заставила организовать блокаду по-новому. Ведение блокады было возложено на легкие силы. Японцы организовали специальное блокадное соединение, которое состояло из отряда блокадного дозора (миноносцы) и отряда поддержки (легкие крейсера). Блокада осуществлялась на расстоянии 10–20 миль. Для броненосных сил флота была устроена временная база у островов Эллиот в 40 милях от Порт-Артура,

откуда эти силы в случае необходимости выдвигались по вызову блокадного соединения.

Непрерывная блокада потребовала от японского флота напряжения всех сил и стоила ему крупных потерь. В ходе войны тактика блокады проделала существенную эволюцию. Если вначале блокада осуществлялась также, как и во времена парусного флота, то в дальнейшем появились новые приемы ведения блокады. Активное использование минного и торпедного оружия превратило ее из простого наблюдения за объектом, как это было в эпоху парусного флота, в напряженную двустороннюю борьбу.

Война поставила вопрос и об охране и обороне с моря военно-морских баз. При этом наибольший опыт в его решении получили русские моряки. Поскольку волей обстоятельств именно вокруг главной базы русского Тихоокеанского флота и развернулись главные события морской войны.

Охрана Порт-Артура с моря стала усиливаться с первого дня войны. В первые недели на внешнем рейде круглосуточно дежурил отряд канонерских лодок, а на ночь в дозор за 15–20 миль высылали 2 миноносца [6, с. 371]. Попытки японских пароходов-брандеров в ночь на 24 февраля и на 27 марта 1904 г. закупорить русский флот показали недостаточность принятых мер (один артиллерийский огонь для защиты рейда оказался неэффективным, взаимодействие между кораблями и береговой артиллерией отсутствовало, не был обеспечен полный обзор рейда в ночное время). Поэтому штаб Тихоокеанского флота под руководством С.О. Макарова разработал специальную «Инструкцию по обороне рейда» [6, с. 512], которая учитывала накопленный опыт и действовала до конца обороны Порт-Артура, а также во время похода 2-й Тихоокеанской эскадры.

В соответствии с этой инструкцией и была создана единая система обороны военно-морской базы с моря из позиционных и маневренных сил. Днем рейд патрулировался миноносцами. На ночь на него выходили минные катера и располагались так, чтобы простреливать торпедами все подступы к проходу на внутренний рейд. Их

поддерживал отряд канонерских лодок и 2 крейсера. Была введена единая система сигнализации для кораблей и береговой артиллерии, установлены дополнительные артиллерийские батареи.

В результате мер, принятых вице-адмиралом С.О. Макаровым была создана непрерывная служба по охране с моря военно-морской базы, как одна из форм повседневной боевой деятельности флота. Итогом хорошо организованной обороны стал провал всех попыток противника закупорить русский флот на внутреннем рейде. Японцы потеряли во время этих попыток 21 пароход-брандер [2, с. 69]. Впоследствии опыт охраны Порт-Артурской военно-морской базы был использован всеми ведущими морскими державами.

В ходе Русско-японской войны получила развитие и тактика взаимодействия флота с сухопутными войсками, которая ранее нигде в мире глубоко не разрабатывалась. Причем, логикой войны воюющим сторонам пришлось разрабатывать разные ее аспекты.

Наступление японской армии на Порт-Артур поставило перед русским флотом вопрос о поддержке приморских флангов армии артиллерийским огнем. Первый опыт такой поддержки был получен в мае 1904 г. во время Киньчжоуского боя канонерской лодкой «Бобр» и двумя миноносцами. Он показал, взаимодействие с армией нуждается в тщательной организации. С июня начались регулярные выходы кораблей в море для артиллерийской поддержки фланга армии. Как правило, высылались значительные силы: 1–2 броненосца, 4–5 крейсеров, 2–3 канонерские лодки и от 6 до 14 миноносцев. Первоначально стрельба велась по видимым целям, затем специальные корректировщики стали корректировать стрельбу по невидимым целям. На кораблях прокладывали телефонный кабель, и каждый из них имел свои собственные цели. Впоследствии, когда началась непосредственная осада Порт-Артура в августе 1904 г. вся линия обороны была разбита на сектора и каждый корабль поддерживал определенный сектор. Эта система взаимодействия действовала весь период осады.

Взаимодействие японского флота с армией приняло несколько иные формы. Перед ним стояла задача обеспечения десантных операций армии. В ходе войны японский флот обеспечил осуществление 3-х крупных десантных операций: в Корею в феврале 1904 г., на Ляодунский полуостров в мае 1904 г. и на о. Сахалин в июне 1905 г. (из них две последних на побережье, занятое противником).

Наиболее значительной явилась высадка 2-й японской армии на Ляодунский полуостров. Десант высаживался в бухте Ентоа в 40 милях от Порт-Артура. Для ее обеспечения было организовано траление бухты. Первая волна десанта высаживалась с миноносцев и канонерских лодок под прикрытием их артиллерийским огнем. Затем между бухтой и островами Эллиот натянули бон с подвешенными на нем минами заграждения и в бухту вошли транспорты с войсками. В течение 6 дней японцы высадили 40 000 человек и большое количество вооружения. Операцию прикрывали главные силы японского флота, развернутые у Порт-Артура.

Таким образом, в ходе Русско-японской войны тактика взаимодействия флота и армии впервые была конкретно разработана и воплощена в жизнь, что явилось значительным вкладом в развитие военно-морского искусства. Полученный опыт впоследствии широко использовался во время I-й Мировой войны.

Завершая обзор развития тактики легких сил флота в ходе Русско-японской войны, необходимо упомянуть и о том, что именно в эту войну впервые был использован принципиально новый вид боевого корабля – подводная лодка. Несколько русских подводных лодок охраняли подступы к Владивостоку в 1905 г. Правда, их конструкция была очень несовершенной, но сам факт их участия в войне имел большое значение для дальнейшего развития этого класса кораблей и тактики их действий.

Русско-японская война стала, пожалуй, первой морской войной в мировой истории, в ходе которой так широко применялись легкие силы военно-морских флотов. И в связи с этим, как мы могли убедиться, большое развитие получила тактика их

действий. В ходе войны появилось много новых тактических приемов ведения боевых действий легкими силами. Война вообще продемонстрировала резкое возрастание их роли⁷. Активное использование легких сил вызвало повседневную боевую деятельность флотов, которая заполнила паузы между крупными боями и держала воюющие флоты в постоянном напряжении.

⁷ Вместе с тем, следует отметить, что война показала не только ошибочность теории «Мэхэна-Коломба», но и несостоятельность теории «Молодой школы». Практика боевых действий свидетельствовала, что легкими силами можно было решить лишь частные задачи.

Опыт действий легких сил, полученный в эту войну, дал мощный импульс их дальнейшему развитию всеми флотами мира.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть большую роль Русско-японской войны в развитии военно-морского искусства. Ее опыт послужил отправной точкой для последующих теоретических разработок во всех областях военно-морского искусства. После нее военно-морские флоты всех стран получили свое формирование как в смысле выработки типов боевых кораблей и вооружений, так и в организации и тактике.

Статья поступила 23.11.2015 г.

Библиографический список

1. Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Боевые действия на море. М., 1942.
2. История военно-морского искусства. М., 1953. Т. 3.
3. История русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 1911. Т. 4.
4. Кладо Н.А. Современная морская война. СПб., 1905.
5. Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мэйдзи. СПб., 1910. Т.4.
6. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну. СПб., 1910. Т. 1.
7. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну. СПб., 1910. Т. 2.
8. Сорокин П.А. Оборона Порт-Артура. М., 1952.

Сведения об авторе

Наумов Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и философии Иркутского национального исследовательского технического университета, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел. 8(3952) 40-51-86, e-mail: histor@istu.edu

Naumov Igor Vladimirovich, Doctor of Historical Science, Head of Chair of the History and Philosophy of Irkutsk National State Technical University, 664074, Russia, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, tel.: 8(3952) 40-51-86, e-mail: histor@istu.edu

УДК 93/94

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР ПО ОХРАНЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ СИБИРИ В 1914–1917 гг.

© Н.В. Греков

В статье рассматриваются противодиверсионные мероприятия на железных дорогах Сибири, осуществленные в период Первой мировой войны. Реконструирована структура инстанций и органов охраны, раскрыт механизм взаимодействия железнодорожников, наемных стражников, жандармов и личного состава воинских частей различных видов. Противнику не удалось провести ни одной диверсии.

Ключевые слова: охрана, железные дороги, транспорт, Сибирь, Первая мировая война, совершенствование, диверсии, караулы, инфраструктура.

DEVELOPMENT AND REALIZATION OF THE ACTIONS OF SECURITY OF THE RAILWAYS IN SIBERIA IN 1914–1917

© N.V. Grekov

The article is devoted to countersabotage efforts on railways in Siberia during World War I. Author reconstructs the schema of security authorities and explains the method of collaboration between railway workers, security guardians, gendarmes and different military staffs. Contender was not able to get any sabotage attack.

Key words: custodial guard, railways, transport, Siberia, World War I, improvement, sabotage attacks, patrol, infrastructure.

В годы Первой мировой войны высшие штабы и спецслужбы воюющих государств уделяли большое внимание подготовке диверсий в тылу противника, одновременно пытаясь обезопасить тылы собственных армий. В России наиболее широко противодиверсионная работа была развернута на сети железных дорог. Крайняя озабоченность русского правительства вопросами безопасности дорог была вызвана, с одной стороны, важной ролью транспорта в проведении военных операций и в организации работы промышленности, а с другой – слабостью русской железнодорожной сети, которая и в мирное время не справлялась с обслуживанием потребностей народного хозяйства [15, с. 580].

С началом войны изменилось направление грузовых потоков по тыловым железным дорогам. Блокада противником портов Балтийского и Черного морей вынудила Россию переключить внешнюю торговлю на дальневосточные и северные

порты. Объемы ввозимых в ходе войны товаров, в том числе военного снаряжения, оружия, материалов для оборонной промышленности, постоянно увеличивались, соответственно возрастала нагрузка на дороги, связывавшие Архангельск с центральными районами страны, и на Транссибирскую магистраль, обеспечивающую сообщение Дальнего Востока с центром России.

Линия магистрали подтвердила свое стратегическое значение, но если до 1914 года ее предполагалось использовать для переброски войск из европейских губерний России на Дальний Восток при возникновении там угрозы войны, то после начала мировой войны поток грузов пошел в обратном направлении. Транссибирская магистраль играла важную роль в снабжении фронта оружием и боеприпасами. Кроме того, сибирские железные дороги перевозили хлеб для населения промышленных

районов, продовольствие и фураж для армии.

Напряженная работа сибирских железных дорог не могла не привлечь внимание противника. Однако в ходе войны он так и не смог осуществить диверсии на дорогах Сибири [16, с. 58]. В чем причина? Ведь германское командование прекрасно понимало, что нарушение перевозок по Транссибирской магистрали способно ослабить русский фронт. Вероятно, объяснение кроется в суммарном влиянии трех факторов. Большую роль сыграла удаленность сибирских дорог от европейского театра войны. Возможно, сказалось отсутствие необходимых сил и средств в распоряжении германской разведки, но на первое место следует поставить беспрецедентные меры охраны сибирских железных дорог.

Великий Сибирский путь (Транссиб) к 1914 году составляли 5 самостоятельных в административном отношении железных дорог. Самым крупным звеном магистрали на тот период являлась Сибирская железная дорога (3161 верста). 1 января 1915 года она была разделена на Омскую и Томскую (Сибирскую) железные дороги. До этого Омская дорога (642 версты) представляла собой ответвление линии Сибирской железной дороги.

Сразу же после ввода в эксплуатацию Транссиба важнейшей задачей властей стала организация его охраны. Русско-японская война положила начало разработке принципов военной охраны сибирских дорог. Однако потрясшие страну в 1905 г. забастовки железнодорожников заставили правительство сконцентрировать внимание на внутренних угрозах безопасности дорог. Опыт борьбы с рабочими подвел царские власти к идее объединения усилий военного, железнодорожного и жандармского ведомств в сфере обеспечения безопасности железных дорог России.

На основании императорского Указа правительствующему Сенату от 14 декабря 1905 г. министр путей сообщения получил право вводить чрезвычайные меры охраны на отдельных линиях железных дорог империи. После введения этих мер железная дорога поступала в распоряжение особого комитета при управлении данной дороги.

Председателем комитета становился начальник дороги, членами – начальник местного жандармского полицейского управления (далее – ЖПУ) и заведующий передвижением войск района.

Особые комитеты должны были обеспечить охрану «внешнего порядка, непрерывности и правильности действия дороги», а также «наблюдение за должным исполнением всеми служащими лежащих на них обязанностей» [6, л. 187]. Целью особых комитетов, по существу, являлась борьба с забастовками железнодорожников и подавление антиправительственных выступлений в полосе отчуждения дорог.

Для общего руководства деятельностью особых комитетов всех дорог страны при министре путей сообщения был сформирован Главный комитет по охране железных дорог. В его состав вошли: начальник Управления железных дорог МПС, начальник штаба Отдельного корпуса жандармов и начальник Управления военных сообщений ГУГШ [6, л. 188].

Появление Указа о чрезвычайных мерах охраны на железных дорогах было продиктовано исключительно необходимостью подавления революции, поэтому вопросами защиты дорог от диверсий неприятеля в инструкциях особым комитетам места не нашлось. Штабы военных округов самостоятельно составляли планы охраны железных дорог на случай войны. Войскам, по определению Генерального штаба, предстояло защищать железные дороги в военное время от нападения «неприятельских отрядов, а также порчи злоумышленниками» [3, л. 51].

Омская и Сибирская железные дороги проходили по территории Казанского, Омского и Иркутского военных округов. Основные линии дорог находились в зоне ответственности Омского округа. По составленной штабом округа в 1913 г. схеме охраны линия подведомственных дорог была разделена на 5 ротных участков размерами от 344 до 532 верст.

Для охраны железной дороги пехотные полки округа выделяли сводный отряд из 407 нижних чинов под командой 5 офицеров. Предполагалось выставить 45 постов

на 16 мостах и выслать 8 дозоров на крупные станции [9, л. 70–72].

Армейские подразделения должны были усилить существовавшую в мирное время охрану дорог – железнодорожную жандармерию и вольнонаемную стражу. Жандармские управления на железных дорогах выполняли функции общей полиции в районе полосы отчуждения железных дорог. Личный состав управлений был расщеплен по станциям и нес патрульно-постовую службу. Жандармы патрулировали депо, мастерские, подъездные пути и раз в месяц обходили отведенный каждому отделению участок линии железной дороги [1, с. 52]. К 1914 г. в ЖПУ Сибирской дороги состояли на службе 23 офицера, 20 вахмистров и 445 унтер-офицеров [2, л. 43; 13, л. 6]. Если принять во внимание протяженность железнодорожных линий и количество станций, можно согласиться с начальником управления – полковником Л.А. Бардиным, постоянно сетовавшим на нехватку личного состава. Вольнонаемная стража насчитывала около 500 человек.

Условия и порядок ввода войск в полосу отчуждения железных дорог определяли специальные правительственные документы. 17 февраля 1913 г. были Высочайше утверждены «Положения о подготовительном к войне периоде», в которых каждому ведомству был указан порядок действий при нарастании угрозы войны. Все действия ведомств были детализованы и сгруппированы в две «очереди». К первой относились те, что надлежало исполнить на начальном этапе подготовки к мобилизации, не нарушая при этом обычного ритма жизни страны. Мероприятия второй очереди представляли собой завершающую фазу подготовки к мобилизации и массовой перевозке войск. В рамках выполняемых МПС мероприятий первой очереди должны были вводиться чрезвычайные меры охраны на железных дорогах, а по списку второй очереди – командованию военных округов предстояло выставить армейскую охрану на дорогах.

Довоенные планы охраны не предусматривали специальных антидиверсионных акций. Обычным армейским подразделениям просто предстояло взять под охрану

наиболее важные искусственные сооружения на линии дорог. Дозоры на железнодорожных станциях планировались скорее для устрашения потенциальных забастовщиков, чем для защиты от неприятеля.

15 июля 1914 г. (даты указаны по старому стилю) управляющий МПС Думитрашко шифрованной телеграммой распорядился ввести в действие чрезвычайные меры на Омской и Сибирской дорогах. В Томске и Омске прошли экстренные заседания особых комитетов при управлениях дорог. Одновременно в столице приступил к работе Главный комитет по охране железных дорог. 19 июля Германия объявила войну России.

Меры русских властей по защите железных дорог от диверсий противника можно сгруппировать в три блока: организация вооруженной охраны дорог, деятельность Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), штабов военных округов и особых комитетов по поддержанию боеготовности подразделений охраны дорог, а также контрразведывательная работа.

Эти виды деятельности на практике были тесно связаны между собой, что позволяет выделить общие для всех этапы развития. Первый (июль 1914 – февраль 1915 г.) характеризуется корректировкой довоенных взглядов на организацию охраны дорог и поиском наиболее эффективных способов противодиверсионной защиты. Определяющей чертой второго периода (март 1915 – апрель 1916 гг.) стало усложнение и совершенствование системы охраны. На протяжении третьего периода (май 1916–1917 гг.) нарастала мозаичность охранных мероприятий и непоследовательность в их реализации под влиянием кризиса на железнодорожном транспорте.

Накануне и в первые недели войны охранные мероприятия на западносибирских дорогах осуществлялись строго в соответствии с заранее разработанными планами. Войска взяли под охрану все крупные мосты и искусственные сооружения на первоклассных станциях. Вольнонаемные стражники, стоявшие в мирное время на мостах, теперь охраняли станционные склады и водокачки. Охрана обычно остававшихся без присмотра малых мостов, труб в насыпи и

виадуков возлагалась на путевых сторожей, чью бдительность проверяли обходами жандармские унтер-офицеры.

Рациональная умеренность в построении системы охраны была разрушена после того, как в августе 1914 г. Сибирская и Омская железные дороги были объявлены на военном положении. Командующий Омским округом генерал от кавалерии Е.О. Шмит получил права Главного начальствующего в полосе отчуждения дорог. Генерал немедленно увеличил численность армейской охраны в 5 раз. Только на участке Тюмень – Омск вместо 92 было выставлено 696 солдат. Под охрану войск были взяты все без исключения мосты и прочие искусственные сооружения. На станции были высланы усиленные дозоры, у водокачек выставлены караулы из 6 солдат [8, л. 79].

Подобные меры защиты железных дорог были бы вполне естественны в прифронтовой зоне, где постоянно существовала угроза нападения со стороны противника. В глубоком тылу многочисленная армейская стража на дорогах, вероятно, по мысли генерала Шмита, должна была стать универсальным средством нейтрализации всего спектра угроз безопасности дорог. Тем более что Омский и Томский особые комитеты с подачи Главного комитета в первые недели войны готовились преимущественно к подавлению возможных забастовок, не обращая внимания на прочие угрозы.

Однако уже через неделю после введения усиленной охраны выяснилось, что высокая концентрация войск мешает работе железнодорожников. Часовые не пропускали рабочих на охраняемые объекты (мосты, водокачки и т. д.) без приказа караульного начальника, а тот всякий раз принимал решение лишь после того, как явится один из старших агентов дороги и засвидетельствует личность подчиненного. Армейские инструкции не предусматривали письменных пропусков. Штаб Омского округа планировал и дальнейшее увеличение охраны, но управления дорог потребовали сократить число солдат на объектах [4, л. 4].

И.о. начальника Омской дороги Я.М. Мовчан-Кухарук не мог постичь логику военных: в то время как участки его дороги, находившиеся в зоне Омского во-

Е.О. Шмит

енного округа, были перенасыщены воинской охраной, на участках той же дороги, входивших в район Казанского округа, не было охраны вообще. Уговаривая штаб Омского округа сократить численность охраны, начальник дороги вынужден был просить штаб Казанского округа выставить караулы на дороге [4, л. 9]. Согласование новых схем охраны и размеров ее сокращения заняло еще 3 месяца. Штаб округа согласился на сокращение войсковой охраны лишь в силу необходимости «экстренного командирования» на фронт наибольшего количества частей [4, л. 304]. Была и другая, не менее веская причина. Россия, как и ее противники, готовилась к скоротечной войне. Подобно планам работы транспорта, планы охраны дорог были рассчитаны на время мобилизации и последующий за ней период. Однако война явно затягивалась. Нервозность первых месяцев войны, повлекшая внезапные перемены в схемах охраны, прошла. Единственная зримая угроза железным дорогам исходила от ехавших на фронт солдат-запасников. В поисках спиртного они грабили станционные буфеты, избивали жандармов.

Поэтому, оказавшись в растерянности, и не располагая собственным видением новой организации охраны, штаб Омского округа принял предложенный дорогами вариант. По ведомости нарядов с 24 января 1915 г. в пределах округа охрану дорог

осуществляли 550 солдат [4, л. 356–357]. Караулы были оставлены только на мостах и крупных станциях. Количество охраняемых объектов и численность выделенных для этого солдат были приведены в соответствие довоенным планам. Но уже весной 1915 г. началось постепенное увеличение армейской стражи на сибирских дорогах, не прекращавшееся до 1917 года. На этот процесс влияли сомнения правительства и высших штабов в надежности защиты Транссибирской магистрали, стремление сибирских властей не оставить противнику ни малейшей возможности для проведения диверсий на дорогах, а также рост шпиономании в стране. К началу октября 1915 г. на объектах Омской железной дороги были размещены 1900 нижних чинов охраны. Примерно столько же солдат стояло на линии Томской дороги. В 1915 г. в Томском и Омском ЖПУ, сформированных на время войны, по штату числилось 27 офицеров, 22 вахмистра и 491 унтер-офицер [2, л. 2, 49–55; 5, л. 6].

Главными объектами вооруженной охраны на Транссибирской магистрали были железнодорожные мосты. Несмотря на то, что мосты признавались наиболее ценными и уязвимыми сооружениями на железных дорогах, в предвоенный период ясного представления о способах их охраны военные не разработали. На территории Омского округа находилось 14 крупных железнодорожных мостов, из них 8 – длиной от 373 саженей до 100 саженей (от 796 м до 213 м) и 6 мостов – от 100 до 20 саженей [9, л. 72].

В первые недели войны охране мостов уделялось внимания не больше, чем прочим искусственным сооружениям дорог. Особые комитеты, следуя указаниям Главного комитета по охране дорог, весь мобилизационный период были заняты подготовкой к подавлению забастовок. Между тем, в начале августа 1914 г. разведка Австро-Венгрии провела ряд диверсий в Сербии, в частности, были взорваны два железнодорожных моста [14, с. 66].

К проведению диверсий на территории России готовилась германская разведка. 4 августа 1914 г. начальник штаба Иркутского военного округа известил Омский штаб и все жандармские управления Сиби-

ри о том, что германцы направили из Китая диверсионные группы для разрушения мостов и тоннелей на Сибирской и Забайкальской железных дорогах [8, л. 26].

23 августа 1914 г. Управление железных дорог МПС разослало по всем дорогам империи телеграммы с требованием скорейшего определения способов охраны железнодорожных мостов. По распоряжению Главноначальствующего была сформирована специальная комиссия. В течение 8 суток члены комиссии тщательно изучали линию дороги, словно она пролегла по недавно захваченной у неприятеля местности и обследовать ее раньше не было никакой возможности. Результатом работы комиссии стало увеличение военной охраны и числа охраняемых мостов. Теперь посты были выставлены на всех мостах длиной более 10 саженей. Временное сокращение численности войск по охране дорог к концу 1914 г. повлекло сокращение числа охраняемых мостов даже по сравнению с довоенными планами [4, л. 356–357]. Тем не менее особые комитеты ежемесячно на своих заседаниях продолжали обсуждать вопросы надежности охраны мостов, дополняли правила охраны новыми положениями. В конце концов, все возможные угрозы были предусмотрены, и все мыслимые меры к их нейтрализации приняты. 20 декабря 1914 г. начальник Генштаба М.А. Беляев телеграммой на имя командующего войсками Омского округа сообщил, что Верховный Главнокомандующий «весьма озабочен сохранностью важных железнодорожных мостов внутри империи, разрушение коих могло бы нарушить подвоз армии всего необходимого» [4, л. 346].

Начальник Генштаба предложил усилить охрану мостов. Особые комитеты Омской и Сибирской дорог обсудили это предложение и признали осуществленные уже меры достаточными [4, л. 342].

Что представляли собою эти меры? У подходов к мостам и под береговыми пролетами выставлялись суточные и ночные посты. Когда реки были свободны ото льда, у каждого крупного моста для охраны «с воды» круглосуточно находилась моторная лодка с солдатами. Для охраны мостов через Обь и Иртыш на расстоянии версты

М.А. Беляев

вверх по течению были выставлены дополнительные посты с лодками и паровыми катерами. Были разработаны правила освещения мостов и их охраны в зимнее время [4, л. 352].

С помощью специальных мер наделись предотвратить подрыв мостов из проходящих железнодорожных составов. Для этого был введен обязательный осмотр поездов перед их проходом по крупным мостам. Осмотр проводили жандармы с приданными им отрядами солдат. Военские команды сопровождали каждый проходивший по мосту поезд. В товарных составах солдаты занимали тормозные площадки вагонов, в пассажирских – располагались на открытых площадках по обе стороны вагона, наблюдая за тем, чтобы никто не пытался выбросить на мост из вагона взрывное устройство. Поездная прислуга обязана была наблюдать за поведением пассажиров, пресекать их попытки открывать окна. В отдельных случаях солдаты даже располагались в коридорах вагонов. Это стесняло пассажиров, вызывало их недовольство, что вело к конфликтам с охраной. Доходило до того, что часовые с моста открывали огонь по появившимся в окнах вагонов людям.

Подобных случаев было множество и на других российских дорогах. 10 сентября 1914 г. Главный комитет поставил на обсуждение вопрос об установке решеток в окнах всех пассажирских вагонов «в целях

предупреждения возможности выбрасывания из вагона бомб при переходе мостов» [12, л. 12]. При этом никто не задумывался о том: можно ли вообще разрушить крупный мост с помощью небольшого и легкого снаряда. Начальник 14-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор А.Е. Редько попытался образумить соотечественников. 20 октября 1914 г. в докладе командующему войсками Омского округа он отмечал: «...даже при закрытых окнах невозможно помешать злоумышленнику выбросить из окна отдельного купе бомбу. С другой стороны, имея в виду солидность мостового сооружения, трудно предположить, что даже удачно брошенная бомба могла бы нанести мосту серьезные повреждения» [8, л. 40].

На дорогах Западной Сибири нелепые запреты были сняты, но продолжали действовать на других дорогах страны. Более того, в апреле 1916 г. по предложению командующего войсками Казанского округа генерала от инфантерии А.Г. Сандецкого Главный комитет по охране дорог признал необходимым запирают двери вагонов на замок при следовании через большие железнодорожные мосты [10, л. 136–137].

Численность охранных команд на мостах и команд сопровождения поездов в ходе войны неоднократно изменялась при сохранении общей тенденции к увеличению.

Приказы центра об усилении охраны дорог в Сибири воспринимали как требование увеличения количества охраняемых объектов и числа охранников. Если в январе 1915 г. под охраной войск Омского округа были 13 мостов, то в октябре – 19. Кроме того, 11 мостов охраняли стражники и 3 – поденные рабочие [4, л. 356–357, 420–428].

Возросла численность армейской охраны мостов с 409 чел. в январе 1915 года до 1450 – в октябре 1915 [5, л. 172–187]. У мостов было выставлено более 60 % всей охраны Омской и Томской дорог. Наиболее важные мосты охраняли целые роты. Так, охранная команда моста через Ишим в феврале 1916 г. состояла из 162 человек; мост через Обь караулили 148 солдат, мост через Иртыш из Омска – 130 [11, л. 15].

Мост через Иртыш

Многолюдную охрану у особо важных объектов выставляли на всех дорогах. Например, в Казанском военном округе осенью 1916 г. Александровский (Сызранский) железнодорожный мост через Волгу охраняли 219 солдат, мост через Каму – 147 [4, л. 573]. Тоннели на участке Байкал – Слюдянка Забайкальской железной дороги (Иркутский военный округ) охраняли 440 нижних чинов [12, л. 24].

Что ставило предел раздуванию особыми комитетами численности солдат в охранных командах? Прежде всего, протесты армейского начальства, обязанного по мере надобности отправлять на фронт полностью укомплектованные людьми части. Если в Омском военном округе после очередной отправки частей в действующую армию лишь периодически оголялись охраняемые участки дорог, т. к. вскоре численность охраны восстанавливали за счет запасников, то в бедном людскими ресурсами Иркутском округе к 1916 г. охрана железных дорог оказалась меньше той, что была запланирована еще в 1913 году.

Вторым препятствием служило отсутствие у железных дорог свободных средств на постройку большого количества жилых помещений для солдат охраны. На станциях солдат размещали в железнодорожных бараках, стеснив или изгнав прежних обитателей, близ мостов необходимо было строить новые казармы.

Простое наращивание войск в полосе отчуждения дорог само по себе еще не гарантировало безопасность охраняемых объектов. Необходимо было обеспечить добросовестное несение солдатами караульной службы. Первые три месяца войны охрану дорог Омского округа осуществляли подразделения 11-й и 14-й Сибирских стрелковых дивизий. Вымуштрованные солдаты мирного времени неукоснительно выполняли требования начальства. Но с 1 октября 1914 г., после ухода кадровых дивизий на фронт, на охрану дорог заступили дружины 5-го ополченческого корпуса. Боевая выучка ратников была слабой, дисциплина в дружинах поддерживалась страхом наказаний. Подобная воинская ох-

рана могла более-менее сносно выполнять свои обязанности, лишь находясь под постоянным наблюдением начальства. Между тем, ратники, назначенные в караулы на железную дорогу, фактически оказывались вне контроля офицеров. Из-за нехватки офицеров в ополченческих дружинах командирами отрядов охраны (до 100 человек) назначали унтер-офицеров. Только охрану Ишимского и Омского мостов возглавляли прапорщики. Командиры рот физически не могли каждый день проверять караулы, рассредоточенные на десятки вёрст по линии дорог. Не видя рядом офицера, ратники нередко ощущали себя свободными от несения всякой службы. Разнообразные комиссии регулярно проверяли состояние охраны железнодорожных сооружений, но пользы не приносили. Заранее извещенные начальством о прибытии инспекторов, охранные команды встречали их в полной готовности. Проверяющие, ознакомившись с расстановкой постов и бытом ратников, как правило, выражали удовлетворение состоянием охраны, сделав «для порядка» несколько поверхностных замечаний. Так, командир 3-го ополченческого корпуса генерал от инфантерии Е.С. Саранчев в ходе проверки несения охраны Александровского (Сызранского) моста был огорчен тем, что не все ратники обучены команде «на молитву» [4, л. 574].

Внезапные проверки давали самые удручающие результаты. К концу 1915 г. сходная ситуация сложилась на всех тыловых дорогах страны. Военные убедились, что без помощи постороннего ведомства им не обойтись. С января 1916 г. ГУГШ разрешило привлекать жандармов к проверке несения войсками охранной службы на железных дорогах. Начальникам ЖПУ были предоставлены права начальников гарнизонов, начальникам отделений ЖПУ – права дежурных по караулу [7, л. 25]. На некоторое время эта мера позволила укрепить дисциплину в охранных командах. Особенно усердствовали жандармские унтер-офицеры, которым доставляла удовольствие демонстрация власти над солдатами. Однако падение дисциплины в тыловых частях было лишь одним из проявлений общего разложения военной системы им-

перии, остановить которое частными мерами было невозможно.

В течение 1914–1917 гг. в неизменном виде сохранялась структура управления многотысячным контингентом охраны сибирских дорог. Так, в 1916 г. во главе охраны железных дорог Западной Сибири стал командующий войсками Омского округа Степной генерал-губернатор, генерал от кавалерии Н.А. Сухомлинов. Он же являлся Главным начальствующим в полосе отчуждения Омской и Томской дорог. Начальником штаба округа был генерал-лейтенант А.Н. Мориц. Главным начальствующим был подчинен заведующий охраной железных дорог округа генерал-лейтенант Аникеев. Под его командой состояли три начальника отделов охраны, каждый из них отвечал за сектор дороги, разделенный на несколько ротных участков.

Наряду с армейским аппаратом управления охраной действовали особые комитеты при управлениях Омской и Томской дорог. Они имели двойное подчинение: местное – Главным начальствующим генералу Сухомлинову и центральное – Главному комитету по охране дорог (Петроград). В октябре 1916 г. председателем Главного комитета был начальник Управления железных дорог В.И. Рейслер, членами – и. д. начальника Управления военных сообщений ГУГШ генерал-майор С.С. Всевож-

Н.А. Сухомлинов

ский и начальник штаба Отдельного корпуса жандармов генерал-майор В.И. Никольский.

Сибирские железные дороги, находившиеся в тысячах верст от линии фронта, не подвергались атакам отрядов неприятеля, не было зафиксировано (до 1917 г.) явных попыток осуществления диверсий. Но это не могло служить поводом для успокоенности. Агентура противника действовала напористо и изобретательно. Постоянно помня об этом, штаб Верховного главнокомандующего, ГУГШ, штаб Отдельного корпуса жандармов регулярно информировали штабы сибирских округов и жандармские управления о выявленных на стадии подготовки попытках противника осуществить диверсии на железных дорогах империи. Так, 4 сентября 1914 г. сибирские ЖПУ были оповещены о том, что Германия «командировала в Россию 200 молодых людей, переодетых учащимися, специально для взрывания мостов» [8, л. 42]. Сведения, содержащиеся в десятках подобных телеграмм центра, как правило, имели весьма неконкретный характер и мало помогали обнаружению диверсантов, зато позволяли постоянно напоминать о нависавшей над железными дорогами угрозе.

Впрочем, уже в 1914 г. стало ясно, что держать систему охраны в постоянном напряжении не удастся. С осени 1915 г. центральные военные органы начали планировать и осуществлять специальные операции по временному усилению охраны сибирских дорог на период перевозки крупных партий оружия и боеприпасов, поступающих из Америки и Японии. 7 октября 1915 г. Главный комитет по охране железных дорог передал сибирским особым комитетам текст телеграммы начальника штаба Верховного главнокомандующего: «Имеются сведения, что германцами прилагаются особые усилия путем подкупа частных лиц и особенно железнодорожных

служащих Сибирской дороги устроить подрыв сооружений, мостов, внести расстройство в движение на предстоящее время усиленной перевозки грузов» [12, л. 57]. Главный комитет предложил особым комитетам дорог Транссибирской магистрали еще раз пересмотреть меры охраны и объявить «путем расклейки плакатов» о наказании по законам военного времени за умышленное повреждение «всех устройств, служащих для правительственного пользования». На местах знали, что плакаты делу не помогут и решили просто увеличить воинскую охрану. На станции Томской дороги были дополнительно направлены 458 ратников [5, л. 12]. Посты были выставлены на всех без исключения мостах и разъездах Омской и Томской дорог.

Обычно на время «повышенной готовности» численность охраны увеличивали, а спустя пару месяцев, когда особый комитет приходил к выводу, что перевозки важных грузов вне опасности, то без распоряжений центра охрану сокращали до следующей тревоги.

Осенью 1917 г. углубление общенационального кризиса в России и развал армии привели к распаду системы охраны Транссибирской магистрали. Следует признать, что в 1914–1917 гг. штабы сибирских округов, управления железных дорог и ЖПУ уделяли большое внимание совершенствованию противодиверсионной защиты дорог. Однако создать зону полной безопасности вдоль линии дорог не удалось. Большие усилия по обеспечению безопасности во многом были обесценены размещением тысяч военнопленных в полосе дорог. И все же, в конечном счете, охрана сибирских дорог выполнила свое основное предназначение. Противник так и не сумел провести диверсии на железных дорогах Сибири.

Статья поступила 30.03.2015 г.

Библиографический список

1. Борисов А.В., Дугин А.Н., Малыгин А.Я. Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 411. Оп. 1. Д. 385.
3. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 5.
4. ИАОО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1.
5. ИАОО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 12.
6. ИАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 292.

7. ИАОО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 16.
8. ИАОО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 37.
9. ИАОО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 41.
10. ИАОО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 42.
11. ИАОО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 42.
12. ИАОО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 54.
13. ИАОО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 266.
14. Ронге М. Разведка и контрразведка. Киев : Синто, 1993.
15. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны : монография. М.: Наука, 1973.
16. Филюшкин А. «Рус, не спи в гробу» // Родина. 2000. № 10.

Сведения об авторе

Греков Николай Владимирович, заведующий кафедрой «Таможенное дело и право» Омского государственного университета путей сообщения, доктор исторических наук. 644046, Россия, г. Омск, проспект Маркса, 35, 4-й корпус ОмГУПС, ауд. 505. тел.: 8(3812) 53-58-73, e-mail: nikon.gor@mail.ru

Grekov Nikolai Vladimirovich, Doctor of Historical Science, Head of Chair «Custom Affairs and Jus» of Omsk State University of the Railway Transport. 644046, Russia, Omsk, prospect of Marx, 35, 4th building of OSURT, office 505, tel.: 8(3812) 53-58-73, e-mail: nikon.gor@mail.ru

УДК 93/94

ПРИЕМ БЕЖЕНЦЕВ В Г. ИРКУТСКЕ И ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© Н.Д. Ростов, Ю.П. Горелов

В статье на основе документов Государственного архива Иркутской области раскрывается деятельность властей г. Иркутска и Иркутской губернии по приему и обустройству беженцев в годы Первой мировой войны. Показывается патриотизм и милосердие сибиряков к соотечественникам, нуждающимся в помощи.

Ключевые слова: беженцы, благотворительность, общественные организации, Восточная Сибирь, Первая мировая война.

ADMISSION OF REFUGEES IN IRKUTSK AND IRKUTSKYA GUBERNIYA IN WORLD WAR I

© N.D. Rostov, Yu.P. Gorelov

Based on the data from State Archive of Irkutskaya Oblast' the article is devoted to government activity of Irkutsk and Irkutskaya Guberniya in such aspect as an admission of refugees in World War I. Authors describe patriotism and charity of Siberians to that compatriots who need the help.

Keywords: refugees, charity, public institutions, Eastern Siberia, World War I.

Современные общественные процессы повышают актуальность исторических знаний, в том числе слабо освещенных страниц истории сибирских городов в годы Первой мировой войны. К ним относятся вопросы организации приема и обустройства беженцев из западных российских губерний. Отступление русской армии летом 1915 г. привело не только к утрате части территории, большим потерям в людях и вооружении, но и к большому потоку беженцев.

В отчете властей г. Иркутска отмечается все увеличивающееся число беженцев, прибывающих в город. В сентябре 1915 г. на учете состояло 626 человек, в октябре – 2515, в январе 1916 г. – 7456 человек и 1304 семьи. 96 % прибывших являлись крестьянами и 4 % – ремесленниками из Западной Украины и Белоруссии, преимущественно престарелыми и не способными к трудовой деятельности [2, л. 11]. По данным на начало января 1916 г. среди переселенцев в г. Иркутск преобладали женщины (54,6 %). Больше всего прибыло из Гродненской губернии (50 %), Волынской (15 %), Холм-

ской (10 %), о местах выбытия оставшейся четверти данных нет. Из прибывших 30 % были трудоспособными (18–45 лет), половина – нетрудоспособными (детьми и стариками), возраст пятой части не установлен.

Главным органом по оказанию помощи беженцам стал Иркутский комитет Всероссийского союза городов, который привлёк к попечительской работе местные национальные и другие попечительские организации. В составе комитета были квартирная, продовольственная, санитарная, школьная, юридическая, трудовая комиссии, которые решали наиболее важные для жизни переселенцев вопросы [2, л. 11]. Беженцам оказывали помощь квартирами, деньгами, вещами. Особенно сложным оказался квартирный вопрос, так как имеющийся свободный жилой фонд был занят воинскими частями. В таких условиях власти пошли на реквизицию более 100 частных особняков. Они стали благоустраивать летнее дачное жильё (местечко Звездочка). Ремонт и отопление такого жилья требовали дополнительных капиталовложений. К

январю 1916 г. на эти цели из городской казны потратили 35 тысяч рублей. Тем не менее разместить всех нуждающихся не удалось, 1625 человек были отправлены в соседние уезды [2, л. 12, 13; 3, л. 1–5].

С помощью крестьянских начальников в селах Александровском, Егоровском, Максимовском, Хомутовском и других было нанято свыше 200 квартир. Несмотря на то, что дороговизна отопления доводила их стоимость до 6 рублей, такое жилье и сельское питание были выгоднее городского [2, л. 34–35]. Дешевое питание первоначально обеспечивали работающие на развернутых кухнях добровольцы. Однако дороговизна продуктов заставила власти перейти на платное обеспечение. В августе беженцы получили 7496 порций пищи, в октябре – 33 055, в декабре – 165 595, а всего на 1 января 1916 г. 363 082 порции на общую сумму 55 тысяч рублей [2, л. 15].

На 1 сентября 1916 г. в Иркутской губернии проживало 6549 человек переселенцев, из них свыше 50 процентов находилось в Иркутске, остальные были размещены в сельских уездах (табл.).

Медицинская помощь в Иркутске опиралась на добровольный труд медиков, которые бесплатно помогали людям в карантине, но усилившийся осенний приток переселенцев такую работу сделал невозможной. Перегруженные больницы и «заразные бараки» при нехватке персонала не справлялись с работой. В декабре на учете числилось 1277 больных, в том числе 678 различных. Свыше 50 процентов инфицированных людей были заражены оспой и тифом, остальные – корью и ангиной. До 40 случаев в месяц выявлялось больных скарлатиной, до 20 – дифтерией. К январю 1916 г. умерло 220 человек, и впервые смертность достигла 40 процентов. Наибольший ее рост давали инфекционные болезни. Особенно много погибало детей. В таких условиях иркутские власти провели поголовную вакцинацию беженцев и добились того, что с начала 1916 г. заразные болезни стали отступать [2, л. 16–17].

По подсчетам Иркутского комитета, на снабжение беженцев одеждой необходимо было свыше 45 тысяч рублей. Красный Крест выделил 5 тысяч рублей, генерал-губернатор – 30 тысяч рублей. Однако де-

Таблица

Размещение беженцев в Иркутской губернии по возрастным группам и национальным организациям на 1 сентября 1916 г. [1, л. 124]

Размещение беженцев и национальные организации	До 14 лет	До 60 лет	Св. 60 лет	Общее кол-во	Больные и инвалиды
Города					
Иркутск	1374	1698	216	3288	222
Нижнеудинск	82	139	10	231	3
Уезды					
Иркутский	124	170	32	326	5
Балаганский	586	571	86	1243	49
Нижнеудинский	343	885	55	1283	24
Верхотенский	67	108	3	178	1
Всего	2576	3571	402	6549	304*
Общества					
Польское	132	120	21	273	36
Литовское	24	51	5	80	1
Латышское	23	13	15	76	3
Еврейское	93	65	15	173	30
Всего	272	249	56	602	70

*В документе ГАИО в графе Всего указана цифра 345. Это разночтение возможно в следствие или неучтенности, или ошибки.

нег катастрофически не хватало. Для ликвидации одежного дефицита устраивались вещевые сборы. В результате к зиме 1916 г. на хозяйственный склад поступило 4063 единицы белья, 976 пар обуви, 4916 единиц верхней одежды, 1176 предметов кухонной посуды, а также большое количество мебели и хозяйственного инвентаря. Кроме того, учебные заведения передали сюда 1500 пар бракованной обуви, много верхней одежды и нижнего белья. Эти поступления позволили оказать существенную помощь переселенцам. В январе 1916 г. беженцы получили 13 954 шт. различных вещей (платья, юбки, пиджаки, брюки, пальто, обувь). Многие из них снабжались и домашней мебелью: столами, стульями, кроватями, матрасами. Иркутский склад, созданный благодаря народным пожертвованиям, часть одежды также посылал боевым частям и русским военнопленным за границу [2, л. 18].

Самоотверженно помогали беженцам иркутские учителя. С ноября 1915 г. они открыли 24 школы, где были еврейские, польские, латышские классы и обучалось около тысячи человек. Власти помогали учащимся учебниками, мебелью, денежными средствами. В ноябре на образование детей беженцев было передано 147 рублей, в феврале 1916 г. – уже 584 рубля [2, л. 20]. Не были забыты и сироты. Они были размещены в двух очагах-приютах и жили по правилам трудовой коммуны. Полсотни подростков обучались полезному труду: делали игрушки, вышивали, работали в столярной и переплетной мастерских. Сиротам помогали продовольствием служащие Забайкальской железной дороги, одеждой – иркутский вещевой склад, другую разнообразную помощь оказывал местный меценат Н.А. Шестопёров [2, л. 21].

Большую помощь властям в обустройстве беженцев оказывали национальные общественные организации. Работу национальных комитетов в губернии контролировали и направляли: уполномоченный по устройству беженцев в Восточной Сибири, действительный статский советник И.П. Подпалов, председатель Иркутского комитета Всероссийского союза городов доктор П.И. Федоров, председатель губер-

ского комитета помощи пострадавшим от войны, действительный статский советник И.С. Иконников, председатель Иркутского отдела Петроградского Польского общества М.Ю. Мыслинский, председатель Иркутского отдела Латышского общества «Дзимтене (Родина)», надворный советник Х.Х. Зиверт; уполномоченный латышского комитета В.Я. Витоль, председатель Иркутского еврейского общества, присяжный поверенный В.Г. Дислер. Эти люди помогали национальным школам, учебным мастерским, курсам. Переподготовкой кадров столяров, например, занимались мастера из польских беженцев, прошедшие учебу за границей. Кроме того, прибалты охотно учили сибирское население культурному огородничеству и передовой технологии выращивания овощей. Все национальные комитеты ходатайствовали перед иркутскими властями об организации собственного бюро труда [1, л. 18–19].

О проблемах в работе с беженцами информирует донесение генерал-майора П.П. Мейера. 16 мая 1916 г. в Министерство внутренних дел он сообщал, что в приютах Иркутска и Читы среди поляков и евреев много подданных воюющих с Россией государств. Переселенцы снабжаются пайком до 30 копеек вместо положенных 20, что нарушает инструкцию. В Иркутской губернии и Забайкальской области беженцы категорически отказываются селиться в сельской местности. Такое нежелание генерал связывает с проводимой агитацией владельцев общежитий, не желающих терять свои квартирные деньги, а также с тем, что большая часть переселенных людей была не приспособлена к сельскохозяйственному труду. Неплохие жилищные условия, по его донесению, люди имеют в Чите. Здесь беженцы жили небольшими группами, а также отдельными семьями. Хуже квартирный вопрос был решен в Иркутске. В 82 общежитиях и убежищах казарменного типа проживало от 50 до 200 человек, из-за скученности в местах проживания создавались антисанитарные условия. В Верхнеудинске, по замечанию генерала, отсутствовал регистрационный учет, не было даже справочного отдела Татьянинского комитета. С другой стороны, в городе была отлично на-

лажена работа с расчетными книжками по выдаче продовольственных пайков, чего не было в других комитетах. В целом, по мнению сибирского главноуполномоченного, власти и население Иркутской губернии и Забайкальской области много вкладывали труда и энергии в дело организации помощи беженцам [1, л. 291–295].

Несмотря на трудности военного времени, власти г. Иркутска и Иркутской гу-

бернии сделали много для приема и обустройства беженцев, прибывших из губерний, охваченных боевыми действиями. Большую помощь городскому и губернскому управлению в выполнении этой сложной задачи оказали общественные организации и отдельные граждане.

Статья поступила 16.03.2015 г.

Библиографический список

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 9. Д. 3427.
2. ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 3435.
3. ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 274.

Сведения об авторах

Ростов Николай Дмитриевич, профессор, профессор Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, доктор исторических наук, 656038, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 73, ауд. 105, тел.: 8 (3852) 29-07-00, 24-06, e-mail: ndrostov@mail.ru

Rostov Nikolai Dmitrievich, Doctor of Historical Science, Professor of Altai State Technical University named after I.I. Polzunov, 656038, Russia, Barnaul, ul. Dimitrova, 73, aud. 105, tel.: 8 (3852) 29-07-00, 24-06, e-mail: ndrostov@mail.ru

Горелов Юрий Павлович, профессор, профессор Кемеровского государственного университета, доктор исторических наук, 650043, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6. Кемеровский государственный университет, ФИиМО, ауд. 2417, тел.: 8(384-2) 58-40-16, e-mail: noi@history.kemsu.ru

Gorelov Yury Pavlovich, Doctor of Historical Science, Professor of Kemerovo State University, 650043, Russia, Kemerovo, ul. Krasnaya, 6. Kemerovo State University, FIMO, aud. 2417, tel.: 8 (384-2) 58-40-16, e-mail: noi@history.kemsu.ru

УДК 93/94

ВКЛАД СИБИРИ В ОБЕСПЕЧЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АРМИИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© Ю.П. Горелов, Н.Д. Ростов, И.А. Ерёмин

В статье рассматриваются вопросы поставки продовольствия из Сибири и Монголии для нужд русской армии в период Первой мировой войны. Дается развернутая характеристика хозяйственного комплекса региона накануне всемирного конфликта. Особое внимание уделяется роли сибирской кооперации.

Ключевые слова: продовольствие, поставки, закупки, кооперация, военное ведомство, Сибирь, Монголия, Первая мировая война.

THE ROLE OF SIBERIA IN THE PROVISION OF RUSSIAN ARMY IN WORLD WAR I

© Yu.P. Gorelov, N.D. Rostov, I.A. Yeregin

The article is devoted to food provision from Siberia and Mongolia to Russian Army in World War I. Authors give explication of the economy of the region just before war and specially pointed on the role of Siberian cooperation.

Keywords: provision, procurement, purchasing, cooperation, Military Ministry, Siberia, Mongolia, World War I.

Накануне Первой мировой войны в Сибири проживало 10,3 млн чел. [20, с. 183] при численности населения Российской империи – 178,4 млн чел. [3, с. 10]. Главной отраслью экономики Сибири (одной из крупнейших территорий России) являлось сельское хозяйство, которое давало 17 % валового сбора хлеба, имело в одном хозяйстве до 18 голов скота, выпускало 2 % промышленной продукции [19, с. 395, 443]. Высокими темпами в Сибири развивалась маслодельная, мукомольная и мясная промышленность.

Внушительный потенциал мясного скотоводства в Западной Сибири создавал благоприятные условия для развития мясоперерабатывающей промышленности. Накануне войны только в Западной Сибири ежегодный забой достигал 300 тыс. голов крупного рогатого скота и 300 тыс. овец [3, с. 10]. За 1912–1914 гг. в европейскую часть России из Сибири отправлялось ежегодно более 2 млн пудов мяса [23, с. 101]. Совокупный вывоз мяса и живого скота (в переводе на мясо) в 1913 г. составил более

4,1 млн пудов [28, с. 124]. Главными центрами мукомолья в масштабах не только Западной, но и всей Сибири, были Новониколаевск, Омск, Томск, Семипалатинск, Барнаул, Бийск, Камень. Производительность мельниц только Обского района исчислялась в 1913 г. в 15,8 млн пудов, а Иртышского – 8,9 млн пудов в год [1, с. 430–431]. В 1907 г. в г. Кургане был образован Сибирский союз маслодельных артелей, первоначально объединивший 12 артельных маслодельных заводов. В 1914 г. в Сибирском союзе состояли 1464 маслодельных артелей, в то время как общее количество молочных артелей в России немногим превышало 3 тыс. [21, с. 10–11]. В 1912 г. вывоз масла из Сибири достигал 4,5 млн пудов стоимостью 68 млн руб. [1, с. 430–431].

Накануне Первой мировой войны серьезной экономической силой, объединившей в себе значительную часть трудоспособного населения, являлись кооперативы. Эти общественные организации, как и земства, активно привлекались властями к военным

поставкам, к борьбе с дороговизной, а также к преодолению проблем, вызванных недостатком товаров и услуг, необходимых населению. Получая значительные доходы от разнообразных оборонных и гражданских поставок, крестьянство Сибири охотно принимало участие в кооперативном движении (в маслодельческой отрасли – до 40 % хозяйств, кредитной – до 50 %, потребительской – до 80 %) [27, 17 янв].

С началом войны кредитная кооперация Сибири при поддержке отделений Государственного банка активно приступила к закупке для нужд армии продовольствия. Только кредитные товарищества Новониколаевского района в ноябре 1914 г. отправили для армии 152 тыс. пудов хлеба [32, 15 нояб.]. Это было весьма значительным достижением, если иметь в виду, что в целом по стране к этому периоду кредитные кооперативы поставили для вооруженных сил чуть более 1,2 млн пудов зерновых [36, с. 126]. На начало 1915 г. в Сибири действовало 6 потребительских объединений, охватывающих 240 потребительских обществ с торговым оборотом свыше 4 млн рублей. В одной Забайкальской области было два союзных крестьянских объединения. В Чите, Верхнеудинске особенность кооперативной работы заключалась в том, что на обеспечение оборонных и гражданских заказов активно привлекались буряты. Последним сотрудничество с кооперативами приносило значительные доходы. Аналогичная работа проводилась в Томской губернии, где число крупных потребительских союзов приближалось к 10. Выгодность сотрудничества с кооператорами быстро поняли власти Енисейской губернии. Городская дума Красноярска стала оказывать кооперативам материальную помощь, а съезд голов Енисейской губернии первый заявил о выгоде кооперативной торговли перед городской. В результате городские управления Минусинска и Канска вошли коллективными членами в ряд сельских кооперативных обществ [27, 17 янв.].

Особенно активно работал на обеспечение армии кооперативный союз Закупсбыт, контролировавший 50 % всего сибирского товарооборота [19, с. 403]. В 1916 г. Закупсбыт включал в себя 5500 организа-

ций Мариинского, Забайкальского, Прибайкальского, Алтайского, Новониколаевского, Енисейского, Приамурского, Семипалатинского, Иркутского и других потребительских кооперативов Сибири [2, с. 63; 5, л. 6, 9; 42, с. 103]. В 1914–1915 гг. в Мариинске, Новониколаевске, Томске, Омске, Петропавловске, Красноярске, Нижнеудинске, Верхнеудинске, Чите на базе городских обществ потребителей возникли союзы с участием близлежащих сельских потребительских обществ [43, с. 331]. В 1917 г. Закупсбыт с центром в г. Новониколаевске охватывал половину населения огромного региона. К изготовлению заказов армии он привлекал запасы переселенческих правлений, кредитных союзов, свое местное сырье. Военные получали от Закупсбыта валенки, теплую одежду, упряжь, транспортные средства, парфюмерию, химические и лекарственные препараты, продовольствие, фураж [2, с. 63; 5, л. 6, 9; 42, с. 103]. В 1918 г. в Закупсбыт входило 29 крупнейших потребительских союзов Сибири, охватывавших зоны Урала, Северного Казахстана и Дальнего Востока [43, с. 331].

В годы войны в Сибири функционировало около 4 тысяч маслозаводов, половина из которых принадлежала кооперации, в среднем они давали до тысячи пудов масла в год. Среди них 84 % использовали ручной труд, 15 % – конную тягу, менее 1 % имели водяные двигатели. Основные поставки на нужды армии из Сибири шли из областей, расположенных вдоль Транссибирской магистрали от Кургана до Бийска. Они включали в себя города Омск, Татарск, Барнаул, Новониколаевск, Бийск, Барнаул, Славгород и другие [34, с. 312]. В 1915 г. в отдельную организацию из маслодельческого союза выделился алтайский кооператив «Единение» с главной конторой в Барнауле. В новой организации было около 700 пайщиков, которые на поставках масла для армии заработали 770 тыс. руб. [17, с. 280]. Большую работу в Алтайском округе проводили крестьяне д. Старая Барда. Здесь кредитным кооперативом руководило правление во главе с А.Е. Антоновым. Кооператив имел маслобойную артель, товарищество по производству конопляного масла, несколько мельниц, столярных, сле-

сарных мастерских, мыловаренное производство. Рабочие кооператива строили первые электростанции, кинематографы, проводили телефонную связь. В тяжелое время они помогали не только фронту, но свыше 20 % своих доходов тратили на культурные потребности региона [17, с. 290]. Военный вывоз масла из районов Сибири представлен в табл. 1.

Таблица 1
Вывоз масла из Сибири
(в тоннах) [34, с. 314]

1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
53 865	75 615	52 039	57 223

Из таблицы видно, что Сибирь обеспечивала стабильный вывоз масла в течение всей войны, максимальный был в 1915 г. Это связано с тем, что в отчетность попала часть вывоза 1914 г., а также с закрытием из-за военных действий части заграничных рынков сбыта. Ценный продукт теперь в приказном порядке стал уходить на нужды действующей армии.

В поставке хлеба в действующую армию в кампанию 1914–1915 г. участвовало 30 кредитных товариществ по линии железной дороги от ст. Каргат (Омской железной дороги) до ст. Болотная (Томской железной дороги), которыми было заготовлено до 2 млн пудов овса, пшеницы, муки и сена, что составляло 0,1 % «излишка» этих продуктов в регионе. Одно Обское общество сельского хозяйства поставило более 1 млн пудов овса. В Западной Сибири кооперативами, главным образом, кредитными товариществами Тюменского, Петропавловского, Омского, Томского, Новониколаевского, Мариинского и Барнаульского районов, было поставлено до 10 млн пудов продуктов. Среди них – свыше 7 млн пудов овса, около 0,6 млн пудов муки и более 0,6 млн пудов сена [36, с. 144]. Всего в течение первого года войны сибирская кредитная кооперация, при решающем вкладе организаций региона, заготовила для армии более 7 млн пудов муки, 850 тыс. пудов зерна [26, 12 сент.].

Значительным являлся вклад Сибири и в поставках мясных продуктов для действующей армии. Богатый опыт их организа-

ции в Сибири Военное ведомство приобрело еще во времена Русско-японской войны (1904–1905 гг.). Валовый ежегодный выход мяса и сала в регионе из-за обилия скота составлял свыше 200 тысяч тонн, кроме того, на начало 1914 г. в крае имелось 13 колбасных предприятий с годовым выпуском продукции на 318 тыс. руб. [34, с. 623]. В 1915 г. в Западной Сибири вступили в строй два мясоконсервных завода – курганский «Товарищества Петроградских консервных заводов и В.Г. Сорокина» и петропавловский «казенный». Производительность первого составляла 75 тыс. банок мясных консервов в день, а второго – 80 тыс. «одиночных порций» в день [16, л. 11–12 об.]. Больше выпускалось только на мясоконсервном заводе в Москве – 100 тыс. порций в день – и на двух заводах в г. Козлове Тамбовской губернии – 115 тыс. мясных консервов в день [40, с. 219]. Оба сибирских предприятия принимали участие в снабжении вооруженных сил мясными консервами. Главноуполномоченный Министерства земледелия в крае Мельников в своем отчете на имя Главного интенданта в октябре 1916 г. докладывал, что консервы здесь «получаются самого лучшего качества» и армия снабжается «прекрасными мясными продуктами» [14, л. 15]. В 1916 г. курганский консервный завод получил от Главного морского хозяйственного управления заказ на изготовление для Балтийского и Черноморского флотов мясных консервов в количестве 1 млн порций по цене 1 руб. 22 коп. за порцию. В этом же году был заключен договор с Петроградским военным интендантским управлением о поставке 8,5 млн порций консервов. Общая стоимость заключенных контрактов составила 1,44 млн руб. [29, л. 1–12]. Заметно увеличил мощность консервный завод Бергля Морица, расположенный в урочище Боровое Кокчетавского уезда Акмолинской области и еще до войны поставлявший интендантству в Омск до 4 млн банок консервов ежегодно [31, с. 161]. За период с 1915 по май 1917 гг. Главное интендантское управление заказало для нужд армии всем консервным заводам страны более 250 млн порций мясных консервов [25, с. 19]. Из этого количества в

войска поступило около 140 млн [40, с. 219]. Всего в годы войны в России насчитывалось 15 мясоконсервных заводов [4, с. 249].

Расширяя мясозаготовки и ища более выгодные цены через сибирские кооперативы и частные фирмы, Военное ведомство все дальше проникало не только в Сибирь, Казахстан, Дальний Восток, но и в Туву и Монголию [34, с. 623]. В 1915 г. для закупки продуктов животноводства для нужд действующей армии была создана Монгольская экспедиция, которую возглавил полковник П.К. Козлов, в 1917 г. его сменил забайкальский ветеринарный инспектор А.А. Дудукалов. Она распространила свои операции не только в Монголию, но и Сибирь, Маньчжурию, Китай и Австралию (закупки сала и солонины). Вся сфера деятельности Монгольской экспедиции была разделена на районы (в 1917 г. – Западно-Монгольский, Восточно-Монгольский, Владивостоко-Маньчжурский и Сибирский). Каждый район делился на подрайоны. Уполномоченным российского правительства в Сибирском районе являлся известный в Забайкалье ученый и ветеринарный врач Г.А. Оболдуев [10, 21 авг.]. Район деятельности экспедиции простирался с Алтайского подрайона на пограничные пункты Монголии, Семипалатинской области и вдоль всей пограничной полосы, соприкасаемой с Сибирью вплоть до Маньчжурии в самой Монголии, на Шундинском полуострове, в портах Китая, в Забайкальской области, Енисейской губернии и Урянхае – Усинском пограничном округе [44]. Заготовки производились через частных торговцев или за наличный расчет (серебро), или в обмен на товары через пограничные пункты Катон-Карагай, Зайсан, Кош-Агач, Желтуха и Кяхта. По Сибири торговые операции частично проводились через кооперативные организации. В мясных поставках выделялся Областной союз забайкальских кооперативов, а также бийские, иркутские, читинские заготовители. Значимость этой работы была так велика, что большая часть этих людей имела отсрочки от военной службы. Опираясь на свой вековой опыт коммерческой деятельности, они в соседних странах, особенно в

Монголии, вели закупку скота, шерсти, сала, масла, а также сотрудничали с продовольственными чиновниками армейской экспедиции. Сибирские кооперативы и военные в Монголии участвовали в борьбе с болезнями скота, строили погреба-холодильники, прокладывали скотопрогонные тропы и судоходные речные пути [2, с. 79; 9, л. 1–8]. На заготовку продуктов животноводства российским правительством было ассигновано в 1915 г. – 3438 тыс. руб., 1916 г. – 20 639 тыс. руб., 1917 г. – 32 165 тыс. руб. В начале 1918 г. для Монгольской экспедиции на продолжение заготовок было ассигновано 40 млн руб. деньгами и до 48 тыс. кг. серебра [35].

Таблица 2

Заготовки Монгольской экспедицией для действующей армии [10, 21 авг.]

	Мясо (пуд)	Сало (пуд)	Кожа (шт.)	Овчина (шт.)
1915– 1916 гг.	509 649	10 093	23 888	16 300
1916– 1917 гг.	1 662 481	141 092	175 584	125 944
1917– 1918 гг.	1 204 087	383 279	100 578	113 216

К 1 июня 1915 г. для нужд вооруженных сил в Иркутской губернии было заготовлено 7835 голов КРС, в Монголии – 22 490 голов КРС и 38 413 овец [8, л. 8]. Военное ведомство всячески поощряло в крае выпуск мясных консервов. Кроме Курганского мясоконсервного завода, военные с помощью частных фирм и крестьянской кооперации открыли подобные заводы в Петропавловске, Уральске, Троицке и наметили к постройке часть их в Омске, Новониколаевске, Красноярске, Культуке. Производственные мощности мясоконсервных заводов Урало-Сибирского региона к концу войны способны были давать свыше 10 млн банок ежегодно [33, с. 934].

Стратегическое значение имела и мукомольная промышленность Сибири. В годы войны примитивные мельницы «мутовки», «ветрянки», «колесухи» заменяются механизированными. В Сибири окончательно сложились Омский, Барнаульский, Бийский, Томский, Красноярский, Мину-

синский, Иркутский мукомольные центры. С 1914 г. наблюдается увеличение вывоза регионального хлеба. В 1913 г. вывоз составил 60 тыс. тонн, к концу 1914 г. – 66 тыс. тонн. Тенденция роста имела место и в последующие годы [34, л. 559]. Выделялись своей предпринимательской жилкой мукомолы новониколаевских кооперативов. В бюджет города они давали до 70 % всех финансовых средств, на нужды обороны поставляли до 7 сортов муки, среди них была манная, сеянка, крупчатка, первач и т. д. В 1914 г. они одни из первых в стране выполнили план мучной поставки для армии. В целом новониколаевцы ежегодно давали 12 млн пудов, что составляло свыше 30 % всего Западно-Сибирского помола [22, с. 84, 90]. Существенный вклад в оборонную работу вносили и другие кооперативы города. Осенью 1915 г. Новониколаевское потребительское общество «Экономия» (2 тыс. членов) взяло подряд на поставку армии 200 тыс. пудов прессованного сена и 600 тыс. пудов овса. К заготовкам привлекали крестьян из селений, расположенных вдоль линии Алтайской железной дороги от Новониколаевска до станции Черепаново [22, с. 90, 99].

Следствием крупномасштабных закупок продовольствия для вооруженных сил стал все более нараставший дефицит продуктов питания в промышленных центрах страны и сибирских губерниях, который реально обозначился уже осенью 1915 г. Местные власти в отдельных городах уже в 1915 г. ввели карточную систему распределения некоторых продовольственных товаров. Правительство вначале отрицательно относилось к ее введению в общегосударственном масштабе. Но уже в середине 1916 г. оно было вынуждено ввести карточную систему на сахар, а несколько позже распространило ее также на хлеб и мясо [40, с. 201]. Гораздо сложнее была ситуация в Томской губернии, считавшейся до войны главной житницей всей Азиатской России. По данным томского губернатора В.Н. Дудинского, посевные площади в регионе «вследствие отлива на войну годных работников» уменьшилась в 1915 г. по сравнению с 1914 г. на 461 169 десятин, или почти на 12 % [7, л. 17]. Понижилась уро-

жайность основных зерновых культур. Урожайность пшеницы упала с 74 пудов с десятины в 1914 г. до 49 пудов с десятины в 1916 г., а ячменя за тот же период соответственно с 78 до 39 пудов с десятины. В результате уменьшился и валовый сбор основных хлебов в губернии. Если в 1914 г. он составил более 263 млн пудов, то в 1915 г. – чуть более 82 млн. пудов, а в 1916 г. – чуть более 102 млн. пудов [38, с. 18–19]. Неурожай 1915 г. и затяжная весна 1916 г., особенно тяжело отразились на сельском хозяйстве Бийского уезда. По данным крестьянского начальника 4-го участка, из имевшихся здесь 179 096 лошадей пало 12 910 голов, а из 190 004 голов рогатого скота было потеряно 34 794 животных. Посевная площадь на участке, равная в 1915 г. 41 600 десятин, сократилась в 1916 г. до 39 381 десятин [7, л. 368 об.]. В целом по Бийскому уезду посевная площадь в 1916 г. составила 287 тыс. десятин [11, 20 авг.] по сравнению с около 400 тыс. десятин в 1915 г. [6, л. 5 об.] Всего в уезде от нехватки кормов погибло 52 222 лошади, 111 894 головы крупного рогатого скота [11, 1 июля] из имевшихся в 1915 г. свыше 400 000 голов лошадей и более 600 000 голов крупного рогатого скота [6, л. 4]. Падение скота в целом по югу Западной Сибири в этот период достиг, по данным уполномоченного по заготовке масла для армии С.М. Кочергина, миллиона голов, что привело к сокращению выработки масла на 37 %, а «по отдельным местам маслодельного района» уменьшение производства этого продукта составило 52 % [15, л. 8 об., 9].

В Западной Сибири, как и в целом по стране, сложившееся положение пытались разрешить путем ограничения потребления, введения «мясопустных» дней: во вторник, среду, четверг и пятницу запрещалась продажа мяса и мясopодуkтов. Рост цен местная администрация пыталась ограничить установлением предельных цен на отдельные продукты питания. Поскольку и данная акция ситуацию на продовольственном рынке не улучшила, со второй половины 1916 г. стали вводиться карточки на сахар, а затем власти начали нормировать продажу муки [41, с. 31–32]. Следует отметить,

что продовольственный кризис тяжело отразился и на снабжении армии. Действующая армия потребляла до 15 тысяч голов скота. Однако мяса все равно не хватало. Через год войны возникла проблема сохранения российского поголовья скота. В воинских частях стали регулярно урезать мясной паек, вскоре доведя его до 200 граммов. Два дня в неделю сделали рыбными [24, с. 41].

Массовый призыв в вооруженные силы наиболее здоровой и трудоспособной части населения Сибири тяжело отразился, в том числе, и на демографической ситуации в регионе. Количество браков в 1914–1915 гг. сократилось на 25–30 % по сравнению с довоенным временем [13, с. 23]. В этот период в сельском населении края наблюдалось наиболее резкое падение рождаемости. Уже в 1915 г. в сибирских селениях рождаемость составила лишь 82 % от уровня трех предыдущих лет. Изменилась половая структура сельского населения. До войны в сибирских деревнях в отличие от селений Европейской России, жило больше мужчин, чем женщин. Сельскохозяйственная перепись 1916 г. зафиксировала картину преобладания в регионе женского населения над мужским (от 109 до 121 женщин

приходилось на 100 мужчин) [12, с. 92, 139].

Все выше перечисленные факторы негативно сказались на поставках продовольствия. Объем вывоза хлеба на запад из Сибири в 1917 г. составил только 39,5 млн пудов, в то время как годом ранее он достигал 53,6 млн пудов, а в 1915 г. – 81 млн пудов [30, с. 41]. Несмотря на прогнозируемые Министерством продовольствия сибирские запасы хлеба в 1916–1917 гг. в 647–670 млн пудов [39, с. 36], они не могли в полной мере утолить хлебный голод в Европейской России, где валовые сборы хлебов уменьшились по сравнению с довоенными почти на 800 млн пудов [18, с. 443]. Тем не менее снять остроту продовольственной проблемы эти запасы смогли. По урожаю 1917 г. излишки хлеба только в Западной Сибири составляли 129,8 млн пудов [42, с. 121].

Таким образом, в годы Первой мировой войны Сибирь внесла значительный вклад в обеспечение российской армии продовольствием. Несмотря на неблагоприятные погодные условия и демографическую ситуацию, край обеспечил выполнение установленных планов и заданий по поставке в армию продуктов питания.

Статья поступила 12.03.2015 г.

Библиографический список

1. Азиатская Россия. Т. II. СПб., 1914.
2. Алексеева В.К. Кооперативное движение в Сибири (конца XIX – начала XX вв.). Новосибирск, 1993.
3. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
4. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001.
5. Государственный архив Алтайского края (ГААК) Ф. 51. Оп. 2. Д. 177.
6. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 426.
7. ГААК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 60.
8. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). ГАЗК. Ф. 32. Оп. 10. Д. 96.
9. ГАЗК. Ф. 35. Оп. 4. Д. 1018.
10. Думы Алтая. 1918.
11. Жизнь Алтая. 1916.
12. Зверев В.А. Дети – отцам замена : Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993.
13. Зверев В.А. Начало и особенности демографического перехода в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры : Материалы регион. науч.-практ. конф. (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). Новосибирск, 2005.
14. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 81. Оп.1. Д. 44.
15. ИАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 80.
16. ИАОО. Ф. 172. Оп.1. Д. 294.
17. История Алтая. Т. 1. Барнаул, Алтайское кн. изд-во, 1995.
18. История Сибири. С древнейших времен до наших дней. Т. 3. Л., 1968.
19. История Сибири. Т. 3. Томск, 1987.
20. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
21. Морозов Л.Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. Из

- истории становления советской кооперации. М., 1969.
22. Новосибирск 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993.
23. Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921.
24. Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушевичем // Красный архив. 1923. Т. 3.
25. Попов В.И. Довольствие мясом русской армии в Первую мировую войну 1914–1918 г. (по архивным материалам). М., 1942.
26. Правительственный вестник. 1915.
27. Правительственный вестник. 1917.
28. Пронин В.И. Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX вв. (К статистике вопроса) // Из истории Алтая. Томск, 1978.
29. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 630. Оп. 2. Д. 815.
30. Сафронов В.П. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962.
31. Свешников Н.А. Экономика Сибири в период империализма. М., 1975.
32. Сибирская жизнь. 1914. 15 нояб.
33. Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. СПб, 1929.
34. Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. СПб, 1929.
35. Сибирская Советская Энциклопедия – 1929 год. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Загл. с экр. Режим доступа: URL: <http://45f.ru/sse/mongolskaya-ekspediciya/> (дата обращения: 2.10.2013).
36. Сибирское сельское хозяйство. 1915. № 4.
37. Сибирское сельское хозяйство. 1916. № 7.
38. Томская губерния. Статистический очерк. Томск, 1917.
39. Урожай хлебов в России. М., 1918.
40. Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). М., 1956.
41. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003.
42. Шорников М.М. Большевики Западной Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963.
43. Энциклопедия. Новосибирск : Новосибирское кн. изд-во, 2003.
44. Энциклопедия Забайкалья. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Загл. с экр. Режим доступа: URL: <http://www.encycl.chita.ru/> (дата обращения: 2.10.2013)

Сведения об авторах

Горелов Юрий Павлович, профессор, профессор Кемеровского государственного университета, доктор исторических наук, 650043, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Кемеровский государственный университет, ФИиМО, ауд. 2417, тел.: 8(384-2) 58-40-16, e-mail: noi@history.kemsu.ru

Gorelov Yuri Pavlovich, Doctor of Historical Science, Professor of Kemerovo State University, 650043, Russia, Kemerovo, ul. Krasnaya, 6, Kemerovo State University, FIMO, aud. 2417, tel.: 8 (384-2) 58-40-16, e-mail: noi@history.kemsu.ru

Ростов Николай Дмитриевич, профессор, профессор Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, доктор исторических наук, 656038, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 73, ауд. 105, тел.: 8 (3852) 29-07-00, 24-06, e-mail: ndrostov@mail.ru

Rostov Nikolai Dmitrievich, Doctor of Historical Science, Professor of Altai State Technical University named after I.I. Polzunov, 656038, Russia, Barnaul, ul. Dimitrova, 73, aud. 105, tel.: 8 (3852) 29-07-00, 24-06, e-mail: ndrostov@mail.ru

Ерёмин Игорь Александрович, профессор, профессор Алтайского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, тел.: 8 (3852) 62-24-97, e-mail: iaeremin61@yandex.ru

Yeremin Igor Alexandrovich, Doctor of Historical Science, Professor of Altai State Pedagogical University, 656031, Russia, Barnaul, ul. Molodezhnaya, 55, tel.: 8 (3852) 62-24-97, e-mail: iaeremin61@yandex.ru

УДК 93/94

ТРИ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА АКУЛИНИНА* (ЧАСТЬ 2)

© А.В. Ганин

Очерк посвящен реконструкции биографии одного из видных деятелей Белого движения на Востоке России генерала И.Г. Акулинина.

Ключевые слова: И.Г. Акулинин, Оренбургское казачье войско, Генеральный штаб, гражданская война.

THREE LIVES OF GENERAL AKULININ (PART 2)

© A.V. Ganin

The sketch represents a biographic research of general Ivan Akulinin as one of the principle personalities of the White movement in the East of Russia.

Key words: I.G. Akulinin, Orenburg Cossack Host, General Staff, Civil War.

Гражданская война

После большевистского переворота Акулинин спешно покинул Петроград, бросив имущество, и приехал в Оренбургское казачье войско (сначала – в родной Верхнеуральск, а затем – в Оренбург), где был избран депутатом второго Войскового круга. При этом в Ставке уже 28 ноября обсуждалось предполагаемое новое назначение Акулинина: «В ближайшем будущем будет объявлено [в] приказе армии и флоту назначение делопроизводителя ГУГШ Генштаба полковника Акулинина на должность [командира] Самаро-Оренбургского⁸ казачьего полка. Проведение этого назначения задерживается неснятием с должности нынешнего командира этого полка. На вакантную должность делопроизводителя ГУГШ вместо полк. Акулинина нач[альник] Генштаба избрал и. д. наштадива⁹ 2 гвардейской пехотной Генштаба полк. Нолькена...» [40, л. 357].

Цензовое командование полком открывало перед офицером-генштабистом путь к генеральскому чину, но в это время перед

Акулининым были уже совсем иные перспективы. Прибыв в Оренбург, полковник Генерального штаба Акулинин вошел в состав Войскового правительства в качестве заместителя председателя и помощника Войскового атамана А.И. Дутова. На этот пост Акулинина 20 декабря 124 голосами из 135 избрал 2-й очередной Войсковой Круг [36, 21 декабря].

История с назначением Акулинина на полк получила странное продолжение уже в 1918 г. В марте 1918 г. о новом назначении Акулинина вели переписку большевистские органы военного управления, причем утверждалось, что якобы летом 1917 г. Акулинин получил в командование один из Оренбургских казачьих полков (что не соответствовало действительности) и только в марте 1918 г. стал помощником атамана Оренбургского войска [43, л. 28].

Большевики и их военные специалисты явно не владели информацией. Так, 29 апреля 1918 г. отдел по устройству и службе войск ГУГШ запрашивал первого генерал-квартирмейстера ГУГШ на предмет возможности зачислить в распоряжение начальника Генерального штаба делопроизводителей отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ Акулинина и Преображенского, ко-

⁸ Неточность в документе. Правильно – Самаро-Уфимского полка – наименование 3-го Оренбургского казачьего полка с 1913 г.

⁹ Начальника штаба дивизии.

торые ранее не получили назначений по сокращенному штату ГУГШ [43, л. 128]. Более того, 14 мая 1918 г. Акулинин был даже назначен в распоряжение начальника Генерального штаба [42, л. 72]. Между тем, в это время Акулинин вместе с атаманом Дутовым и его небольшим отрядом находился в Тургайских степях, далеко от большевистских центров.

Пришло время от курьезов времен становления органов советского военного управления вернуться в конец 1917 г., где мы оставили нашего героя. Приказом № 1 по Оренбургскому военному округу от 11 декабря 1917 г. объявлялось о создании Оренбургского военного округа, начальником штаба которого назначался полковник Акулинин [45, л. 1]. Вместе с Войсковым правительством и атаманом Дутовым Акулинин в начале 1918 г. перебрался в Верхнеуральск. В конце марта, после того как власть Дутова в городе пала, Акулинин был одним из руководителей неудачного штурма Верхнеуральска. Позднее в числе 240 ближайших сподвижников Дутова он принял участие в Тургайском походе, в ходе которого вожди антибольшевистского движения с небольшим числом сподвижников были вынуждены покинуть войско¹⁰. Во время похода Акулинин отличился, руководя боем у поселка Бриенский (в Оренбургском войске ряд населенных пунктов был названы в честь мест сражений Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.). Иван Григорьевич сумел на сутки задержать красных в районе Бриенского, выполнил свою боевую задачу, дав возможность Дутову спасти обозы с ранеными и беженцами и эвакуировать их на расстояние двух переходов от места сражения¹¹. Уже тогда Акулинин стал, по сути, правой рукой Дутова.

По возвращении из Тургая помощник Войскового атамана Генштаба полковник Акулинин назначается сначала помощником командующего войсками Оренбургского военного округа, а затем (с 19 октября 1918 г.) главным начальником округа [45,

*Полковник И.Г. Акулинин. Лето 1918 г.
[Оренбургский казак. Харбин, 1937]*

л. 538]. Последняя должность совмещалась с должностью главного начальника снабжения армии. В Оренбургском казачьем войске и в военном округе руководящие должности совмещались специально, чтобы избежать многоначалия и возможных недоразумений, а также, чтобы не допустить к власти неказаков («иногородних»)¹².

7 августа Акулинин встречал прибывший в Оренбург 1-й Башкирский стрелковый полк. Поздоровавшись с башкирами, Акулинин обратился к ним с небольшой речью: «Казаки и башкиры – старые соседи; они всегда жили дружно. Ныне, соединившись в братском союзе, они выступили против общего врага русской государственности – большевиков, и доведут борьбу с ними до победного конца... Да здравствует вольный Башкурдистан!» [37, 9 августа]. Слова Акулинина были покрыты громким «ура», а полковник Акулинин братски расцеловался с командиром Башкирского полка.

В период 13–29 августа 1918 г. Акулинин был командирован в Самару и Челябинск [14, л. 25 об.] и принял участие в работе предварительного Государственного

¹⁰ Подробнее о Тургайском походе см.: Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 163–172.

¹¹ В советской историографии бой у Бриенского считался поражением белых [30, с. 53].

¹² Например, Дутов был одновременно Войсковым атаманом и командующим армией, Акулинин – помощником Войскового атамана и главным начальником военного округа, а генерал-майор В.Н. Полонников – начальником штаба войска и начальником штаба военного округа.

совещания в Челябинске, возглавляя 23–25 августа делегацию войска [45, л. 327 об.]. В Самаре делегацией Войскового правительства Оренбургского казачьего войска обсуждались непростые вопросы взаимодействия оренбургских частей с Народной армией, урегулировались финансовые проблемы, были проведены переговоры с французским консулом Л. Жано и сделана попытка урегулировать конфликт Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания с атаманом А.И. Дутовым [37, 21 августа].

Акулинин был произведен из полковников в генерал-майоры «за заслуги перед Родиной и войском» постановлением Войскового Круга от 1 октября 1918 г., производство было утверждено главкомом В.Г. Болдыревым [56, л. 1]. Утверждение последовало одним приказом с производством Дутова в генерал-лейтенанты.

Известно расписание работы Акулинина в ноябре 1918 г. 9–10 часов – доклады коменданта Оренбурга, начальника гарнизона, начальника областной милиции, начальника отдела охраны войск; 10–11 часов – прием посетителей по служебным делам; 11–12 часов – прием посетителей по частным делам; 12–13 часов – доклад начальника штаба округа; 13–14 часов – доклады начальников военно-окружных управлений; 14–15 часов – доклады председателей военно-полевых судов и следственных комиссий, юрисконсультов, войскового секретаря, начальников частей; 18–21 час – заседание Войскового правительства, заседание Совета снабжения [37, 1 ноября]. С 26 января 1919 г. Акулинин состоял членом Георгиевской Думы Отдельной Оренбургской армии [55, л. 44].

Акулинин обладал весомыми заслугами перед атаманом А.И. Дутовым. В частности, именно благодаря его распорядительности в декабре 1918 г. удалось предотвратить попытку эсеровского переворота в Оренбурге во главе с полковником Ф.Е. Махиным и башкирским лидером А.-З. Валидовым¹³.

Генерал-майор И.Г. Акулинин

Для успокоения начавшегося зимой 1919 г. брожения на фронте в командном составе были проведены некоторые изменения. 19 февраля 1919 г. на заседании Войскового Круга переизбирались члены Войскового правительства. В помощники Дутова от всех округов выдвигалось две кандидатуры: Генштаба генерал-майора Акулинина и Генштаба генерал-лейтенанта Л.П. Тимашева. В результате тайного голосования помощником атамана и, соответственно, главным начальником Оренбургского военного округа на театре военных действий избрали Тимашева¹⁴.

Акулинин был, предположительно, обижен подобным решением и попросил назначения командиром корпуса в Западную армию, однако получил отказ. В качестве еще одного возможного объяснения этого шага он, как выдвиженец Дутова, надеялся возглавить оренбургские казачьи формирования соседней Западной армии, которые Дутову всегда хотелось подчинить себе в пику своим оппонентам из Западной армии – генералам Н.Т. Сукину, С.А. Щепихину и М.В. Ханжину. После неудачи этого замысла Дутов 21 февраля 1919 г. назначил Акулинина командиром II Оренбургского казачьего корпуса своей армии [39, с. 66]. 28 февраля Акулинин сдал

народных вожаков русской смуты. Сб. статей и материалов. М., 2014. С. 32–41.

¹⁴ Из 168 депутатов за Акулинина проголосовало лишь 56, за Тимашева – 110, 2 депутата воздержались [39, с. 57].

¹³ Подробнее см.: Ганин А.В. «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса

должность главного начальника округа генералу Тимашеву [16, л. 46]. В этот момент жизненные пути Акулинина и Дутова разошлись.

История создания корпуса достаточно интересна. 16 февраля командир IV Оренбургского армейского корпуса Генштаба генерал-майор В.Н. Шишкин получил телеграмму командующего армией с приказом о формировании на базе своего соединения нового корпуса в составе 4-й и 5-й Оренбургских казачьих дивизий и о своем назначении командиром этого корпуса. Из штаба IV корпуса была выделена часть офицеров и чиновников на образование кадра штаба нового корпуса. В тот же день эти чины приступили к работе по управлению частями образованного соединения. К исполнению должности начальника штаба был допущен исполняющий должность начальника штаба 4-й Оренбургской казачьей дивизии войсковой старшина Л.И. Тушканов, которому поручалось сформировать управление корпуса. Он так и остался «исполняющим должность» начальника штаба корпуса вплоть до его расформирования.

Войсковой старшина Тушканов прибыл в штаб корпуса только 21 февраля и был на следующий день отправлен командиром корпуса в штаб армии за директивами, вернувшись оттуда вечером 23 февраля. Все это время должность начальника штаба корпуса временно исполнял подполковник В.Н. Шмидт – начальник оперативного отделения штаба, находившийся ранее на той же должности в IV корпусе. Сам командир корпуса генерал-майор Шишкин вступил в должность 19 февраля.

IV Оренбургский армейский корпус выделял из своего состава 4-ю Оренбургскую казачью дивизию (сформирована из казаков 4-го (Челябинского) военного округа [1, с. 158]) и 42-й Троицкий стрелковый полк и должен был сдать новому корпусу свой участок фронта, чтобы срочно, в связи с изменой башкир и глубоким обходом красных на Таналыково – Баймак, выдвигаться на правый фланг армии в район станицы Кизильской [46, л. 92]. Участок был принят корпусом уже 18–19 февраля. Штаб корпуса расположился на станции Кувандык Орской железной дороги.

Первоначально в корпус вошли 19-й, 20-й, 24-й и 25-й Оренбургские казачьи полки (все в составе 4-й Оренбургской казачьей дивизии), 42-й Троицкий стрелковый полк и взвод 12-й Оренбургской казачьей батареи. Боевой состав корпуса был незначителен, даже по меркам гражданской войны и насчитывал тогда: 92 офицера, 544 штыка, 1477 сабель, 28 пулеметов и 2 орудия [52, л. 2]. Для сравнения к моменту расформирования корпуса (конец мая 1919 г.) в нем насчитывалось 450 штыков, 3343 сабли и 5 орудий. Таким образом, численность конницы за время существования корпуса увеличилась в два раза.

При разделе имущества двух корпусов II Оренбургский казачий корпус «не получил ни одного аршина телефонного и телеграфного провода, ввиду чего на установление технической связи надежды не было» [52, л. 2 об.]. Позднее в корпус вошли 21-й, 23-й, 26-й, 28-й Оренбургские казачьи полки (все в составе 5-й Оренбургской казачьей дивизии).

Штаб корпуса сформировался в ходе боевых действий и состоял из четырех человек: начальника штаба, начальника оперативного отделения и двух старших адъютантов по оперативной и разведывательной части, все остальные должности заняты не были. Не было даже писарей. Особенно остро чувствовалась нехватка работников административного и хозяйственного отделений, за которых несли службу те же чины штаба. Фактически структура штаба корпуса и обязанности его чинов напоминали структуру штаба дивизии¹⁵. Тем не менее, положительным явлением было то, что офицеры штаба, служившие вместе в IV армейском корпусе, были хотя бы знакомы друг с другом, что немаловажно в условиях боевых действий. И хотя штаб формировался в ходе боев, его создание не было полной импровизацией, как, например, это было с армейскими штабами в Русско-японскую войну [2, с. 64–82].

Период боевых действий до середины марта 1919 г. был крайне тяжел для корпуса. Пытаясь сдерживать продвижение крас-

¹⁵ Об особенностях структуры корпусных и дивизионных штабов см.: Зайцов А.А. Служба Генерального штаба. Нью-Йорк, 1961. С. 29–30.

А.И. Дутов, А.В. Колчак, И.Г. Акулинин и архиепископ Мефодий (Герасимов) на банкете в честь Верховного Правителя. Троицк. Февраль 1919 г. Фото из собрания В.Г. Бешенцева

ных на фронте, и, находясь под постоянной угрозой флангового удара с севера, части корпуса были вынуждены отходить в надежный тыл – на станицы 2-го (Верхнеуральского) военного округа. Уже 20 февраля был оставлен Кувандык, а 22 февраля в результате обхода красных корпус потерял всю свою и без того ничтожную артиллерию (2 орудия).

В связи с неудачами и непрерывными боями без отдыха, что было обусловлено отсутствием резервов, небывалые размеры приняло разложение казачьих частей, особенно 24-го и 25-го Оренбургских казачьих полков, которые пришлось отвести в тыл и в середине марта расформировать, передав их личный состав в остальные части 4-й Оренбургской казачьей дивизии [33, с. 74; 52, л. 5 об.]. Кроме того, в бою 25 февраля у Мамбетова 2-й сотней 28-го Оренбургского казачьего полка при отступлении были брошены пики – тревожный признак для казачьей части, свидетельствующий о моральном разложении. В тот же день в бою у поселка Орловский в качестве разведчиков и, главным образом, агитаторов красных действовали недавно перешедшие к ним казаки станицы Никольской, а следовавшие за ними красные атаковали казаков, нахо-

дясь в нетрезвом состоянии [52, л. 6 об.]. На следующий день имел место случай перехода к красным 91 казака 25-го полка с двумя прапорщиками (!) и пулеметом. Из-за разложения некоторых полков значительная часть казачьих командиров, вплоть до начальников боевых участков, находилась в полной растерянности, усугубляла положение противоречивость разведсводок и отсутствие технической связи.

Перед отъездом в корпус генерал Акулинин, не рассчитывая на оренбуржцев, запрашивал штаб соседней Западной армии: «Я через два дня уезжаю на фронт командовать 2 казачьим корпусом, от которого, кажется, остались одни обрывки полков и сотен, не найдется ли у вас хорошей роты, с помощью которой я мог бы привести корпус в порядок?» [53, л. 209].

В этой обстановке 8 марта 1919 г. Акулинин принял командование корпусом. Генерал Шишкин получил назначение на должность управляющего Оренбургской губернией, а позднее уехал в Омск, где занимался вопросами обеспечения армии конским составом. Уже через день части корпуса перешли в наступление на одном из участков, захватив помимо пленных, лошадей и оружия, еще и секретный опера-

тивный приказ по 24-й Симбирской Железной стрелковой дивизии красных, а также, что было особенно важно, телефонный, два телеграфных аппарата и 12 катушек провода. Нельзя не отметить, что вести боевые действия И.Г. Акулину пришлось в тех же местах, что и почти год назад во время Тургайского похода.

18 марта, после необходимой перегруппировки, войска корпуса перешли в наступление, развивавшееся с переменным успехом. В ходе боев офицеры корпуса, показывая пример казакам, лично вели части в атаку. Вследствие этого потери среди офицеров были велики: геройски погиб командир дивизиона 23-го Оренбургского казачьего полка хорунжий Г.Т. Холодилин, ранены войсковые старшины И.П. Зуев и В.М. Альметьев, полковник А.Н. Ушаков¹⁶. Сам командир корпуса неоднократно находился на передовом наблюдательном пункте, а начальник штаба корпуса войсковой старшина Л.И. Тушканов лично вел войска в атаку [52, л. 9–18 об.].

18 марта был расформирован 23-й Оренбургский казачий полк, а 28 марта 1919 г. приказом войскам Отдельной Оренбургской армии № 189 расформировывалась 5-я Оренбургская казачья дивизия с передачей 21-го Оренбургского казачьего полка во 2-ю Оренбургскую казачью дивизию I Оренбургского казачьего корпуса, а 26-го и 28-го полков, личного состава и имущества дивизии – в 4-ю Оренбургскую казачью дивизию.

Несмотря на это ослабление, части корпуса продолжали наступать. Продвижению корпуса способствовали успехи на фронте Западной армии. Вместе с тем, значительную сложность представляла собой координация действий казачьих частей и соединений [48, л. 136]. Так, в ходе боев за хутор Тереклинский 1 апреля в штаб 1-й Оренбургской казачьей дивизии I Оренбургского казачьего корпуса был направлен обер-квартирмейстер штаба II корпуса подполковник В.Н. Шмидт с предложением оказать поддержку частям своего корпуса.

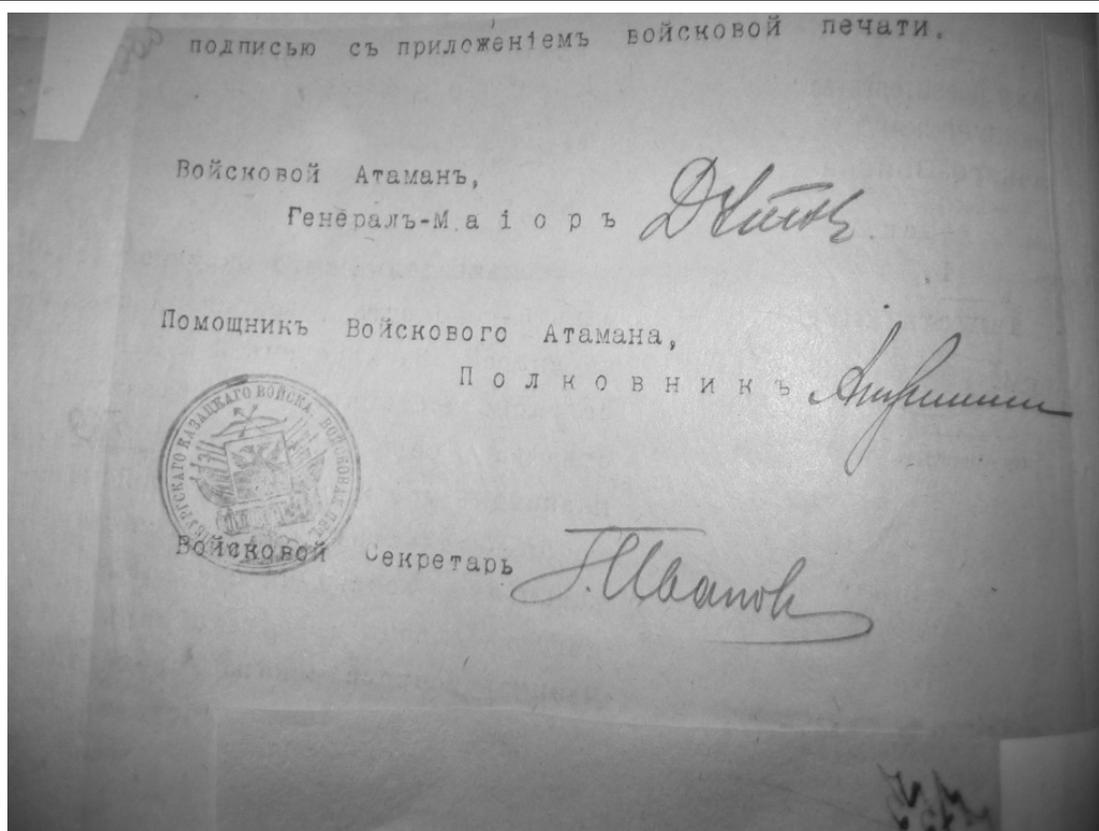
Начальник дивизии генерал-майор Л.Н. Доможиров отказал в поддержке, сославшись на отсутствие соответствующих указаний из штаба I корпуса и опасность быть отрезанным от своей базы при переходе реки Урал. В итоге 2 апреля пришлось оставить недавно занятую станицу Таналыцкая, 4 апреля под обстрел красных попал штаб II корпуса, причем был ранен штабной топограф, 4 казака и 5 лошадей.

Неудачи красных на других участках фронта явились причиной их дальнейшего поспешного отступления на Оренбург и Актюбинск при незначительном сопротивлении [35, с. 144–145]. Их наступление по казачьим землям на Верхнеуральск, Троицк, Челябинск не удалось, зерновые районы 3-го и 4-го военных округов Оренбургского казачьего войска остались за казаками.

6 апреля белыми была вновь занята станица Таналыцкая, 9 апреля штаб корпуса получил сведения о занятии частями 2-й Оренбургской казачьей дивизии Орска и частями IV Оренбургского армейского корпуса Кананикольского завода. Получив эти сведения, генерал Акулинин приказал частям корпуса занять Преображенский завод и станцию Сары, что было выполнено 10–11 апреля. Постепенно освобождались от красных станицы 1-го военного округа, а 15 апреля была с боем взята станция Кувандык. В среднем, скорость движения частей корпуса с 9 апреля составила 60–70 верст в сутки, казакам необходимо было достичь Оренбурга до полного разлива рек [3, с. 117].

Преследуя красных (общая численность на этом участке фронта не менее 32 000 штыков и сабель [28, с. 206]), I и II Оренбургские казачьи корпуса Отдельной Оренбургской армии и IV Оренбургский армейский корпус Южной группы Западной армии к 20-м числам апреля 1919 г. подошли к Оренбургу с юго-востока, востока и северо-востока соответственно. Из разведсводок поступали сведения о возможном оставлении города красными без боя [51, л. 87]. Так, в разведсводке II Оренбургского казачьего корпуса к 4 часам 19 апреля сообщалось, что «по последним сведениям из Оренбурга усиленно эвакуируются

¹⁶ Об этих и других оренбургских казачьих офицерах подробнее см.: Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007.

Автографы А.И. Дутова, И.Г. Акулинина. Войсковая печать Оренбургского войска ГАОО. Публикуется впервые

рабочие с семьями, хотя многие очень высказываются против эвакуации и на этой почве происходят недоразумения. В ж[елезно]д[орожных] мастерских машины разобраны, частью уже вывезены, частью приготовлены к отправке. По последним донесениям, требующим все-таки проверки, у красных есть приказ отсрочить эвакуацию на 10 дней» [51, л. 88–88 об.]. Боевая работа частей корпуса проходила в крайне тяжелых условиях. К удивлению и возмущению Акулинина местные жители «особенной радости по поводу своего избавления «от ига большевиков»... при нашем вступлении в поселки и станицы не выражали. Скорее видно было безразличное отношение. А в некоторых станицах жители не прочь были даже все «пропажи» и убытки, причиненные им большевиками, возложить на нас... особенно сердечного отношения со стороны «родных станичников» к казачьим частям наблюдать не приходилось» [23, с. 307–308].

Положение населения красного Оренбурга было непростым. Согласно разведсводкам II Оренбургского казачьего корпуса в конце апреля в Оренбурге красными

было расстреляно не менее 207 человек [51, л. 98]. Массовые расстрелы были проведены и в начале мая в казачьем предместье Оренбурга – Форштадте [51, л. 133 об.]. Имели место случаи изнасилования казаков, в том числе и тех, мужья которых служили в частях Отдельной Оренбургской армии [51, л. 39 об., 47, 163]. Фиксировались случаи насильственных реквизиций [51, л. 47, 163]. По показаниям пленных красноармейцев, если бы комиссары не применяли «силу оружия», то все мобилизованные разошлись бы по домам [51, л. 42 об.], как способ уклонения от военной службы среди красноармейцев широко распространились самострелы [51, л. 50 об.]. Получили распространение и переходы на сторону казаков.

Тогда же генерал Акулинин пришел к убеждению, что необходимо взять Оренбург, не дав красным возможности опомниться. 17 апреля он отдал оперативный приказ № 9 (б) о занятии Оренбурга к Светлой Заутрене – 23 часам 50 минутам 19 апреля и о сборе всех частей на пасхальную молитву вокруг войскового собора [49,

л. 16–16 об.]. Войскам предстояла упорная борьба за город.

Оренбургская операция стала первой и последней крупной боевой операцией в жизни Акулинина. План генерала сводился к следующему. Наступать на город части корпуса должны были тремя колоннами при наличии сильного маневренного резерва, который должен был произвести стремительный налет на Оренбург и выбить красных из войсковой столицы. В приказе Акулинина было заранее размечено расположение частей в самом городе после его освобождения [49, л. 16–17].

Оренбургская группа 1-й армии красных под командованием М.Д. Великанова (комиссар А.А. Коростелев), которая должна была оборонять город, насчитывала к началу операции, по разным подсчетам, от 8,6 до 11,3 тысячи штыков и сабель, 11 орудий, 84 пулемета, два броневедомоцикла и два бронепоезда, бомбометы, траншейные 37-мм скорострельные орудия системы Маклена [12, с. 69, 73; 24, с. 407; 51, л. 180; 52, л. 30 об.]. В состав группы входили: 224-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии, 277-й Орский стрелковый полк и кавалерийские части 31-й Туркестанской стрелковой дивизии, а также рабочие полки, сформированные в самом Оренбурге (210-й, 211-й и 216-й и формировавшиеся 217-й и 218-й). Каждый из этих полков насчитывал в своих рядах от 1000 до 1200 бойцов. Бронетехники у наступавших на город белых корпусов не было, а, кроме того, применение техники красными оказывало на белых сильное моральное воздействие.

Казачьи корпуса не обладали достаточным превосходством в силах для прорыва обороны красных и почти не имели пехоты (кстати, красные испытывали такую же проблему с конницей), а I Оренбургский казачий корпус генерал-лейтенанта Г.П. Жукова вел боевые действия одновременно на два фронта, наступая на оренбургском и ташкентском направлениях. Таким образом, белым под Оренбургом приходилось рассчитывать лишь на внезапность в действиях, инициативность и храбрость личного состава. Как оказалось, для взятия города этого было недостаточно.

19 апреля, в день наступления II корпуса, произошло следующее. Части корпуса, в соответствии с приказом генерала Акулинина, перешли в наступление. Но из-за форсированного марша казачья артиллерия отстала, войскам пришлось наступать без артиллерийской поддержки, не подоспела к месту сражения из-за недостатка подвод и пехота (42-й Троицкий стрелковый полк). Первоначально наметившийся успех казачьих частей развить не удалось, так как на помощь красным по железной дороге подошел подвижной состав, приспособленный для стрельбы из пулеметов, а также пушечный бронепоезд. Вечером того же дня две роты прибывшего наконец 42-го Троицкого стрелкового полка, состоявшие из мобилизованных солдат Кустанайского уезда, распропагандированных большевиками, перешли на сторону красных и открыли огонь по своим. На тех участках, где наступали казаки, по воспоминаниям Акулинина, «со стороны противника появлялись белые флаги и раздавались крики: «сдаемся» – но когда казаки прекращали стрельбу и подходили к окопам, оттуда по ним открывали пулеметный и ружейный огонь. В результате вся операция была сорвана» [3, с. 119]. Истинные причины неудачи заключались в слабости казачьих формирований, несогласованности наступления и недооценке противника.

Начавшийся разлив рек и отсутствие средств связи и авиации не позволили белым согласовать свои действия, и красные получили возможность атаковать их по частям, действуя по внутренним операционным линиям. К северо-востоку от Оренбурга при впадении р. Салмыш в р. Сакмара потерпел неудачу IV Оренбургский армейский корпус генерал-майора А.С. Бакича¹⁷. Первый штурм города войсками Акулинина также оказался неудачным. 21 апреля часть стрелков 42-го полка вновь перешла к красным. Также поступили и две роты 7-го Хвалынского стрелкового полка [52, л. 20 об.].

Тем не менее разведсводки продолжали приносить благоприятные для белых извест-

¹⁷ Подробнее см.: Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 71-81.

тия. В сводке от 26 апреля отмечалось, что «Оренбург почти совершенно эвакуирован, в зданиях, где были казенные учреждения, в настоящее время окна, двери раскрыты и никого не видно. Красноармейцев на частных квартирах нет, всех свели по казармам. Большое движение в Оренбурге, бывшее, благодаря свозу красными на вокзал всякого рода имущества, теперь прекратилось» [51, л. 109–109 об.].

Пока значительные силы красных были задействованы севернее города, отражая натиск Бакича, на южных и восточных подступах к Оренбургу успешно продвигались вперед I и II казачьи корпуса. На 27 и 28 апреля Акулинин наметил еще один рывок к Оренбургу. 29 апреля I корпус генерала Г.П. Жукова на какое-то время овладел Меновым Двором в 5 километрах к югу от Оренбурга и начал артобстрел города. Бои шли за единственный в районе железнодорожный мост через Урал, который в этот решающий момент красным удалось удержать. Тогда части I корпуса атаковали тылы красных западнее города. Здесь в конце

апреля началось восстание казачьих станиц по рекам Урал и Илек. Совместными действиями повстанцев, а также и уральских и оренбургских казачьих частей в начале мая был взят Илецкий городок. По некоторым данным, командующий 1-й советской армией Г.Д. Гай настаивал на сдаче Оренбурга, но М.В. Фрунзе, стоявший во главе Южной группы армий Восточного фронта, потребовал принятия более энергичных мер по обороне города [30, с. 132].

Приведя части в порядок, Акулинин вновь бросил их на город. Но опять успеха не добился. После этого поражения генерал решил дожидаться подхода других корпусов. В результате боев мая 1919 г., по оценке советского историка Лисовского, «белым удалось добиться некоторого успеха лишь на левом фланге 2-го корпуса [генерала Акулинина]» [30, с. 135].

Об отчаянной храбрости Акулинина писали белые газеты [64]. К слову сказать, при выезде Акулинина на передовую во время майских боев была убита лошадь из его коляски. Конец апреля и первая поло-

*Штаб II Оренбургского казачьего корпуса в период наступления на Оренбург
В центре – командир корпуса генерал И.Г. Акулинин. 1919 г.
Снимок обнаружен и идентифицирован А.В. Ганиным в 2011 г. в собрании Музея русской культуры в Сан-Франциско. В оригинальном качестве публикуется впервые*

вина мая прошли в затяжных боях. Отчаявшись взять Оренбург с налета, генерал Акулинин 3 мая предложил командиру I корпуса свой план методического наступления на Оренбург, суть которого заключалась в нанесении красным «последовательных коротких решительных ударов» [49, л. 21], которые чередовались бы через день проведением усиленной разведки. Так, 4, 6 и 7 мая войска должны были наступать, а 5 и 8 мая – вести разведку. Наступление должно было завершиться совместной атакой Оренбурга 9 мая.

Однако из-за плохой связи командир I корпуса, находившийся в Илецкой защите (в 100 верстах от штаба II корпуса), своевременно не получил приказ с планом наступления, и 4 мая красные атаковали лишь части II корпуса. В ночь с 4 на 5 мая ударили морозы. Сильный ветер не утихал всю ночь. А к утру вода в лужах и оврагах покрылась тонким слоем льда и выпал снег. В частях II Оренбургского казачьего корпуса, ночевавших в поле, заболело много офицеров и нижних чинов, которые вместо шинелей носили китайские ватные куртки, из которых в теплый период многие бойцы повыдергивали вату [52, л. 25]. Наступление пришлось отменить. Между тем в соседнем корпусе ничего не знали об отмене наступления и действовали по предложенному плану. Таким образом, никакой координации действий корпусов не сложилось.

Лишь 10 мая, после приведения войск в порядок и получения необходимых бое-

припасов, началось общее наступление двух казачьих корпусов. Только 10 мая корпус Акулинина потерял 23 нижних чина убитыми, 8 офицеров и 99 нижних чинов ранеными, 1 офицера и 2 нижних чинов контужеными и 2 нижних чинов без вести пропавшими [52, л. 27]. По меркам Гражданской войны это были ощутимые потери. В результате боя белые овладели высотами у хуторов Лысов – Зыков, за которые долгое время шли бои. Акулинин лично подгонял цепи и совершал обходы при помощи корпусного маневренного резерва. 12 мая белые ненадолго овладели станицей Нежинской.

Бои шли на ближних подступах к Оренбургу – всего в 3–4 километрах от города. В целях упрочения обороны Оренбурга красные провели репрессии [51, л. 98] и мобилизовали жителей города на рытье окопов и установку проволочных заграждений. На участке II корпуса им пришлось отступить с большими потерями, а на участке I корпуса наступление казаков захлебнулось. Это была одна из последних попыток решительного штурма города казаками.

Надо признать, в этот период Акулинин сделал все, что было в его силах. Единственное, что он так и не предпринял – не решался вводить в бой всю имевшуюся у него конницу, включая резервы. Как мне представляется, в начале операции это могло бы привести к успеху. Таким образом, сильной ударной группы у белых под

Увеличенный фрагмент с И.Г. Акулининым

Оренбургом не было.

Управляя войсками, Акулинин активно применял обходы, охваты при выделении сильного маневренного резерва (до 3 конных полков). По мере возможности, он организовывал конные атаки во фланг наступавшей пехоте противника, которые, как правило, были успешны и давали много зарубленных, пленных и трофеев. Управление войсками генерал часто осуществлял, лично находясь на передовой, а также через рассылавшихся по цепям офицеров штаба.

Генерал Акулинин, обращаясь к войскам, писал 5 мая 1919 г.: «Советская власть все еще держит в когтях I-й округ; красные звери продолжают терзать наши верхние и низовые станицы; хулиганские банды грабят наше, годами нажитое, добро; насмеваются над нашими, веками освещенными, порядками; оскверняют наши святыни; держат в смертельном страхе наши семейства; творят кровавую расправу над лучшими сынами Войска... Многострадальный I-й округ молит, взывает к нам о помощи, об избавлении от произвола и насилий красных комиссаров, и нам надо спешить с помощью; а чтобы подать эту помощь, прежде всего – **Мы должны взять Оренбург** (выделено И.Г. Акулиным. – А.Г.)» [3, с. 186].

Вскоре в Оренбург по прямому указанию В.И. Ленина [29, с. 141] были переброшены дополнительные силы, при этом группировка красных к концу мая выросла в 1,5 раза от первоначального состава. Подавляющим стало и техническое превосходство красных, у которых появились аэростаты. В этих условиях казакам становилось все труднее рассчитывать на овладение городом. Вместе с тем, в ходе майских боев они значительно приблизились к Оренбургу с юга и востока, в условиях отсутствия пехоты стали применять спешивание, дававшее, правда, значительно меньше живой силы, т. к. часть казаков должна была находиться при лошадях. 18 мая Акулинин провел совещание начальников дивизий и их начальников штабов. Обстановка была тяжелой. Левый фланг красных был надежно прикрыт бронепоездом и артиллерией, с которыми казаки не могли ничего поделать. Единственный вариант – удар по

правому флангу противника. По обсуждению этого вопроса на 20 мая была намечена конная атака на правый фланг красных у реки Урал силами одной бригады 1-й Оренбургской казачьей дивизии. Акулинин рассчитывал на поддержку корпуса Жукова, однако таковая оказана не была.

Атака была отложена до 21 мая. Но в этот день казаки 28-го полка начали братание с красными, полк для предотвращения дальнейшего разложения пришлось отвести в тыл. Сосед слева – генерал Жуков – так и не оказал поддержки Акулинину. Сосед справа – IV корпус генерала Бакича – был переброшен на реку Белая (между корпусами образовался значительный разрыв). В запасе корпуса оставалось только 12 000 патронов, тогда как следующая партия ожидалась не ранее 10 июня. В виду всего вышеперечисленного Акулинин решил временно отказаться от активных действий.

Однако 23 мая был издан приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака № 181/оп о реформировании Отдельной Оренбургской армии и Южной группы Западной армии в Южную армию под командованием Генерального штаба генерал-майора П.А. Белова. В прощальном приказе по армии атаман А.И. Дутов выразил благодарность Акулинину, «который в короткий срок своего командования сумел влить в войска наступательный дух и энергию» [55, л. 398 об.].

Реорганизация сил белых в разгар боев за Оренбург вызвала нарекания, главным образом, со стороны казачьих начальников, так как новое объединение уже не было казачьим в своей основе [3, с. 129–130, 144]. При этом реорганизация привела к более равномерному распределению пеших и конных частей по фронту.

Новая армия должна была ударом по линии Оренбург – Бузулук – Самара остановить наступление красных против Западной армии. 24 мая казаки I Оренбургского казачьего корпуса вновь взяли Меновой Двор, Карачи и обстреляли железнодорожный мост через Урал [54, л. 204]. Фактически они уже были на окраинах города. Решающее наступление на Оренбург, после реформирования, предполагалось начать

в июле [20, л. 5]. Но момент был упущен, и стратегическая инициатива перешла к большевикам. В июле Южная армия практически не предпринимала активных действий в отношении Оренбурга, хотя рейды казачьей конницы по тылам красных, в особенности с целью разрушения железной дороги Оренбург – Бузулук (единственной транспортной артерии блокированной в Оренбурге группы красных), могли иметь успех. А уже в августе 1919 г. в ходе Актюбинской операции казаки были вынуждены отойти от города, расставшись с надеждой вернуть казачью столицу.

Основными причинами неудачи совместной оренбургской наступательной операции казачьих и армейских частей можно назвать нехватку технических средств; отсутствие устойчивой связи между корпусами и, как следствие, несогласованность в действиях; безынициативность командного состава, недостаточное для прорыва обороны превосходство в силах; отсутствие свежих резервов для развития успеха; сильное переутомление войск; недостаточное количество пехоты, необходимой для штурма города (особенно в казачьих корпусах), а также острую нехватку боеприпасов. Даже части этих причин достаточно, чтобы сделать штурм города невозможным. На что рассчитывали белые стратеги при таких условиях?! – непонятно.

С образованием Южной армии части корпуса Акулинина были переданы в I Оренбургский казачий корпус, а сам генерал получил назначение в Омск на должность начальника штаба Походного атамана всех казачьих войск А.И. Дутова. Ранее, в начале мая, Акулинин получил телеграмму о том, что он предназначается на должность начальника штаба в оперативный отдел (? – слово в телеграмме пропущено. – А.Г.) при Верховном главнокомандующем [48, л. 160]. Прощаясь с войсками, Акулинин отметил, что «в работе корпуса были и ошибки. Ошибались все, начиная с меня. Но смущаться этим не следует. Не ошибается только тот, кто ничего не делает» [50, л. 7 об.].

17 июня 1919 г. генерал выступил на заседании Войскового Круга в Троицке и доложил «о доблести и духе... бывших у

него в подчинении частей» [39, с. 476]. После доклада Круг постановил вынести Акулинину благодарность за «доблестное дело, которое совершил доблестный генерал Акулинин с вверенными ему частями по изгнанию коварного врага со священной земли Оренбургского войска...» [39, с. 476–477]. Круг провожал Акулинина шумными аплодисментами.

В Омске Акулинин пробыл менее месяца. Он вернулся в Троицк уже 9 июля, причем в районе станицы Еманжелинской в ночь на 9 июля едва не стал жертвой крушения поезда. Вагон Акулинина и две воинских теплушки чудом уцелели, тогда как остальной состав был разбит, пострадало не менее 100 человек. На вопрос журналиста о том, какое впечатление на него произвел Омск, Акулинин ответил: «В последний раз я был в Омске во время японской войны; тогда он прошел для меня незаметным; не было того контраста, как теперь. Жизнь в Омске сейчас бурлит; сам город небольшой, но благоустроенный и кажется, что он всего этого движения, шума, беготни, автомобилей и проч. не может переварить, все это как будто свалилось на Омск, и он не может вместить в себя широкого размаха новой жизни» [34, с. 2].

12 июля Акулинин был назначен командующим I Оренбургским казачьим корпусом взамен переведенного на тыловую должность генерал-лейтенанта Г.П. Жукова [57, л. 226]¹⁸. Акулинину теперь фактически были подчинены все казачьи части бывшей Отдельной Оренбургской армии. Акулинина заботила идея широкой пропаганды в войсках и населении. По прибытии к месту нового назначения сразу же пришлось столкнуться с непростой военной обстановкой. Вверенный ему корпус должен был сдерживать натиск противника по обоим берегам Урала между Орской и Ташкентской железными дорогами.

Генерал С.А. Щепихин вспоминал об Акулиnine: «Об этом персонаже Южной армии придется сказать очень немного.

¹⁸ Генерал-лейтенант Жуков был отозван в тыл, вероятно, из-за проявленного бездействия: в течение июня и июля 1919 г. его корпус пассивно стоял под Оренбургом [3, с. 130].

Акулинин, Генер[ального] штаба – являлся креатурой Дутова и, конечно, совершенно и без остатка его личность поглощалась авторитетом атамана.

Здесь двух мнений не может быть.

Храбрый лично, но весьма недалекий; с большим аппетитом к карьере, не считаясь со своими способностями.

Весьма импозантного вида (почему-то с кавказской саблей в серебре?!), представительный – он много терял, когда раскрывал рот и начинал вслед за этим действовать.

В Южную армию он попал по приказу (и протекции) Дутова, который находил несвоевременным появляться среди своих станичников в столь двусмысленный период, могущий скомпрометировать имя славного атамана.

В жертву был принесен Акулинин, с радостью ухватившийся за новое амплуа. В своих деяниях среди казаков Акулинин долго копировал своего патрона, но, видимо, без тех результатов, что атаману всегда почти сопутствовали.

Наконец, ему надоело «н्यानчиться» со станичниками, он их прижал, а они, не привыкшие за время Дутова к столь энергичным мерам, открыто взбунтовались и Акулинин едва не погиб – так же бестолково, как и руководил» [22, л. 50 об.].

Щепихину блестяще удавалось порочить людей, которых он лично не знал. Столь резкая оценка касалась одного из лучших офицеров-генштабистов колчаковской армии. Небезынтересно, что основной текст воспоминаний Щепихина противоречит этой специально написанной характеристике и рисует положительный образ Акулинина.

По мнению Щепихина, «Южная армия со дня ее формирования считалась у Ставки во втором разряде, а потому не только снабжение натурой было плохо организовано (приходилось изыскивать собственными средствами), но не было в достаточном количестве денежных знаков» [22, л. 16].

В состав корпуса Акулинина входила отдельная Оренбургская казачья пластунская дивизия (около 1200 штыков, 1500 шашек, 5 орудий), выставленная заслоном в

Туркестан и обеспечивавшая тыл частей, блокировавших Оренбург. В течение июня 1919 г. дивизии удалось разгромить части красных на этом направлении и продвигаться к Мугоджарским горам. Продолжая преследование противника, дивизия перешла через Мугоджары и достигла станции Челкар, продвинувшись более чем на 200 верст.

Однако на этом преследование красных почти на месяц было приостановлено в связи с бунтом во 2-м Оренбургском казачьем пластуном полку, распропагандированном красными. Командир полка капитан Козин, чтобы избежать самосуда, застрелился. Высланные на усмирение войска отказались действовать против своих. Лишь приезд членов Войскового правительства и начальника дивизии успокоил полк.

Со второй половины июля наступление оренбургских пластунов продолжилось. Красные, получив месяц отдыха, заметно усилились, укрепившись в районе Челкара. Тем не менее, в тяжелом двухдневном бою они потерпели поражение и отступили. Преследование было возложено на 1-й Оренбургский казачий линейный полк, поскольку для перевозки пластунов не хватало паровозов [20, л. 7]. Этот полк, пройдя более 200 верст по песчаной и безводной местности, к началу августа 1919 г. достиг станции Аральское море. Двигаться дальше из-за отсутствия поездов, разрушений железной дороги и водокачек, а также в связи с большими потерями и нежеланием распропагандированных казаков воевать, было невозможно. Между тем, 8 августа в лагере красных произошел мятеж, чем можно было бы воспользоваться для наступления.

Успех в Туркестане не был использован под Оренбургом, где активных действий белые в этот период не предпринимали. Между тем, отступление основных сил белого Восточного фронта приняло поспешный характер, связь с ними уже в начале августа была потеряна, и ситуация день ото дня усугублялась.

Командующий Южной армией Генштаба генерал-майор П.А. Белов под впечатлением успехов оренбургских пластунов первоначально выработал план отвода войск на зиму в Туркестан. Специально для

этого был сформирован Туркестанский стрелковый корпус (Оренбургская казачья пластунская дивизия¹⁹, Туркестанская стрелковая дивизия²⁰, железнодорожный батальон, бронепоезд, авиаотряд (2 аэроплана)) общей численностью 2300 штыков и 1600 шашек при 5 орудиях под командованием молодого офицера полковника Л.Д. Василенко, окончившего подготовительный курс 1-й очереди Николаевской военной академии.

Не закончив формирование, Туркестанская стрелковая дивизия была брошена на фронт во второй половине августа. Лишь к 20 августа удалось восстановить железнодорожный путь и водокачки. В то же время Оренбургская казачья пластунская дивизия вела наступление на станцию Аральское море, сильно укрепленную красными окопами полного профиля, замаскированными волчьими ямами, блиндажами, проволочными заграждениями и расположенную между морем и безводной пустыней.

Для содействия операции была предпринята попытка привлечь уральских казаков («уходцев»), живших на Амударье и южном берегу Аральского моря, – в тылу красных. В районе станции Саксаульская шло сосредоточение казачьих и стрелковых частей, артиллерии и авиации.

Первоначально генерал Акулинин поддерживал идею отхода в Туркестан, однако вскоре он и командующий V Стерлитамакским армейским корпусом генерал-майор А.В. Элерц-Усов высказались за отход на запад, в Уральскую область. Позднее Белов стал настаивать на дальнейшем отступлении на восток, в Сибирь. Этот путь пролегал по безводной и пустынной территории, труднопреодолимой для войск, не имевших достаточного количества провианта.

По мнению генерала С.А. Щепихина, Белов не имел твердого продуманного плана, тогда как Акулинин «наоборот, выстра-

дал, выносил определенный, исходящий из обстановки план: казаки будут драться, во-первых, только на своей земле и оставить станицы решатся только при наличии ясной надежды на скорое возвращение; во-вторых, будут драться тоже только на своей земле при наличии и других частей неказачьих, чтобы была картина общего с кем-то фронта, не было чувства одиночества. Это отвратительное чувство, чувство брошенности оренбур[ж]цы пережили очень ярко на заре Гражданской войны со своим атаманом Дутовым. Так как этот период закончился несчастно, неудачей, то казачья психология после этого всегда была особенно чувствительна к одиночеству. Тем паче, что с ними не было атамана, который, как никак, умел их вдохновлять на подвиг. Акулинин храбрый, разумный, но совершенно непопулярный генерал. Он это отлично учел. Но он знал, что при соблюдении, наличии двух указанных условий (общий фронт и свои станицы) ему удастся кое-что сделать и быть может даже, при удаче, окончательно выбросить большевиков за пределы войска» [22, л. 16 об.].

Но генерал Белов придерживался своего плана. По свидетельству генерала К.Я. Гоппера, он в течение двух недель не мог определиться с дальнейшими действиями [13, с. 143–144]. За время переговоров деморализовался V корпус, и Элерц-Усов с остатками своих войск был вынужден уйти на восток, туда же ушли и некоторые части I Оренбургского казачьего корпуса, даже не предупредив своего командира генерала Акулинина.

В конце августа фронт Южной армии был прорван красными в районе Орска. Северная группа Южной армии стала отходить в Сибирь. Южная группа после падения Орска отступила к Актюбинску, далее отходя на юг вдоль линии Ташкентской железной дороги, с целью уйти в Туркестан [4, с. 129].

Положение белых становилось все более серьезным. Казаки, направленные для прорыва в Туркестан, начали беспокоиться за свои семьи, т. к. по поступающим известиям становилось ясно, что территория войска постепенно переходит к красным. Пластуны потребовали отправки их на се-

¹⁹ В составе 1-го и 2-го Оренбургских казачьих пластунских полков, 1-го Оренбургского казачьего Линейного полка, отдельного Оренбургского казачьего дивизиона, 2-й Оренбургской казачьей пластунской батареи.

²⁰ В составе 1-го, 2-го и 3-го Туркестанских стрелковых полков и 42-го Троицкого стрелкового полка.

вер для защиты родных станиц. Делегаты от уральцев – «уходцев», стоя на коленях со слезами на глазах, просили бунтовщиков прийти к ним на помощь [20, л. 11].

Белым необходимо было во что бы то ни стало прорваться в районе Аральского моря. 28 августа со станции Саксаульская был направлен обходной отряд на верблюдах и лошадях (пластуны и третья сотня 1-го Линейного полка – 200 штыков и 300 шашек) для обхода станции Аральское море с востока и юга.

30 августа начали наступление и главные силы, взявшие в этот день станцию Конту и разъезды № 85 и № 86. На рассвете 31 августа начался штурм, красные открыли ураганный огонь из 25 орудий. К 18 часам белым с огромными потерями удалось овладеть окраиной станции Аральское море, но все резервы были израсходованы и подошедшими силами красных белые были выбиты. Ситуация усугублялась страшной жарой и жаждой. Действия красных поддерживались с моря аральской военной флотилией (пароход, 2 моторных судна, 2 катера, 2 баржи, 3 парусных лодки). Бои 1 сентября также были безуспешными, более того, часть солдат 42-го Троицкого стрелкового полка перешла к красным, а прочие части самовольно ушли с позиций. Не получив поддержки белых, захлебнулось начавшееся 24 августа восстание уральцев – «уходцев», живших в Приаралье [59, с. 238].

Тем временем 30 августа красные взяли Орск, 2 сентября в результате конного рейда 3-й кавалерийской дивизии они овладели Актюбинском, Южная армия оказалась заблокированной вдоль линии Ташкентской железной дороги между Актюбинском на севере и Аральским морем на юге. Части XI Яицкого и I Оренбургского казачьего корпусов, а также 5-й дивизии IV Оренбургского армейского корпуса отступали от Актюбинска по линии железной дороги на юг к станции Эмба. V Стрелитамакский армейский корпус отходил на форт Карабу-так.

На станции Конту собирались беспорядочные толпы солдат и пластунов. Фронт держали лишь казаки 1-го Линейного полка и пулеметная команда 2-го пластунского

полка. Деморализованные части были отведены на станцию Саксаульская. На следующий день отряд был усилен 1-м Туркестанским стрелковым полком, батальонами 42-го Троицкого полка, бронепоездом и 6-дюймовым орудием. Поступил приказ 4 сентября перейти в наступление, однако вскоре он был отменен командующим армией.

Армия агонизировала, хотя многие части еще держались. Характерный эпизод привел в своих мемуарах генерал Щепихин: «С тяжелым сердцем выехал от полка. На дороге, в отдельном двухэтажном доме, помещался трактир, наполненный казаками. Слышались песни, указывающие, что казаки веселились. Дорогу моей машине загородил высокий старик в шароварах с голубым лампасом. «Стой, стой, генерал! Посошок!» и потянул мне стакан с водкой. Я вспылел, замахнулся на него стеклом. Старик отпрянул и вслед мне пустил ругательство. Казаки гоготали. Эта картина меня покорила и навела на грустные размышления» [22, л. 15].

Прекращение подвоза продовольствия и фуража (паровозы использовались для перевозки войск) переполнило чашу терпения и без того морально неустойчивых частей. Казаки 2-го Оренбургского казачьего пластунского полка 4 сентября арестовали своих офицеров и, захватив все паровозы, самовольно уехали в Челкар и далее на север, всюду разрушая телеграфную линию, ушел с позиций и 1-й Линейный полк (вместе с офицерами и обозом казаки по долине реки Эмба ушли на соединение с уральцами). На следующий день, перебив часть своих офицеров, ушел к красным 1-й Туркестанский стрелковый полк. 5–6 сентября с полным вооружением сдалась большая часть 42-го Троицкого стрелкового полка и железнодорожный батальон, который разрушил путь. Фронт держали лишь 1-й Оренбургский казачий пластунский полк, пластунская батарея и остатки 42-го полка (всего около 500 человек при 4 орудиях). Только 9 сентября войска, расположившиеся на станции Тугуз, получили продовольствие и боеприпасы. 10 сентября эти части со станции Джилан отошли на восток. Прорыв в Туркестан, который в случае успеха

мог дать белым шанс или хотя бы отсрочку поражения, закончился полным крахом.

Крах этот был не случаен, поскольку, как отмечал генерал К.Я. Гоппер, все командование генерала Белова «представляется мне целой системой бесцельного перебрасывания войсковых частей, утомительными и бессмысленными походами, уничтожавшими в конце концов эти части» [13, с. 148].

В начале сентября началась как массовая сдача в плен красным (не менее 30 000 человек), так и где-то организованное, где-то стихийное отступление частей Южной армии на запад и на восток от железной дороги. К 12 сентября Ташкентская железная дорога была покинута последними частями этой армии. На следующий день в 14.35 на станции Мугоджарская произошло соединение войск Туркестанской республики и советского центра. Территория Оренбургского казачьего войска была навсегда оставлена белыми, однако часть оренбуржцев не сложила оружие.

Как заявил 22 сентября 1919 г. в своем докладе представитель Актюбинского фронта И.Ф. Казарин, в ходе последнего наступления красных «все казачьи станицы были освобождены, и теперь уже все гнезда контрреволюции разнесены в пух и прах (Аплудисменты). Это выкорчевывание, эта чистка, которая произошла во время движения нашей Центральной армии, дает нам возможность сказать, что данное соединение не будет носить временный характер, а продолжительный, и навряд ли контрреволюция поднимет там еще свою голову... только тогда, когда они (казаки. – А.Г.) докажут свою лояльность, они получают разрешение вернуться домой, теперь же пожалуйте в центр России, и оттуда они будут разсланы во все концы, но ни в коем случае не будут отпущены в свои станицы. Туда придут верные советские крестьяне и будут обрабатывать землю (Аплудисменты)» [26, с. 75].

Те, кого подобная перспектива не устраивала, продолжали упорную, но уже безнадежную борьбу. С остатками своего корпуса Акулинин вышел в район города Темир и станции Джурун в казахских степях. Не имевшие достаточных запасов продо-

вольствия части подверглись быстрому разложению. Казаки поодиночке и даже целыми группами уходили к красным или разбредались по степи в поисках пищи и крова.

По некоторым данным, оставшиеся казаки замитинговали и собирались даже идти к красным, захватив в качестве искупительной жертвы самого генерала Акулинина. Каким образом Акулинину удалось спастись, – неизвестно. Однако вскоре вокруг него на станции Джурун объединились помимо оставшихся казаков из его корпуса еще около 500 человек офицеров и нижних чинов разных частей, решивших идти к уральцам. Историк Уральского казачьего войска хорунжий Л.Л. Масянов писал, что «это были, главным образом, тыловые части» [32, с. 134]. Решение генерала Акулинина отступить на запад, а не на восток, куда отходила большая часть войск Южной армии, было нарушением приказа командующего (впрочем, тогда ни один из командиров корпусов не подчинился Белову, действия которого вели к гибели армии) и объяснялось успехами войск А.И. Деникина, а также надеждой на скорое соединение с ними уральских казаков. Впоследствии сам Акулинин вспоминал: «Большинство офицеров и крепких духом солдат, соединясь в отряды, двинулись – одни на восток, другие на запад; первые догонять армии Верховного Правителя, а вторые – переправиться через Каспийское море к ген[ералу] Деникину» [4, с. 129]. 9 сентября 1919 г. войска Акулинина выступили вдоль реки Сагиз в направлении на укрепление Уил, куда прибыли к 22 сентября. По дороге часть казаков разбежалась, и до Уила дошло около 2000 человек.

Итак, в начале сентября 1919 г. остатки I Оренбургского казачьего корпуса Южной армии с линии Ташкентской железной дороги отступили на запад – на соединение с уральскими казаками. I Оренбургский казачий корпус вошел в состав Уральской Отдельной армии [4, с. 129]. Акулинин полагал, что после разгрома оренбуржцев основной удар красные нанесут по уральцам, поэтому он решил прикрыть в районе Уила правый фланг Уральской армии со стороны Ташкентской железной дороги, откуда

ожидалось наступление красных. К тому же уральский район являлся единственным источником зерна для уральцев. В целях поддержания боевого духа генерал Акулинин организовал издание корпусной газеты «Военный вестник», излагавшей радиосообщения, принимавшиеся радиостанцией корпуса. Сведения о победах Деникина поднимали боевой дух частей. Генерал Акулинин обращал особое внимание на агитацию среди казаков, его авторству принадлежит несколько воззваний к ним. Обращения Акулинина были, во многом, наивными, особенно в отношении верности прежним союзникам по Антанте, идеалистического восприятия казаков, слепой веры в то, что они непременно должны быть в антибольшевистском лагере и демонизации красных. Разумеется, такой кустарный подход к пропаганде мало что менял, особенно в сравнении с валом агитационных материалов, выпускавшихся красными. Тем не менее, внимание к этому вопросу говорит о понимании Акулининым природы Гражданской войны, в которой многое зависело от пропаганды.

Особое положение тыловых частей, ушедших с Акулининым, порождало трения с командующим Уральской армией генерал-майором В.С. Толстовым, имевшим, к тому же, сложный конфликтный характер и пребывавшим в ссоре со многими своими сподвижниками [32, с. 140]. Генерала Акулинина удивляло нежелание уральского командования использовать «несколько хорошо налаженных тыловых организаций, обслуживавших Южную армию и Оренбургское войско... Но уральское командование ни одной из этих организаций не воспользовалось, предпочитая работать исключительно со своими людьми и своими кустарными способами» [4, с. 134]. Критическое отношение к Толстову сохранялось у Акулинина и позднее. Даже в 1939 г. Акулинин писал генералу С.В. Денисову о мемуарах Толстова, с которым состоял в переписке: «Книга ген. Толстова... у меня была, но ее тоже кто-то зачитал из друзей. Книга в литературном отношении из рук вон плоха, составлена очень плохо и события освещает пристрастно, но в ней много фактического материала» [6]. Впрочем, по-

добную оценку воспоминаний Толстова давали и другие.

Относительно использования оренбургских тыловых частей генерал Толстов якобы заявлял, что «ему нужны солдаты, а не тыловые учреждения» [32, с. 134]. Примерно в том же ключе высказывался начальник штаба Отдельной Уральской армии Генштаба генерал-майор В.И. Моторный: «Прибывшие же в армию после разгрома Белова остатки оренбургских казаков как боевой элемент никуда не годились. Они были расположены по полкам в тылу, где занимались грабежом, вызывая нарекания и жалобы уральских стариков» [41, л. 123 об.]. К сожалению, проверить обоснованность этого обвинения не представляется возможным.

6 октября 1919 г. Акулинин сумел отправить донесение начальнику штаба Верховного главнокомандующего, в котором подробно описал ход последних событий: «После неудачных для Южной армии боев под Орском и Актюбинском большая часть 1 Оренб[ургского] каз[ачьего] корпуса разложилась.

Большинство казаков ушло к красным, часть рассеялась по степям и аулам, но часть осталась на своих местах. Наибольшему разложению подверглись 2 и 4 дивизии, отступившие к п. Романовскому; лучше других сохранилась 1 дивизия, выведенная к г. Темиру.

Командарм Южной вначале предполагал идти с армией в сторону Ташкента, но после срыва Орско-Актюбинской операции и неуспешности наступления на Казалинск, приказал корпусам отходить на восток.

Лично я был всегда сторонником Атбасарского направления.

После отступления Сибирской и Западной армий к востоку от Уральских гор, после потери Челябинска, я считал действительно необходимым для выравнивания фронта и связи с базой отвести Южную Армию на восток.

Об этом я еще до начала Орско-Актюбинской операции посылал Командарму Южной телеграмму, в которой указывал на невозможность базирования и отвода армии в голодный и занятый противником Туркестан.

Однако время для сравнительно благополучного отхода Южной Армии на восток было упущено. К моменту получения Приказа Командарма об отходе на восток корпусов, как войсковых единиц, уже не существовало. Были лишь штабы, остатки полков, батарей, которые самостоятельно двинулись частью на восток, частью на запад, главной массой на север – в сторону красных.

По прибытии на ст. Джурун я пытался увидеться и переговорить с начдивами 2 и 4, но они спешно выехали на Иргиз. Их дивизии к 8 Сентября представляли бесформенные митингующие массы, перемешанные с обозами и частями 5 и 11 корпусов. Привести их в порядок оказалось непосильным и главная их масса ушла к красным.

На ст. Джурун около штакара²¹ сгруппировалось около 400 офицеров и казаков, оставшихся верными присяге и долгу. Однако среди них создалось определенное настроение – идти к уральцам. Начдив 1 при свидании со мной доложил, что его казаки на восток не пойдут и для успокоения их просил как можно скорее отвести к уральцам.

Вследствие беспорядка и ухода к красным обозов – ни запасов продовольствия, ни транспортов, ни времени на их заготовку у нас не было, и пускаться с войсковыми частями в длинный путь на восток без хлеба, без муки и без фуража было рискованно. С упадком в войсках дисциплины трудно было рассчитывать привести к Атбасару, хотя бы небольшие части.

Учитывая эти обстоятельства и непреклонное желание казаков и офицеров идти к уральцам, я решил с наиболее организованными остатками своего корпуса идти на Уил для совместных действий с уральцами на их правом фланге, о чем и послал донесение командарму Южной со ст. Изембет 10 сентября за № 1-63.

Были и еще причины, ради которых я пошел на Уил.

В то время я полагал, что после разгрома Южной армии красные обрушатся всеми свободными силами на уральцев,

чтобы покончить с Уральской армией и установить единый красный фронт.

На восток пошли начдивы 2 и 4 казачьих, Войсковое правительственное Оренбургского войска, там находился Войсковой атаман, окружные атаманы – следовательно там было кому работать по организации нового восстания казаков и по формированию новых частей, тогда как здесь, на западе, с моим уходом на восток из крупных и известных казакам начальствующих лиц никого не оставалось.

Надеясь, что отрезвление среди казаков настанет быстро, учитывая по примеру прошлого года возможность восстания линейных станиц, я находил, что для пользы общего дела выгоднее хотя бы с небольшой организованной войсковой частью держаться ближе к станицам 1 округа.

В район г. Уила я прибыл 17 сентября. Из остатков 7, 8, 14, 16, 19, 21, 26 и 1 линейного полков, 4 и 12 батарей я образовал три группы. Первую – под командой полковника Смирнова, которая в настоящее время выдвинута в сторону Илецкой Защиты; вторую – под командой в[ойскового] ст[аршины] Керенцева²², которая выслана из г. Уила на восток для прикрытия путей со стороны Актюбинска и Темира; третья группа под командой есаула Крылова оставлена в г. Уиле в качестве резерва.

За сокращением штатов штабов и управлений корпуса сформирована Офи-

²² Возможно, Керенцев Алексей Иванович (19.05.1877–?) – из станицы Нижнеозерной 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское казачье училище по 1 разряду. На службе с 19.05.1907. Войсковой старшина (с 26.07.1918). Участник Первой мировой войны в 11-м Оренбургском казачьем полку. Командир 3-й сотни стрелкового дивизиона Оренбургской казачьей дивизии (прикомандирован с 26.01.1916), начальник Кинделинского отряда (1918). Помощник старшего адъютанта строевого отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба Оренбургского военного округа (с 22.09.1918). В общем отделе управления генерал-квартирмейстера штаба Оренбургского военного округа (10.1918). Начальник общего отдела штаба Юго-Западной армии (с 23.10.1918). Признан негодным к строевой службе. Назначен начальником обозной команды при французском отряде полковника Пишона (16.02.1919). Назначен в распоряжение командира II Оренбургского казачьего корпуса (14.03.1919).

²¹ Штаба корпуса – телеграфное сокращение.

церская сотня под командой полковника Наумова²³.

Из остатков 34 Ашкадарского и 37 Миасского горных стрелков полков, прибывших в г. Уил из г. Темира, образован особый отряд под командой подполковника Заваруева²⁴.

Из партизанского отряда в[ойскового] ст[аршины] Ершова²⁵, к которому пристало

²³ Среди оренбургских офицеров было несколько человек с таким чином и фамилией. Возможно, имеется в виду Наумов Владимир Матвеевич (06.07.1874–?) – из казаков станицы. Пречистенской 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское 3-классное городское училище и Оренбургское казачье юнкерское училище по 2 разряду. На службе с 19.06.1892. Полк. (с 26.08.1918). Участник Русско-японской войны. В Лейб-гвардии Сводно-казачьем полку (1909). Помощник командира 1 Оренбургского казачьего полка (с 07.06.1917). В распоряжении Войскового начальства Оренбургского казачьего войска (на 08.1918). Назначен командиром 1-го пластунского Оренбургского казачьего полка (04.09.1918). Зачислен в резерв чинов штаба Оренбургского военного округа (с 27.01.1919).

²⁴ Заваруев Александр – подпоручик (на 1918). Подполковник (с 1919). Комендант штаба обороны Оренбургского казачьего войска, назначен комендантом Оренбурга (25.06.1918). Уволен (с 23.01.1919). Комендант Оренбургского укрепрайона (1918). Комендант штаба Отдельной Оренбургской армии (1919). Начальник эвакуации Троицка (03.1919). Откомандирован в распоряжение Походного атамана всех казачьих войск, на сформирование его штаба (31.05.1919).

²⁵ Ершов Евгений Васильевич (1890–?) – из станицы Изобильной 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Ташкентскую мужскую гимназию и Оренбургское казачье училище по 2 разряду. На службе с 1912. Войсковой старшина (за отличие в боях с большевиками – с 22.10.1918). Участник Первой мировой войны в 13 Оренбургском казачьем полку. Командир 1 сотни 4-го Оренбургского казачьего полка (11.1916), участник подавления туркестанского восстания 1916 г. Весной 1918 командовал конницей в бою при уничтожении отряда С.М. Цвиллинга, позже командовал партизанским отрядом. Командир 1 Линейного казачьего полка. Командир 8-го Оренбургского казачьего полка (1918). Награжден Георгиевским оружием и французским орденом Почетного легиона. После Гражданской войны – счетовод в Ирбите. Воспитатель детского дома им. Парижской Коммуны в Ирбите (1923–1924). Уволен за ношение креста. Переехал в Соль-Илецк к матери. Жил в Зилаире (Башкирия), работал счетоводом в лесхозе. Весной 1928 арестован, доставлен в Оренбург и осужден (08.10.1928) на 10 лет по статьям 58–10–13 УК РСФСР. Вернулся в 1934, побывал у сына в Москве.

много казаков 1 линейного полка и беглецов (от красных) из станиц, сформирован 2-й линейный полк, который направлен в ст. Линевскую для поднятия восстания в линейных станицах, расположенных к западу от Илецкой Защиты по правому берегу Илека.

Корпус в данную минуту насчитывает 2000 человек и коней. Есть надежда, что вскоре среди Оренбургских казаков снова начнется отрезвление, и силы корпуса увеличатся притоком беглецов из станиц. Тем более, что красные от перебежчиков-казаков отобрали все: лошадей, седла и обмундирование; до 33-х летнего возраста объявили мобилизацию; всех не желающих стать в ряды красной армии сажают в тюрьмы; многих расстреляли.

С[о] своей стороны для возвращения перебежчиков и поднятия восстания я принимаю все меры: посланы депутаты, налажена устная и письменная агитация; при штакоре издается газета, пишутся воззвания.

По прибытии в г. Уил я выезжал для доклада в Калмыков в штаб²⁶ Уральской. На днях в г. Уил и в район группы п[олковника] Смирнова приезжал генерал Толстов для ознакомления с частями корпуса на месте.

Корпус приказом командарма Уральской включен в состав Уральской армии и зачислен при ней на все виды довольствия.

Корпусу поставлена задача – прикрывать правый фланг Уральской армии и действовать ее наступлению.

Положение Уральской армии устойчивое.

За последнее время уральцы нанесли красным ряд чувствительных поражений и очистили часть своей территории. Наиболее сильный удар был нанесен 25 красной дивизии под Лбищенском. Фронт Уральской армии тянется приблизительно по линии: Сухореченская (в 20 вер[стах] юго-восточнее Илецкого Городка) – Ново-Георгиевский – Федоровский – Покатиловский – Янайкинская – Богатинский – Чижинский 2-й – Сломихинская и далее на юг

Репрессирован в 1930–е гг. Реабилитирован 05.10.1992.

²⁶ Штаб армии – телеграфное сокращение.

к Каспийскому морю на половине расстояния между Гурьевом и Астраханью.

После победы над Южной армией, командование красных часть сил продвинуло в Туркестан, а часть из Актюбинска перебросена обратно в сторону Оренбурга – очевидно против уральцев и на фронт генерала Деникина.

Разведкой установлено, что в районе Темира, Актюбинска и Илецкой Защиты также оставлены какие-то части. Со стороны трех указанных пунктов в сторону г. Уила и вообще против правого фланга Уральской армии планомерного наступления со стороны красных пока не обнаружено; лишь в поселках по р. Хобде появились отдельные партии, насаждающие в селах и аулах советскую власть и производящие реквизиции хлеба, скота, лошадей и седел.

С пополнением частей корпуса и окончательным их приведением в порядок приступлю к активным действиям в сторону Илецкой Защиты.

Ходатайствую отдать в приказе о включении 1 Оренб[ургского] каз[ачьего] корпуса в состав Уральской армии.

При первой возможности будет послано более подробное донесение» [47, л. 1–1 об.].

Во время пребывания в Уиле Акулинин сумел достичь договоренности с казахским правительством т. н. уильского оляята (Западной Алаш-Орды²⁷) о совместных действиях против большевиков в случае их наступления на Уил. По распоряжению генерала Акулинина казахам было выдано недостающее у них оружие и патроны. Казахи хорошо знали степь и могли оказать поддержку казакам при ведении разведки.

²⁷ Уильский оляят (олейят) – Западное отделение казахского временного народного совета Алаш-Орды. Образовано в мае 1918 г. в поселке Джамбейта Уральской области. В состав оляята вошли братья Д. и Х. Досмухамедовы, Б. Кулманов (от Букеевской Орды) и старейшины основных родов Младшего жуза. Контролировало территорию Букеевской орды, Мангышлакского уезда Закаспийской области, Актюбинского уезда Тургайской области. В 1919 г. перебралось в Уил и затем Кызыл-Кугу. В декабре 1919 г. начало тайных переговоров с советскими представителями. С установлением в регионе советской власти в марте 1920 г. распущено на условиях амнистии его членов.

Противник высоко оценивал деятельность Акулинина. Так, красный командир Н.Я. Блюм, служивший в 3-й Туркестанской кавалерийской дивизии, вспоминал: «Проскользнувший при взятии нами Актюбинска известный генерал Акулинин (командир I Оренбургского казачьего корпуса) оказался в укр[еплении] Уил, которое находится за большими непроходимыми для войск сыпучими песками в 220 верстах юго-западнее ст. Джуруна, нашего месторасположения. Избрав своей главной квартирой удобный для него во всех отношениях Уил, генерал Акулинин сосредотачивал здесь остатки своего казачьего корпуса и разбитой Южной армии и главное: формировал офицерские отряды из несдавшегося нам офицерства. Поддерживая тесную связь с Уральской армией генерала Толстого (здесь и далее – так в тексте, правильно – Толстова. – А.Г.), он ожидал удобный момент, чтобы возобновлять свои действия в этом направлении. Пользуясь поддержкой генералов Толстого и Акутина, Акулинин представлял собою внушительного противника, что не сразу учло наше высшее командование. Положение его упрочилось еще тем, что там же в Уиле находилось новое, покровительствуемое им, Киргизское правительство во главе с Дос-Мухамедовым. При содействии этого правительства производилась мобилизация киргиз и формирование особых киргизских Алаш-Ордынских отрядов. 8 октября 1919 года спешно был организован отряд в составе 13 и 14 кавполков (1 бригады 3-й Туркавдивизии) и одного батальона 3-го стрелкового Татарского полка, которому была поставлена задача с налета взять Уилское укрепление и ликвидировать находящегося там противника. Чтобы сохранить подвижность, артиллерия отряду придана не была. 10 октября с рассветом этот отряд выступил из гор. Темира (180 верст сев.-вост. Уила). В виду того, что Уилское укрепление представляло собою совершенно недоступное «орлиное гнездо» и ближайшая до него дорога вела через совершенно ненаселенную, пустынную степь, с трудно проходимыми сыпучими песками, было решено двигаться через ряд русских поселений на поселок Бегалинский (он же Пре-

ображенский), который находится от г. Темира в 180 верстах, – в таком же расстоянии, как Уил. От поселка Бегалинского до Уила оставалось еще 90 верст прямо на юг, но по хорошей дороге с достаточным количеством источников сладкой, годной для питья, воды.

Встречая на своем пути только мелкие разведывательные части противника, поздно вечером 14 октября отряд пришел в пос. Бегалинский и страшно измученные тяжелым песчаным путем части отряда расположились на ночлег. Названный поселок состоял всего навсего из 80 дворов, а в нашем отряде насчитывалось около 950 бойцов – 640 кавалеристов и 310 стрелков. Расквартирование было достаточно тесное, а это вполне соответствовало боевой обстановке. Стрелковый батальон занял южную и восточную часть поселка, 13-й кавполк – северную, а 14-й кавполк – западную. Телефонная связь установлена не была. Охранение на ночь состояло из отдельных полевых караулов. Дежурные эскадроны и дежурные пулеметные взводы были в обоих полках и располагались в крайних хатах в непосредственной близости своих полевых караулов. В виду близости противника лошади расседывались по очереди. Население поселка, измученное «Киргизским правительством» Дос-Мухамедова и реквизициями генерала Акулинина, имевшее свой маленький повстанческий отряд, встретило нас самым радостным образом. Уставшие люди, после сытного угощения гостеприимных хозяев, заснули мертвым сном. Ночью пошел сильный дождь; темнота еще усилилась и в теплых хатах поселка, при нашей физической усталости, было как-то особенно уютно и хорошо. Наверяд ли нам спалось бы так сладко и спокойно, если бы мы знали, что в это время творится в нашей непосредственной близости, под самым поселком. Узнав о нашем движении, генерал Акулинин выслал нам навстречу Миасско-Ашкадарский офицерский отряд с тремя сотнями казаков, под общим командованием известного дутовского жандарма, полковника Заваруева. Отряду была поставлена задача неожиданно напасть на нас и «уничтожить в полном составе» (подлинные слова его приказа). Противник еще ве-

чером подошел вплотную к поселку, а ночью, когда пошел холодный осенний дождь, наверное в поисках приюта, залег в глубоком овраге на южной и юго-восточной окраине поселка в расстоянии действительного ружейного выстрела от линии полевых караулов нашего стрелкового батальона. Деликатный противник, не беспокоивший нас в уютном поселке во время сна, находясь в ночной темноте под проливным холодным дождем, наверное чувствовал себя менее приятно. Но его терпение не заставило нас удивляться. Удивлялись мы тому, что он вместо того, чтобы попытаться возможно ближе подойти к поселку без стрельбы и как можно неожиданнее и скорее ворваться в таковой... вместо этого, как только стало рассветать, так карауливший нас противник открыл бешеный ружейный и пулеметный огонь по мирно спящему поселению. На правом фланге стреляющей из оврага цепи находились две, а на левом — одна сотня казаков в конном строю. После открытия стрельбы эти сотни двинулись вперед, наверное с целью обойти поселок. Но за ночь от сильного дождя, который теперь уже перестал, глинистая почва так промякла, что лошади вязли в землю по колени, и быстрое движение вне дорог было совершенно невозможно. Противник был уверен, что его действия и неожиданная, сильная стрельба, несомненно вызовут у нас панику, а потому и не торопился. Исключительная способность, не теряясь, быстро выскочить по тревоге, всегда присущая частям 3 Тур[кестанской] кавдивизии, и на этот раз спасла нас от верной гибели. Командиры дежурных эскадронов и стрелкового батальона сразу же угадали, какая страшная опасность грозит всей бригаде. Они быстро по тревоге подняли и собрали свои части и вовремя встретили противника за поселком контратакою. Овладев частью южной и частью юго-восточной окраин, промокшие от дождя и уставшие «господа офицеры» снова перешли в атаку, но и на этот раз были отбиты, полуодетыми, но зато прекрасно отдохнувшими, нашими татарами. Терпя большие потери от убийственного огня противника, наши спешенные кавалеристы (двух дежурных эскадронов) и стрелки-

татары держались с удивительным мужеством и храбростью. Геройский начальник пулеметной команды 24 кавполка тов. Грязнов, увидев критическое положение наших обороняющихся стрелков, сумел быстро поставить два прекрасно работающих пулемета «Максима» на чердак высокого дома, и самый убийственный огонь их во фланг противника сразу же облегчил наше положение перед фронтом. В это время 3 эскадрона 13 кавполка в конном строю атаковали две сотни, прикрывавшие правый фланг офицерского отряда. Не желая принять атаки, казаки повернули «повзводно налево кругом», но было уже поздно. На уставших и измотанных лошадях они уйти не могли и были быстро настигнуты и зарублены нашими орлами. Нечто подобное случилось и с той сотней, которая находилась на левом фланге неприятеля. Разница только времени. В то время, когда 14 кавполк собирался по тревоге, эта сотня в лаве подходила к деревне с западной стороны и намеревалась ворваться в ту часть поселка, где были расположены наши обозы, и где, конечно, по весьма естественным причинам, творилась ужасная неразбериха и паника. Несколько казаков уже «работало» в нашем обозе, а сотня была уже готова ворваться, когда не собравшиеся полностью два эскадрона этого полка, неожиданно для противника, прямо со сборного места, с оврага бросились на него и в несколько минут изрубили всех, – без остатка. Офицерский отряд начал отступать уже тогда, когда повернули две сотни их правого фланга. Сперва отступление велось медленно и в полном порядке. Огонь не уменьшался, и мы терпели большие потери. Но когда 13, а затем и 14 кавполки начали обходить их фланги и, заходить в тыл, тогда у них началась ужасная паника. Отряд неприятеля перестал оказывать сопротивление и, бросая все, даже оружие, побежал в совершенном беспорядке. Но стремление его убежать потерпело полную неудачу. Размякшая от дождя почва как будто бы притягивала бегущих к себе и сколько они ни бежали, а расстояние не увеличивалось. Оба кавполка отрезали все пути отступления и рубили одиночных людей и мелкие партии почти без всякого сопротивления. Только более

крупные партии офицеров оказывали упорнейшее сопротивление. Настигнутые нами, они отбивались, составляя так называемое каре. При атаке одного из каре численностью около полуроты, был убит геройский командир 13 кавполка тов. Михайлов. Его смерть так озлобила наших красноармейцев, что они с удвоенной энергией преследовали бегущего противника до тех пор, пока не был изрублен весь его отряд. Офицеры сопротивлялись до последнего момента и были случаи, когда, не желая сдаваться, они расстреливали друг друга. Из всего отряда, состоявшего из 600 офицеров и 300 казаков, ушел только сам Заваруев, ускользавший еще в начале боя. Пленных было: 1 офицер и 23 солдата. Наши потери были небольшие: 18 человек убитыми и 38 ранеными, но среди убитых нам всем дорогой командир 13 кавполка тов. Михайлов.

Описанным мною боем не закончилась наша боевая деятельность в пустынной киргизской степи. Взять Уилское укрепление «с налета» нам не удалось, и мы целый месяц скитались и мучились в неудобных и в высшей степени грязных киргизских аулах, пока нам уже при содействии остальных двух батальонов 3-го стрелкового Татарского полка и двух батарей 14 ноября 1919 года, в день, указанный высшим командованием, удалось взять богатое Уилское укрепление» [9, с. 145–149].

Свидетельство Блюма показывает, что Акулинин с остатками своих сил предпринимал активные действия против красных, несмотря на сложность обстановки, изолированность от внешнего мира и явное превосходство противника. Красный мемуарист отметил, что, несмотря на успех кавалерийского боя под Бегалинским, отряд так и не смог выполнить поставленную задачу – занять Уил, который был взят только через месяц.

Интересно, что на одно из воззваний Акулинина от 1 октября 1919 г. отреагировал сам командующий войсками советского Туркестанского фронта М.В. Фрунзе. В том воззвании Акулинин опрометчиво писал: «В то время, как Добровольческая армия генерала Деникина, поддержанная доблестными английскими друзьями деньгами и снаряжением, громит советские войска и,

забрав Чернигов, Орел, Воронеж, подошла к Москве; в то время как лихая конница генерала Мамонтова, забравшись в тыл красных, громит города, железные дороги и уничтожает инженерные и интендантские склады; в то время как доблестные войска генерала Юденича совместно с английским флотом взяли Гатчину и не сегодня – завтра возьмут Петроград... – в это самое время оренбургские казаки, забыв долг и присягу, с предательским кличем: «Долой войну» бросаются в объятия красных, думая спасти свою шкуру. Ошибутся предатели, не пройдет и месяца, как советская власть будет низвергнута...» [60, с. 181].

По истечении установленного Акулиным срока Фрунзе ехидно отметил: «Ныне месячный срок, назначенный генералом, истек. Взглянем же, насколько действительность отвечает генеральским предсказаниям.

Рухнула ли Советская власть? Нет, она существует назло врагам трудового народа, и ее существование прочнее, чем когда-либо. Что это так, достаточно вдуматься в следующие слова заклятого врага трудовой России, английского первого министра Ллойд Джорджа, на днях сказанные им в английском парламенте: «По-видимому, надеждам на военный разгром большевиков не суждено сбыться. Наши русские друзья за последнее время потерпели ряд чувствительных неудач...»

Кто же такие русские друзья господина Ллойд Джорджа? Это Деникин, Юденич, Колчак, продавшие английскому капиталу достояние русского народа – русскую руду, лес, нефть и хлеб и за это удостоенные звания «друзей».

Что же случилось с друзьями Ллойд Джорджа, что заставило потерять веру в военный разгром большевиков?

Ответ на это дает картина военного положения на фронтах Советской Республики... двое из трех главнейших врагов трудовой России: Колчак и Юденич уже сведены со сцены... Советская власть, являющаяся властью трудящихся, несокрушима и под сенью ее вслед за оренбуржцами и сибиряками скоро соберется все трудовое казачество, а с ними и вся Россия...

«Всем, кто ушел к красным, нет никакого оправдания и извинения, и в будущем им не будет ни прощения, ни пощады...» Так грозит в своем приказе генерал Акулинин.

Обратите внимание на эти слова, оренбуржцы, запомните их и, затравив царскую лису в ее последнем убежище, покажите – кто у кого будет просить пощады и милости.

«Неужели, – продолжает генерал, – падая к ногам хамов-большевиков, казаки не понимали, что этим отдают на поругание своих матерей, жен, дочерей и сестер. Вопли насилуемых, стоны расстреливаемых, охваченные огнем станицы скоро покажут им, что они помогли делу палачей, висельников, грабителей, разоряющих страну для удовлетворения своей алчности».

Судите сами, товарищи казаки. Вы уже два месяца живете с нами и могли убедиться в «справедливости» этих слов и пророчеств. Нет, не предательница и не лиходейка своей Родины Советская власть. Она работает, насколько может, для блага трудящихся, и не ее вина, если усилия русских и зарубежных хищников до сих пор не дают нам возможности к мирному труду, к делу строительства свободной, счастливой, мощной Родины.

А то, что дворянские-генеральские уста называют Советскую власть властью «хамов», это действительно верно. Да, у власти в России ныне стоят те, кого баре презрительно называли «хамами», те, кто работал в поте лица на пашнях, на фабрике и заводе, те, у кого не выхоленные белые ручки, а покрытые мозолями руки рабочего и крестьянина. И, конечно, место трудового казака не в рядах белоручек, а с теми, кто стремится к утверждению господства трудящихся.

Генерал дальше пишет: «Неужели они (казаки) не понимали, что разрушая фронт Южной армии, они дают выход туркестанским большевикам, закупоренным со всех сторон. Неужели не знали, что, разрушив фронт, они дадут возможность большевикам отправлять в Москву и Петроград хлеб, где теперь рабочие пухнут с голоду».

Генерал раскрыл окончательно свои карты. Понятно ли теперь вам, товарищи

казаки, почему царит голод в России? Понятно ли, почему у вас нет ткани для одежды, орудий для работы и нефти, керосина для отопления и освещения? Шайка царских генералов, горящая ненавистью к рабоче-крестьянской власти, к власти «хамской», задалась целью уморить голодом Россию: авось-де тогда одумается мужик и посадит барина на его насиженное место. Да, надо думать, оренбуржцы действительно поняли, где их место, и помогли России проложить дорогу к хлопку. Надо надеяться, что скоро это поймут и остальные казачьи войска, и тогда у нас будет нефть, железо и уголь, а с ними заработает наша промышленность, с ними явится возможность залечить все раны и зажить новою, счастливою жизнью.

В заключение генерал призывает бороться до «последнего испарения Советской России, до полного уничтожения ее Красной армии, до полного торжества правды над неправдой, добра над злом и света над тьмой». Надо признать, что над испарением Советской России, над уничтожением ее Красной армии господя Акулинины, Дутовы, Колчаки и Деникины... трудились и трудятся весьма усердно; но испаряется пока не Советская Россия, а ее враги. Где ныне бродит бывший владыка Оренбургского края генерал Дутов? Где Колчак и Юденич? Где, наконец, и сам генерал Акулинин?

Генералы зовут бороться за правду, свет и добро. Слова хорошие, но надо сказать – за какую правду, за какие свет и добро. За дворянские или мужицкие? За рабочие или купеческие? В этом вся суть. Красная армия тоже борется за победу правды и справедливости, но ее правда есть правда рабочая, правда крестьянская, справедливость есть справедливость трудящихся. О какой правде радеют царские генералы, дворяне и банкиры, догадайтесь сами, казаки.

Узкие властолюбцы и себялюбцы, люди, оторвавшиеся от своего родного народа, предатели его интересов, предатели своей страны, люди, не могущие свыкнуться с мыслью, что русский народ в холопское ярмо загнать больше нельзя, продолжают еще мешать России строить новую жизнь.

Но спор их с народом, спор труда с капиталом, историей взвешен и разрешен...

Победит труд и победит навсегда
Илецкая защита.

15-го ноября 1919 г.» [60, с. 181–184].

Это воззвание вполне может считаться примером эффективной пропаганды. Неосведомленный читатель мог поверить всему, что изложено, тем более, что многие доводы трудно оспорить. Однако Акулинин, как мы знаем, царским генералом не был, а оторвавшимся от народа, будучи выходцем из простых казаков, считаться мог не в большей степени, чем его оппонент. Фрунзе успешно использовал здесь патриотическую риторику, которая могла привлечь казаков. При этом он не обмолвился ни словом об идее мировой революции, горячим сторонником которой был, а говорил исключительно о возрождении России и в том числе о борьбе с иностранными союзниками белых. Кроме того, он воспользовался промахами самого Акулинина, допущенными в его приказе (в частности, призыв генерала продолжать голодную блокаду советского центра) и незнанием Акулининым советских реалий осени 1919 г.

По показаниям командира 1-го Оренбургского казачьего артдивизиона 1-й Оренбургской казачьей дивизии войскового старшины Н. Извозчикова, данным в советском плену 1 марта 1920 г., «в виду отсутствия наступления красных со стороны Актюбинска и Илецка и проявлен[ной] ими 18/X-19 г. активности со стороны Темира, дивизия оттянута в район г. Уила» [15, л. 65]. В связи с отсутствием связи со штабами Илецкого и I Оренбургского корпусов, нехваткой боеприпасов, а также слабой разведкой дивизия в октябре 1919 г. действовала без особых успехов.

В итоге 11 ноября 1919 г. уральским командованием I Оренбургский казачий корпус был расформирован, а его части направлены на фронт под Лбищенск. В Уиле из всего корпуса был оставлен лишь Оренбургский дивизион (командир – полковник Исаенко). Один из офицеров дивизиона, И.А. Ширяев, впоследствии вспоминал, что дивизион был оставлен за несколько сотен верст от основных сил Уральской армии без надежды на получение продовольствия

и подкреплений. Жалование никому не платили. Довольствие заключалось в 3/4 фунта мяса и 1 фунте черной не сеяной муки в сутки, чай и сахар не выдавался [62]. 14 ноября Уил был занят красными, а оренбуржцы и казахи отошли на Кызыл-Кугу [5, с. 152].

К наступлению холодов в войсках не имелось зимнего обмундирования. Среди казаков началась эпидемия тифа, и вскоре количество заболевших превысило количество оставшихся в строю. Единственные радостные новости изредка приходили с юга России об успехах войск Деникина, наступавших на Москву.

После расформирования I Оренбургского казачьего корпуса генерал Акулинин, оставшись без должности и, не имея точного представления о положении дел у Деникина, выехал на Северный Кавказ, чтобы привлечь внимание южнорусского командования и руководителей казачьих войск Юга России к урало-оренбургскому фронту.

Недоброжелатели Акулинина говорили о том, что перед отъездом он будто бы даже организовал заговор против уральского командования. Один из мемуаристов писал: «Пришлая публика пыталась всеми силами уйти к Деникину и тем отделиться от казаков. По этому поводу среди пришлых образовался целый союз – заговор о переходе к Деникину. Главой этого союза был генерал Акулинин. Он, как корпусной командир, явился с апломбом, но на него не обратили внимания... у Акулинина образовался из корпуса только дивизион, а остальное все было неблагонадежно или были беженцы с семьями... он поехал к Деникину, где после появилось в прессе освещение положения фронта в Сибири, со слов только что прибывшего оттуда «авторитетного среди казаков генерала Акулинина». Это сообщение я читал в следующем духе.

Будто сам командир корпуса, генерал Акулинин, после неудач южной сибирской армии, бросился вперед с небольшим передовым отрядом на соединение с уральскими казаками. После его отъезда Сибирская армия оправилась, пополнилась, усилилась и повела снова наступление к Ташкентской железной дороге, выслав по приказанию

генерала Акулинина вперед его отряд. Этот отряд захватил станцию Джурун, г. Темир, прервал сообщение по Ташкентской дороге, оставил на ней гарнизоны до подхода южной армии, а сам пошел к Гурьеву на соединение с генералом Акулининым. Он нас (речь идет о проэсеровском Волжском конном дивизионе. – А.Г.) присоединил к себе. Акулинин хорошо знал Фортунатова по Уфимскому государственному совещанию, поэтому заставить его замолчать врать было невыгодно. Умалчивая о его вранье, мы, тем самым, становились его союзниками. В Гурьеве ему верили, он опирался на радио противника, доносящее о своей неудаче – не верить было нельзя, так как нечем было объяснить такое политическое сообщение противника. Об этом известно было и в штабе Деникина, почему он там явился авторитетом. Уезжая, он разговаривал с Фортунатовым. Финютин (личность не установлена, возможно, один из офицеров Волжского конного дивизиона – А.Г.), понимая, что Акулинин удирает к Деникину и заручается данным[и], необходимыми для поддержания своего авторитета, понял, что не стоит ему мешать врать, а, наоборот, стал просить напомнить там и о нас, чтобы и нам можно было туда перебраться. Акулинин милостиво обещал и с тем уехал. Вот образчик проходимства здешних «авторитетных среди казаков генералов». Таким образом, стали и мы членами заговора об отделении от Уральского правительства» [19, л. 20–20 об.]. Точка зрения эсеров понятна, однако данные о якобы имевшем место заговоре Акулинина звучат неубедительно.

Наилучшим видом помощи генерал считал присылку казачьих частей для совместных действий с уральцами по освобождению Уральска и Оренбурга. Свой план Акулинин держал в тайне, о нем знал лишь войсковой старшина И.Н. Пивоваров (в прошлом – начальник штаба у Акулинина в I Оренбургском казачьем корпусе), находившийся для связи при штабе Уральской армии. Иван Григорьевич через Форт Александровский выехал на Кавказ, но к моменту его приезда войска Деникина оказалась в трудном положении и на помощь рассчитывать уже не приходилось. Генерал

Акулинин остался у Деникина и представлял оренбуржцев на Верховном Круге Дона, Кубани и Терека в Екатеринодаре в январе 1920 г. [38, с. 4; 58, с. 99].

Вместе с Акулининым на Кавказ выехала целая группа оренбургских казаков, впоследствии ушедшая с ним по Военно-Грузинской дороге в Грузию. Казаки были интернированы в Потти, а потом перебрались в Крым, к П.Н. Врангелю [3, с. 152; 4, с. 147].

Судьба оставшихся в Восточном Прикаспии оренбуржцев и уральцев была трагичной. В результате падения Гурьева (5 января 1920 г.) под ударами 4-й советской армии Уральская Отдельная армия, куда, как уже говорилось, были включены и оренбургские казаки из состава I Оренбургского казачьего корпуса, оказалась прижатой к замерзшему Каспийскому морю. Во избежание окружения и уничтожения, командующий армией атаман Владимир Сергеевич Толстов повел войска (всего до 15 000 человек) по пустынному восточному берегу Каспийского моря на юг. Вместе с уральцами отходил и оренбургский отряд полковника Чулошникова [7, л. 72].

Оренбургский дивизион, чтобы не потерять связь с Уральской армией, отошел сначала в район Доссорских нефтяных промыслов, а затем в начале января 1920 г. соединился с частями армии возле Жилой Косы – рыбацкого поселка на берегу Каспия. При отходе из района Кызыл-Куги дивизион был неожиданно атакован казаками, которые, видя успехи красных, переметнулись на их сторону, предав казаков. В ход было пущено как раз то оружие, которое казахи получили в Уиле от оренбуржцев. Не зная о предательстве казахского правительства, в Кызыл-Кугу вскоре прибыл командир Илецкого корпуса Уральской армии генерал-лейтенант В.И. Акутин со своим штабом. 27 декабря 1919 г. казахи, которые с середины декабря вели переговоры с красными [25, с. 370; 27, с. 369], на рассвете неожиданно напали на штаб корпуса и захватили его, генерал Акутин попал в плен [32, с. 133]. В Кызыл-Куге было захвачено около 500 офицеров и казаков, 15 пулеметов и орудие. Пленные офицеры были переданы штабу 1-й армии.

Первоначально планировалось переправить войска на Кавказ из Жилой Косы, однако в связи с тем, что море возле поселка замерзло на 30–40 верст, это оказалось невозможным и пришлось отступить дальше, оставив в Жилой Косе много больных и раненых (в том числе оренбургских казаков). Невозможно оказалось и передвижение на санях. Саннный путь по морю от Гурьева до Форта Александровского занимал всего два с половиной дня, однако, как писал участник похода Генштаба полковник М.И. Изергин, «к нашему полному неблагоприятию переживаемая зима до сих пор по крайней мере была теплой. Тем не менее, мы не теряли надежды на то, что придут рождественские морозы, которые откроют дорогу по льду» [61, с. 67].

Оренбургский дивизион, отступая, прикрывал правый фланг Уральской армии. Во время пребывания в Жилой Косе всем казакам дивизиона было выдано по 30 фунтов муки на месяц [63]. Кстати, с оренбургскими казаками вместе со своими тремя сыновьями, служившими в армии, шел семидесятичетырехлетний старик-участник похода на Хиву в 1873 г., который уже проходил по этим гиблым местам из Красноводска в Оренбург за 47 лет до этого [63].

От Жилой Косы на тысячу верст до самого Форта Александровского почти не было населенных пунктов, что создавало угрозу голода для армии. По этой причине красные и не преследовали казаков. Однако казахи (местное население) нападали на отдельные группы казаков, грабили и убивали их. Дорога шла возле моря с изрезанной многочисленными лиманами береговой линией, что сильно затрудняло движение.

В начале января для этого района характерен сильный ветер с метелью и 40° мороз. Люди начали замерзать. В числе первых замерз командир Оренбургского дивизиона полковник Исаенко. Спасаясь от ветра, казаки прятались под фургонами, грелись возле верблюдов или выкапывали специальные ямы. Подобные нечеловеческие условия ожесточали людей. Например, когда в яме, вырытой для защиты от ветра, замерзал один казак, его тело, еще даже с признаками жизни, тут же выбрасывали, а освободившееся место занимал другой.

Питьевую воду добывали, растапливая в котелках на огне лед, а пищу готовили, бросая в котелки куски теста.

Как вспоминал уральский казачий офицер, войсковой старшина П.А. Фадеев, «по пути мы увидели злополучный лагерь оренбургской сотни. Там было все мертво, все занесено снегом. Кое-где лишь выбивался из-под снега конский хвост, развеваемый ветром или торчали ноги в сапогах. Сколько из них спаслось по чужим кошарам? – неизвестно!» [18, л. 35].

Многие участники событий и историки были склонны обвинять Войскового атамана Уральского казачьего войска и командующего Уральской армией генерала Толстова в том, что он своевременно не решил вопросы снабжения своей армии провиантом и теплой одеждой, в результате чего потери от голода и холода в войсках были велики [8, с. 189; 61, с. 56]. На самом деле эти обвинения в значительной степени необоснованны.

Среди документов начальника гарнизона Форта Александровского, хранящихся в ГА РФ, мне удалось обнаружить записи нескольких радиogramм, посланных из штаба генерала Толстова начальнику гарнизона Форта полковнику Кабанову. Содержание этих радиogramм позволяет частично снять с атамана Толстова вышеуказанные обвинения.

В срочной шифрованной радиogramме полковнику Кабанову № 334 от 26 декабря 1919 г. В.С. Толстов указывал: «Примите самые срочные меры к сформированию обозов верблюжьих с мукой, сеном и высылки разведки в направлении форт – Уил и кружным путем форт [–] прорва, так как этими путями идет много беженцев, особенно илецких, перед расходами не стойте, нельзя дать гибнуть тысячам женщинам и детям. Как только разведчики выяснят направление идущих беженских обозов, немедленно навстречу высылайте транспорты. В[ойсковой] атаман и командарм – ген[ерал]-майор Толстов»²⁸ [17, л. 14].

Из радиogramмы следует, что перед войсками и вместе с ними на Форт Александровский двигались значительные мас-

сы беженцев, которые также нуждались в обеспечении продовольствием и одеждой, и что уральское командование предпринимало меры в данном направлении. Полковник Кабанов, в свою очередь, приказал 3 особой казачьей сотне произвести из Форта разведку пути для устройства этапной линии до поселка Заворот в 320 верстах от Форта. «Вам необходимо добыть сведения о состоянии фуража, довольствия сопровождающих Вас казаков, а также сведения возможно ли приобрести ломы, пещни, железные печи и теплую одежду. Относительно разведки Вам надлежит разузнать состояние дорог, колодцев, нахождение аулов и построек, настроение жителей; на Завороте необходимо узнать состояние жилых помещений; складов, количества топлива...», – говорилось в приказе [17, л. 1–1об.].

Как выяснилось, на Завороте имелось 6 барачков (амбаров), 2 деревянных жилых помещения и 2 землянки, в которых жили казахские семьи. Казахи ушли после погромов, совершенных красными матросами весной 1919 г., причем, по данным разведки, «к русским относятся боязливо, ожидая всякого рода насилий» [17, л. 56]. На всем пути от Форта до Заворота не было жилья, кроме случайных кибиток кочевников.

Путь от Форта до Заворота получил название Каспийская военная дорога, начальником которой стал полковник Бородин, с подчинением ему всех этапных пунктов этой линии. Полковник Бородин сразу потребовал организовать на Завороте переотправку беженцев в Форт, поставить кибитки, отделить больных от здоровых и прислать на Заворот врача. На этом требовании полковник Кабанов с некоторой долей раздражения написал: «Где же взять врача, если его нам никто здесь не припас? О кибитках к[оманди]р сотни в разведке добудет сведения и договорится с киргизами, если только они сидят в аулах на пути Форт – Заворот» [17, л. 100].

От Форта на 320 верст до поселка Заворот, по приказу помощника атамана Толстова, отправленному из Гурьева по радио 2 января 1920 г., была организована этапная линия. Через каждые 50 верст возле источников воды было заранее заготовлено по три кибитки с продовольствием и фура-

²⁸ Сохранена орфография оригинала.

жом и по десять верблюжьих арб. При битках должны были находиться два воинских чина и один надежный казах [17, л. 31 об.]. Эта мера значительно облегчила положение армии на последнем этапе похода. И если она не смогла предотвратить потерь от голода, то это было вызвано тем, что командование Уральской армии не могло представить заранее масштабов предстоящей катастрофы, а также не имело достаточно времени и возможностей для более успешной организации снабжения.

В самом Форте имелись значительные запасы продовольствия, сведения о которых известны из отчета о количестве принятых грузов с кораблей в склады города 30 декабря 1919 г. Только с четырех транспортов было тогда выгружено несколько тысяч мешков муки, пшеницы, ячменя; запасы риса, колбасы, масла, макарон, капусты, томатов [17, л. 89].

После двухмесячного похода до Форта дошло не более 3 тысяч человек из 15 (по некоторым подсчетам, до 75 % дошедших было обморожено), остальные погибли в пути от мороза, тифа и голода. Среди дошедших были казаки Оренбургского казачьего дивизиона (42 человека) и бойцы Оренбургской пулеметной команды (24 человека) [58, с. 23].

Для оказания помощи оставшимся в живых предпринимались меры по присылке врачей с Северного Кавказа в Форт Александровский (в итоге прибыл лишь доктор Чанпалов из Минеральных вод). Из Форта Александровского остатки армии предполагалось перевезти на Северный Кавказ, контролировавшийся войсками А.И. Деникина.

Относительно эвакуации начальник гарнизона Форта Александровского сообщал 13 января 1920 г. в порт Петровск на западном берегу Каспия (ныне – Махачкала), что «женщины, дети и старики могут следовать [в] Энзели, все мужчины от 17 до 42 лет должны направляться [в] Петровск. Казаки и Уральское имущество должны безусловно идти [в] Петровск...» [17, л. 73].

Однако в связи с тем, что войска Деникина вынуждены были в конце марта оставить Петровск, на Кавказ удалось переправить только раненых, больных и обморо-

женных. Казаки Оренбургского дивизиона были в числе эвакуированных, так как большинство из них было обморожено. Они попали во Владикавказ, где оставались, за некоторым исключением, до прихода красных.

Сохранились воспоминания очевидца о прибытии эвакуированных казаков в Петровск: «Большинство доставленных уральцев (среди прибывших были и оренбургские казаки. – А.Г.) было в ужасном состоянии: обмороженные поголовно, многие уже полутрупы, с омертвевшими или же отвалившимися конечностями. Картина, которую мне пришлось видеть при выгрузке этих несчастных, не поддается никакому описанию» [8, с. 189]. Около 1900 человек осталось на восточном берегу Каспия, так как Петровск был 30 марта занят красными. Известия об отступлении Деникина были неожиданной новостью, до этого казаки знали лишь об успехах белых на юге и допускали даже мысль о занятии ими Москвы [63]. Нам неизвестно, оставались ли в Форте оренбургские казаки после окончания эвакуации, но судьба оставшихся уральских казаков была трагична.

Командующий Туркестанским фронтом красных М.В. Фрунзе телеграфировал командованию красной Волжско-Каспийской флотилии: «Форт Александровский занят остатками отдельной Уральской армии Толстова. Туземные племена (имелись в виду казахи. – А.Г.) ведут борьбу, прося поддержки через степного комиссара. Ввиду чрезвычайной трудности подать помощь с сухопутья прошу сообщить, когда и какими средствами сможете оказать помощь» [31, с. 112]. Помимо уничтожения уральцев, красных интересовал захват уральской войсковой казны (около 130 пудов или свыше 2100 кг серебра), находившейся в Форте.

4 апреля возле Форта произошел морской бой между эсминцем «Карл Либкнехт» и истребителем «Зоркий», со стороны красных, и канонерскими лодками «Милютин» и «Опыт» со стороны белых. Силы были неравными. Два 100-мм орудия «Карла Либкнехта» были более дальнобойными по сравнению с тремя 75-мм орудиями, которые имели корабли белых [10,

с. 46]. Соответственно, красный эсминец мог маневрировать и обстреливать корабли белых вне зоны досягаемости их снарядов. В результате двухчасового боя «Милютин» (который получил попадание в корму) и «Опыт», предназначавшиеся для эвакуации казаков из Форта, были вынуждены прекратить бой и уйти в Баку, увезя с собой часть войсковой казны (48 пудов серебра или около 770 кг) [32, с. 140]. На следующий день в Форте был высажен десант с кораблей красной Волжско-Каспийской флотилии. Оставшимся в Форте частям красными был предъявлен ультиматум о капитуляции, в случае принятия которого всем сдавшимся гарантировалось сохранение жизни. Большинство казаков, обессиленных в результате тяжелейшего похода, приняло ультиматум.

Красным сдались 2 генерала, 70 офицеров и 1088 нижних чинов. Была захвачена и значительная часть войсковой казны (80 пудов серебра или около 1300 кг) [27, с. 370]. 214 казаков и гражданских лиц во главе с атаманом В.С. Толстовым накануне сумели вырваться из Форта и уйти на юг – к границам Ирана²⁹. Сдавшиеся в плен под большевистские гарантии генералы Г.К. Бородин и С.Е. Толстов – отец атамана, – были вскоре расстреляны, сведения о судьбе остальных сдавшихся пока неизвестны [32, с. 140].

Очевидец писал: «Как ты пустынна и голодна, степь! Сколько ты поела молодых жизней! Из тысячей, вошедших в твою пасть, вышли только десятки. Эти лучшие люди, столько боровшиеся за вековую славу своего Войска, участники многих вели-

ких боев, принесли свои головы сюда для того, чтобы закопать их под твоими снегами и не видеть опозоренной родины. Да поможет вам вечный покой и вечная слава, рыцари!» [63].

В своей книге Акулинин писал, что при эвакуации Северного Кавказа отдельные группы уральских и оренбургских казаков попали в Грузию, откуда небольшая часть оренбуржцев во главе с ним переехала в Крым к Врангелю, где и оставалась до эвакуации в ноябре 1920 г. [3, с. 152]. Акулинин в июне 1920 г. устроился на службу в отдел генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего [11, с. 10; 21, л. 50]. Начальником штаба армии Врангеля был старый боевой товарищ Акулинина еще по японской войне генерал П.Н. Шатилов. Не исключено, что именно протекция последнего помогла Акулинину при устройстве на службу.

10 октября (27 сентября) 1920 г. Акулинин совместно со своим однокашником по академии генералом Н.П. Калининным должен был быть командирован в Польшу [44, л. 446]. Цель командировки неизвестна, но нетрудно предположить, что Акулинину было поручено принять участие в организации 3-й Русской армии, в составе которой формировались казачьи части, в том числе Оренбургский казачий полк. Однако Акулинин никуда не поехал. Уже 7 октября ему была предложена должность штатного преподавателя военных наук Атаманского военного училища, и 13 октября кандидат дал свое согласие на это назначение [44, л. 494, 505].

Все оренбургские казаки приказом главнокомандующего Русской армией № 174 от 20 сентября (3 октября) 1920 г. были зачислены во 2-й Астраханский казачий полк³⁰. За короткий срок своего нахождения в Крыму генерал Акулинин сумел подготовить к печати первоначальный вариант своего очерка об оренбуржцах. Материал был сдан в октябре 1920 г. в сева-стопольскую типографию и достался большевикам [3, с. 22].

²⁹ Российской миссией в Персии было зарегистрировано 134 человека, пришедшие с Толстовым в мае 1920 г. (ГА РФ. Ф. Р.-4738. Оп. 2. Д. 226. Л. 1–5; публикацию документа см.: Уральские казаки в Персии / Публ. А.В. Ганина // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2011. № 19. С. 127–132). Впрочем, этот список не учитывает группы, отделившиеся от отряда Толстова – отряды генерал-майора В.И. Моторного (34 офицера), полковника Т.И. Сладкова (13 человек), капитана Решетникова (17 человек) и полковника Еремина. Отряд Моторного был захвачен красными (подробнее см.: Орлов Н.В. Поход уральцев и его герои. По воспоминаниям одного из них // Луч Азии (Харбин). 1940. № 66–2. С. 6–7; а также [32; 58].

³⁰ Сведения любезно предоставлены канд. ист. наук О.О. Антроповым (Москва).

Акулинин эвакуировался из Крыма на французском пароходе «Сегед» в ноябре 1920 г. вместе с другими офицерами отдела генерал-квартирмейстера штаба Главного командующего Русской армией, в котором он служил с июня 1920 г. «Сегед» являлся угольщиком, не приспособленным для перевозки людей, однако, несмотря на это, на корабль удалось погрузить 2475 беженцев.

Даже для здоровых людей эвакуация прошла очень тяжело, прежде всего, из-за тесноты, большой скученности, паразитов и отсутствия света. А когда корабль 29 ноября 1920 г. прибыл в порт Дубровник Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), на его борту уже имелось шестеро больных инфекционными заболеваниями. Сербские власти потребовали выдержать пароход в карантине 21 день, но такое требование могло привести к настоящей эпидемии на судне, поэтому все же решено было отменить карантин и высадить беженцев на берег. К утру 6 декабря высадка была окончена.

На этом Гражданская война для Акулинина завершилась. Путь его в ней ока-

зался необычным. Генералу довелось участвовать в событиях войны на трех антибольшевистских фронтах – оренбургском, уральском, а также на Юге России. Причем на первых двух он играл руководящую роль. Отправившись на Юг России, Акулинин избежал тяжелой участи ветеранов армии Дутова, прошедших трагический Голодный поход при отступлении в Семиречье, унылое пребывание в лагерях на территории Западного Китая и дальнейший исход под ударами вошедших на китайскую территорию частей красных в Монголию. В этом смысле начало беженского существования Акулинина было достаточно благополучным. Более того, как единственный в Европе генерал-оренбуржец, он приобрел неплохие стартовые позиции для занятия видного положения в общественной жизни казачьей эмиграции. Как и большинство участников Белого движения, Акулинин на протяжении многих лет мечтал о возвращении на родину и о реванше за поражение в Гражданской войне.

Статья поступила 01.06.2015 г.

Библиографический список

1. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Управление и воинская повинность оренбургского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. Челябинск, 1997.
2. Айрапетов О.Р. Русская армия на сопках Маньчжурии // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 64–82.
3. Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937.
4. Акулинин И.Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. Кн. 2. Берлин, 1927.
5. Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994.
6. Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University, HIA). Denisov collection. Box 3. Folder 11.
7. Архив Дома Русского Зарубежья. Ф. 1. А-121. Л. 72.
8. Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив русской революции. Т. 9. Берлин, 1923.
9. Блюм Н.Я. Кавалерийский бой под поселком Бегалинским // Сборник воспоминаний непосредственных участников Гражданской войны 1918–1922. Кн. 2. М., 1932. С. 145–149.
10. Варнек П.А. К вопросу об эвакуации уральских казаков из Форта Александровск // Военная быль (Париж). 1966. № 79.
11. Волков С.В. Белое движение: Энциклопедия гражданской войны. М.; СПб., 2003.
12. Воробьев В.Ф. Оборона Оренбурга (апрель – май 1919 г.). М., 1938.
13. Гоппер К.[Я.] Четыре катастрофы: воспоминания. Рига, 192.
14. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 23.
15. Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 199. Оп. 3. Д. 380.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-148. Оп. 4. Д. 104.
17. ГА РФ. Ф. Р-4131. Оп. 1. Д. 5.
18. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 696.
19. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 804.

20. ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70.
 21. ГА РФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 52.
 22. ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7.
 23. Гражданская война в Оренбуржье (1917–1919 гг.). Док. и мат. Оренбург, 1957.
 24. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987.
 25. Движение Алаш. Сб. док. и мат. Т. 2. Алматы, 2005.
 26. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 2. Сентябрь 1919 г. – декабрь 1920 г. Алма-Ата, 1964.
 27. История гражданской войны в СССР. М., 1959. Т. 4.
 28. Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002.
 29. Ленин В.И. Военная переписка 1917–1922 гг. М., 1987.
 30. Лисовский Н.К. Разгром дутовщины. М., 1964.
 31. Маковский А., Радченко Б. Каспийская краснознаменная. М., 1961.
 32. Масянов Л.[Л.] Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк, 1963.
 33. Машин М.Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984.
 34. Н. У генерала И.Г. Акулинина // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 132. 12.07. С. 2.
 35. Огородников Ф.[Е.] Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938.
 36. Оренбургский казачий вестник. 1917.
 37. Оренбургский казачий вестник. 1918.
 38. Протоколы заседаний Верховного Круга Дона, Кубани и Терека с 4-го по 30-е января 1920 года. № 1–17. Екатеринодар, 1920.
 39. Протоколы 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского. Троицк, 1919.
 40. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1357.
 41. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 6. Оп. 4. Д. 582.
 42. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1117.
 43. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124.
 44. РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125.
 45. РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1.
 46. РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1.
 47. РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 7.
 48. РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 2.
 49. РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 5.
 50. РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 7.
 51. РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 18.
 52. РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24.
 53. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 26.
 54. РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 5б.
 55. РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17.
 56. РГВА. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 4.
 57. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1788.
 58. Толстов В.С. От красных лап в неизвестную даль (поход уральцев). Константинополь, 1922.
 59. Фролов Н.С. На стыке Европы и Азии // За Советский Туркестан. Ташкент, 1963.
 60. Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое: публицистика, мемуары, документы, письма. М., 1991.
 61. Чельшев Е.П. Уральская катастрофа. М., 1996.
 62. Ширяев И.[А.] До Александровского форта. Воспоминания казака-оренбуржца // Казачьи Думы (София). 1923. 15.11. № 13. С. 3–4.
 63. Ширяев И.[А.] Указ. соч. // Казачьи Думы. 1923. 30.11. № 14. С. 4.
 64. Эрвэ. Генерал И.Г. Акулинин // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 103. 05.06. С. 2.

Сведения об авторе

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, редактор журнала «Родина» (Москва), 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, тел.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Ganin Andrei Vladislavovich, Doctor Hab., Senior Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Editor of the journal “Rodina”, Moscow, 119991, Russia, Moscow, Leninskii prospect, 32-A, tel.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: andrey_ganin@mail.ru

УДК 94 (47). 084. 6

**ПАСЫНОК РЕВОЛЮЦИИ. ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА В ЖИЗНИ
СИБИРСКОГО ПАРТИЗАНА В.Г. ЯКОВЕНКО**

© А.П. Шекшеев

В статье рассказывается о судьбе В.Г. Яковенко, ставшего во время революции 1917 г. большевиком, а в условиях Гражданской войны возглавившего движение сибирских партизан на севере Канского уезда Енисейской губернии. Выдвинутый на работу Наркомом земледелия в ленинском правительстве, он вырос до управленца всероссийского масштаба, но во время «большого террора» погиб в застенках НКВД.

Ключевые слова: власть, восстания, допросы, коммунисты, контрреволюция, оппозиция, партизаны, показания, правительство, правые, расстрел, реабилитация, репрессии, центр.

**STEPSON OF THE REVOLUTION. THE LAST PAGE IN THE LIFE
SIBERIAN PARTISAN V. YAKOVENKO**

© А.Р. Sheksheev

This message covers the life of V.G. Yakovenko, who became during the revolution of 1917 Bolshevik, and in the Civil war who led the movement of Siberian partisans in the North of Kan County Yenisei province. Nominated for work as the Commissar of agriculture in Lenin's government, he rose to Manager of the all-Russian scale, but during the "great terror" died in the dungeons of the NKVD.

Key words: power, rebellion, the questioning, the Communists, the counter-revolution, the opposition, the guerrillas, evidence, government, right, shot, rehabilitation, repression, centre.

Ярким представителем сибирского крестьянства, вошедшим в политическую элиту советского государства, являлся Василий Григорьевич Яковенко. Жизнь и деятельность этого человека, особенно в качестве вождя североканских или тасеевских партизан и государственного деятеля, получили существенное освещение в очерковой, научно-справочной литературе и научных трудах [7, с. 112–121; 8, с. 141; 9, с. 5–19; 4, с. 264–268; 5, с. 171–172; 6, с. 713; 16, с. 597; 17, с. 118–133].

Между тем некоторые страницы жизни этого человека по-прежнему остаются малоизвестными широкому читателю. Такой, к примеру, являлась длительное время и кончина В.Г. Яковенко, к освещению которой мы и обращаемся в очередной раз, используя новые материалы. Причем делаем мы это, впервые предоставляя его предсмертную фотографию и подробное описание имевших место событий, сохранив-

шихся в чекистских документах. Текст и фотография были получены автором от Г.Н. Петрова (Пашнева) – уроженца с. Тасеево Красноярского края, выпускника Московского государственного университета и строителя БАМа. Он является с 1980 г. членом Союза журналистов СССР (РФ) и затем Союза писателей России, а также московского общества «Красноярское землячество». Будучи горячим подвижником изучения жизни своего знаменитого земляка, Петров сумел познакомиться с делом Яковенко в Центральном архиве ФСБ Российской Федерации и персональным делом данного коммуниста в Российском государственном архиве социально-политической истории. Фотография приводится здесь в сопоставлении с известным фотопортретом Яковенко, сделанным во время его бурной молодости.

Как известно, с бывшими партизанскими вождями, пережившими своё время, но

В.Г. Яковенко

склонными к конфронтации с властью, новые сталинские кадры, равно как и с оппозицией в Красной армии, расправились в 1937–1938 гг. По созданному ими делу мифического Союзного контрреволюционного центра правых, возглавляемого Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и др., были репрессированы и сам В. Г. Яковенко, и его идеологические оппоненты из партизанского лагеря. Сохранившиеся документы рассказывают об этом следующее.

9 февраля 1937 г. прибывшие на квартиру Яковенко в московском правительственном доме под номером 3 на улице Грановского чекисты из Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР сержант Коваленко и сотрудник для поручений оперативного отдела Голубев предъявили ордер за № 223 на производство ареста и обыска. В протокол обыска были занесены конфискованные паспорт, партийный билет, значок «ВЦИК РСФСР», медицинская карточка, три охотничьих ружья, патроны к ним, порох, гильзы от нагана, бинокль, один тюк переписки, четыре папки рукописей, пишущая машинка, портмоне с 56 рублями, шарф, галстук, запонки и пр. В этот документ и квитанцию на конфискованное имущество не вошли несколько сот книг и брошюр из вывезенной личной библиотеки Яковенко [10].

Подвергнутый аресту, он был помещен во внутреннюю тюрьму Главного управления госбезопасности на Лубянке.

Уже выступая 23 февраля 1937 г. на Февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б), Нарком внутренних дел Н.И. Ежов заявил следующее: «Хочу остановиться, товарищи, на позиции правых, на деятельности правых в их отношении с эсерами и, в частности, хочу остановиться на их отношении к кулацким восстаниям. На основе материалов следствия, которыми мы сейчас располагаем, должен прямо сказать, что правые своим сторонникам на местах давали прямые указания относительно того, что в случае деревенских восстаний, которые, они предполагали, будут широко развернуты в 1930–31–32 гг., чтобы не остаться в стороне от этих движений, мы должны возглавить эти движения. Из тех фактов, которые вам известны, я не буду их повторять, я только хочу сказать следующее, что в 1930–31 гг. по показаниям арестованного ныне известного Яковенко, партизана... (Голос с места. Наркомзем что ли? Молотов. Не все вы знаете). Да, совершенно верно. Так вот этот самый Яковенко в своих показаниях говорит о том, что в 1930–31 гг. он имел неоднократные беседы с Бухариным, высказывал свое несогласие с политикой партии в деревне, считал, что в вопросе коллективизации партия особенно ошибается, считал неизбежным кулацкие восстания, считал нужным ввести эти кулацкие и иные восстания в какое-то организованное русло. Бухарин его усиленно поддерживал. Когда он сообщил Бухарину, что имеет связь [...] с сибирскими партизанами [...], то] был образован партизанский центр. Сам Яковенко более или менее регулярно осведомлял Бухарина, что он имеет возможность организовать восстание в некоторых районах Западной Сибири, Красноярского края, Восточной Сибири. Бухарин тогда высказал такую мысль: что если бы успешно удалось организовать восстание, то не исключена возможность, что можно было бы там организовать известную автономию – Сибирское государство, которое бы давило на сталинский режим (смех), помогало бы нам в вопросах колхозной политики. (Ворошилов. Государство в государстве.

Каганович. Вроде как у Колчака). Они ставили вопрос о создании этого государства. Дальше, я, товарищи, не буду зачитывать вам те показания, которые имеются у вас на руках. Я должен сказать, что самое горячее, активное участие во всех таких событиях – затруднение с хлебозаготовками на Кубани, во всех сибирских волынках, самое активное участие, где только можно приложить, правые обязательно принимали как директиву – ввязаться в это дело» [13].

1 апреля Яковенко было объявлено, что он обвиняется по ст. 58-2, 8 и 11 УК РСФСР как активный участник контрреволюционной террористической повстанческой организации в Сибири, действовавшей под руководством Центра правых. Яковенко допрашивали 22 марта, 1 апреля, 29 апреля и 22 июня 1937 г. Уже 22 марта допрашиваемый показал, что, желая изменить деревенскую политику партии, он трижды встречался с Н.И. Бухариным (в конце 1928 г., в июле 1929 г. и в середине декабря 1934 г.). Согласно его свидетельству, на второй встрече, состоявшейся в Кремле, Бухарин «засыпал» Яковенко вопросами о настроениях близких ему людей. После рассказа Яковенко о наблюдениях, сделанных им во время последнего посещения Сибири, он утвердительно ответил и на вопрос Бухарина о сохранившемся у него авторитете среди бывших партизан. «Я рассказал ему далее, – сообщил Яковенко, – что беседы с этими людьми (400 бывших партизан посетили его, когда он был в д. Денисовке Дзержинского района Восточной Сибири) до такой степени их наэлектризовали, что в результате народ, что называется, «рвётся в бой». Подумав, развивал он свои показания, Бухарин заявил ему следующее: «Силища-то огромная, могучая! С нею не считаться никак нельзя! Ежели б тебе удалось направить её в наше русло, то ЦК вынужден был бы с этой силой считаться. Имея за спиной твоих сибирских партизан, мы бы с ЦК по-иному говорили».

На допросе 22 июня 1937 г. Яковенко якобы показал, что его «разговор с Бухариным сыграл роль серьёзного толчка в деле организационного оформления нашей группы». После первой же их встречи под руководством Яковенко в конце 1929 г.

якобы образовался партизанский центр в составе Ф.Я. Бабкина, Н.М. Буды и Рудаковых. «В Иркутске и Красноярске, – продолжал он, – были организационно оформлены областные центры: в Иркутске под руководством Ефрема Рудакова, а в Красноярске – Николая Буды. Это и явилось началом нашей организованной деятельности».

Вынужден был Яковенко признаться и в причастности к последующим событиям в Сибири. В частности, он заявил, что состоявшееся летом 1931 г. в Восточной Сибири антисоветское выступление некоторых бывших партизан, известное как восстание под руководством И.Я. Князюка, готовилось якобы возглавляемой им организацией. Якобы он по поручению Н.И. Бухарина даже выезжал в Сибирь для организации кулацких восстаний в целях отторжения её от Советского Союза. Но непосредственные руководители немного «перегрели» участников этой «контрреволюционной организации», которые «ударили», надеясь в случае неудачи вновь уйти в тайгу [1, л. 7–9; 14, с. 59, 63, 115].

Согласно воспоминаниям жены Н.И. Бухарина А.М. Лариной о встрече в декабре 1938 г. с наркомом Л.П. Берией, полученные в результате следствия показания Яковенко были предоставлены ожидавшему арест Бухарину. Но из «обличений» Яковенко Ларина подтвердила лишь его случайную встречу с Бухариным на даче у её отца в Серебряном бору, которая произошла при следующих обстоятельствах: «Н.И., отец и я сидели на скамейке возле забора. Мы заметили, как по дорожке мимо дачи шел Василий Григорьевич Яковенко, осунувшийся и похудевший, непохожий на себя. Отец знал его близко, Н.И. – отдаленно. Раньше это был здоровый, прямо-таки могучий детина. Крепкий, высокий, красивый сибиряк. И вдруг мы увидели его больного, немощного, опирающегося на палку. Оказалось, у него обнаружили язву желудка в запущенном состоянии и он должен был лечь в больницу (а не поднимать кулацкие восстания). Отец пригласил Яковенко зайти и посидеть с нами. Его мучили боли, и он сидел недолго. Речь шла только о состоянии его здоровья и о видах

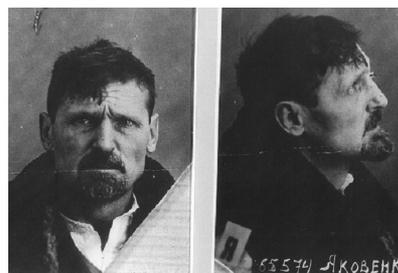
на урожай... Меня потрясли не только сами клеветнические показания Яковенко, но и то, что до ареста Н.И. был ими возмущен, читал мне их вслух, спрашивал, напоминаю ли я этот эпизод, а на процессе подтвердил эти показания, указал и место встречи – Серебряный бор...» [11, с. 184–185].

Подвергшись по решению Февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) аресту, Н.И. Бухарин с июня 1937 г. начал также давать показания. В частности, на допросе 14 июня он сообщил следователю, что бывший руководитель сибирских партизан и Нарком земледелия Яковенко был завербован им лично в 1929 г. и в ответ на вопрос Бухарина о возможностях свержения руководства партии и захвата власти правыми на волне крестьянских восстаний якобы «хвастливо» заявил, что их организация является его «стихией, что он имеет в Сибири свою организацию из бывших партизан», способную к осуществлению такой задачи. На следующей встрече Яковенко будто бы сообщил Бухарину об организации руководящей группы восстания, а тот через некоторое время санкционировал от имени центра правых начать его в ряде районов Сибири.

Другой подследственный по этому же делу А.И. Рыков на допросе 16 июня 1937 г. также свидетельствовал, что Яковенко по заданию их центра с целью подготовки восстания создал в Сибири мощную нелегальную организацию среди бывших партизан, озлобленных политикой ВКП(б) в деревне [14, с. 69–71, 115].

Якобы уличенный этими показаниями, Яковенко вновь признался в создании партизанского центра с филиалами в Иркутске и Красноярске, но еще раз переложил ответственность за организацию восстания 1931 г. на непосредственных его руководителей. К тому времени допрашиваемый в Красноярске еще один в прошлом участник партизанского движения Н.И. Малышев дал показания, уличавшие Яковенко в конкретных действиях по формированию их организации [3, л. 62].

14 июля 1937 г. Яковенко объявили об окончании следствия по его делу, а 25-го – по представлению начальника 8-го отдела

В.Г. Яковенко – последний снимок. Фото из Центрального архива ФСБ РФ

ГУГБ НКВД В.Е. Цесарского на список «Москва-центр», состоявший из 43 человек, предложенных к репрессии по первой категории, Сталиным и Молотовым была наложена резолюция «За». В тот же день его обвинительное заключение по ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР было утверждено прокурором СССР А.Я. Вышинским. Согласно данному документу, Яковенко обвинялся в активном участии в контрреволюционной террористической организации правых, в организации и руководстве «партизанским центром», возглавившим антисоветскую организацию в Сибири [2, л. 73; 15, л. 228].

В 12 часов 29 июля того же года Яковенко предстал перед Военной Коллегией Верховного Суда (ВКВС) СССР под председательством армейского военного юриста В.В. Ульриха, в составе корпусного военного юриста П.Я. Плавнека, дивизионного военного юриста Я.П. Дмитриева и секретаря военюриста 1-го ранга А.Ф. Костюшко. Её заседание в течение 20 минут рассмотрело дело В.Г. Яковенко и приговорило его к высшей мере уголовного наказания – немедленному расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежавшего имущества [15, л. 237].

Многие очевидцы рассказывали о том, что московские расстрелы приговоренных такого уровня производились в подвале дома, стоявшего на углу Варсонофьевского переулка и улицы Большая Лубянка. Есть сведения и о специально для этого оборудованных помещениях в Бутырской тюрьме. Расстреляли Яковенко в тот же день, о чем свидетельствует справка за подписью начальника спецотдела НКВД СССР лейтенанта госбезопасности Шевелева. После сожжения его прах был захоронен директором крематория П. Нестеренко на террито-

рии Донского монастыря г. Москвы [15, л. 238].

Уже после смерти Яковенко его имя, как организатора крестьянских восстаний, упоминалось допрашиваемыми Бухариным и Рыковым на проходившем в марте 1938 г. бухаринско-троцкистском процессе. Так, на вечернем заседании Военной коллегии 3 марта допрашиваемый Рыков сообщил о том, что Яковенко, согласно предложенному Бухариным плану, стремился поднять кулацкие активные выступления и с этой целью посещал Сибирь [12, с. 154–155].

Определением ВКВС от 30 июня 1956 г. В.Г. Яковенко был реабилитирован [2, л. 73].

Среди сибирских партизанских вождей Яковенко был наиболее последовательным и решительно действующим большевиком, снискавшим в народных массах настоящее и большое уважение. Выдвинутый революцией на самый верх государственной власти, он оказался способным управленцем всероссийского масштаба. Но в условиях крепнущего сталинского режима Яковенко погиб, сохранив свое имя в истории.

Статья поступила 15.10.2015 г.

Библиографический список

1. Архив Г.Н. Петрова, выписки из партийного персонального дела В.Г. Яковенко.
2. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Оп. 24. Д. 410. – [Http://stalin.memo.ru/spiski/pg02073.htm](http://stalin.memo.ru/spiski/pg02073.htm)
3. Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю (АУ ФСБ). Д. П. – 4946. Т. 1.
4. Бойцы революции. Красноярск, 1982.
5. Борцы революции : Биобиблиограф. указатель. Красноярск, 1990.
6. Боровец В.С. Яковенко Василий Григорьевич // Енисейский энциклопедический словарь (ЕЭС). Красноярск, 1998;
7. Журов Ю.В. В Г. Яковенко // История СССР. 1969. № 3.
8. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972.
9. Журов Ю.В. Предисловие // Яковенко В. Г. Записки партизана. Красноярск, 1988.
10. Из рукописи Г.Н. Петрова «В.Г. Яковенко: на государственных постах в Москве», переданной письмом автору.
11. Ларина А.М. Незабываемое. М.: Изд-во АПН, 1989.
12. Стенограмма Бухаринско-троцкистского процесса 2–12 марта 1938 г. [Http://www.hrono.info](http://www.hrono.info)
13. Стенограмма Февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1992. № 4–5.
14. Судебный отчет // Материалы / Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР. М., 1997.
15. Центральный архив ФСБ Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Д. Р. – 8174.
16. Шекшеев А.П. В.Г. Яковенко – сибирский партизан, народный комиссар // Вопросы истории. 2013. № 1.
17. Шишкин В.И. Яковенко Василий Григорьевич // Историческая энциклопедия Сибири (ИЭС). Новосибирск, 2009. Т. 3.

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59–49, тел. 83902348583, e-mail: Turan47@yandex.ru

Sheksheev Alexander Petrovich, candidate of historical Sciences, member of the Board of the Khakassian organization Society "memorial", 655017, Russia, Republic of Khakasia, Abakan, Ul. Schetinkina, 59–49, tel.: 83902348583, e-mail: Turan47@yandex.ru

ПАМЯТЬ О НЕМ ВЕЧНА

MEMORY OF HIM LIVES FOREVER

Виктор Михайлович Ветров

11 ноября 2015 года скоропостижно ушел из жизни наш друг и коллега Виктор Михайлович Ветров, заведующий Лабораторией археологии и этнографии Педагогического института Иркутского государственного университета. Виктор Михайлович всю свою жизнь посвятил археологии Байкальской Сибири. В 1975 году он закончил исторический факультет ИГУ, специализируясь по археологии каменного века у профессора М.П. Аксенова. С этого же года Виктор Михайлович начал археологические исследования долины реки Витим, ранее, практически, не изученной. Помимо этих работ В.М. Ветров участвовал и проводил экспедиции в бассейнах оз. Байкал, рек Ангары и Лены, на стационарных объектах Макарово, Поповский Луг и Макрушино в Качугском районе Иркутской области. Но главный его научный вклад – это витимская археология.

В 1991 году Виктор Михайлович защитил кандидатскую диссертацию, посвященную каменному веку Верхнего Витима. Он – первооткрыватель усть-каренгской и усть-юмурченской археологических культур. Открытием мирового уровня стала найденная им в долине Витима усть-каренгская керамика, древнейшая в Байкальской Сибири и входящая в круг самых ранних в мире керамических производств. Ее возраст около 12–11 тыс. л. н. Кроме того, уникальными являются открытые в разные годы захоронения на стоянке Сивакон, ритуальные ямы Усть-Каренги 16, могильник Старый Витим 2. Виктор Михайлович был вы-

дающимся полевым археологом, обладающим подлинным научным чутьем. Собранный им коллекция археологических находок уникальна. Он – автор 95 научных трудов, опубликованных в России, Японии, США, Великобритании, Словении, Австралии. В разные годы учениками В.М. Ветрова были: Е.М. Инешин, О.В. Задонин, Е.В. Башкирова, А.В. Фролов, А.В. Тетенькин, Д.Е. Шергин, П. Хоммел и другие. Виктор Михайлович был награжден медалями «За строительство Байкало-Амурской магистрали», «За сохранение исторической памяти», «За верность профессии», грамотами Министерства образования РФ. В разные годы Виктор Михайлович работал в Иркутском краеведческом музее, Иркутском государственном университете, Иркутском государственном педагогическом институте, в котором создал и до конца своих дней заведовал Лабораторией археологии и этнографии.

Виктор Михайлович остался в сердцах всех, кто его знал, как высоко порядочный человек, безмерно влюбленный в дело всей своей жизни – археологию. Будучи требовательным к себе и к своим коллегам ученым, он был очень тактичным, внимательным и скромным человеком, память о котором навсегда будет с нами.

*А.В. Тетенькин
А.В. Харинский
Е.М. Инешин
Ю.А. Емельянова
Д.Е. Кичигин*

ЖИЗНЬ, ПРЕРВАННАЯ НА ВЗЛЁТЕ**LIFE INTERRUPTED AT TAKEOFF...****Александр Валерьевич Инёшин**

Судьба свела нас, близких родственников, как ни странно, на историческом факультете Иркутского государственного университета. Александр поступил туда не сразу, первый раз он поступал ещё до службы в армии, но не прошёл по конкурсу, второй раз – после армии, так велико было его желание заниматься историей и археологией. Мы встретились с ним, когда он учился на первом курсе, и его подвёл ко мне Олег Задонин, ныне, увы, тоже покойный, откуда то узнав, что среди студентов первокурсников есть человек с такой же, как у меня, фамилией. Мы быстро выяснили степень нашего родства, и Саша выразил горячее желание заниматься историей родного края. Я посоветовал ему заняться археологией Лены (под руководством Олега Задонина). Так и определилось его профессиональное направление.

После окончания в 1989 году Иркутского государственного университета он вернулся в родной город Усть-Кут, где поступил на работу в школу и почти сразу же организовал кружок археологов при Доме пионеров. С тех пор практически каждый год отряды школьников под его руководством ездили в археологические экспедиции Иркутского университета под руководством О.В. Задонина, В.И. Базалийского и Е.М. Инешина. А после поля была работа с материалами раскопок, написание научных докладов, детские научные конференции в Иркутске, Москве, Красноярске. В 2007 году из кружка при Доме детского творчества он создал школьный музей архитектуры и истории края. Сам будучи заражённым научным поиском, он заражал и ребят, которые часто были не

из самых благополучных семей. Но этими экспедициями, занятиями в кружке, походами и слётами он вырывал их из унылой повседневности, зажигал в их душах стремление к чему-то более высокому, светлому.

Он был любим своими учениками и пользовался беспрекословным авторитетом, превосходившим иногда родительский. Сам работал, и его кружок размещался в школе не самого благополучного района Усть-Кута, города с тяжёлой социальной ситуацией, осложнённой наличием на территории города учреждения ИТК. Это был его сознательный и принципиальный выбор. Как-то в разговоре он так сформулировал это: да, постоянно приглашают работать в лицей, но почему я должен работать с благополучными и детьми состоятельных родителей? А кто будет заниматься с другими ребятами? Почему одним всё, а другим ничего? Его преданность делу, честность, принципиальность, справедливость для открытых детских душ были примером, и дети отвечали ему преданностью и любовью.

В своём родном Усть-Куте его деятельность была замечена и по достоинству оценена. В 2008 году он стал победителем конкурса «Лучший учитель года», а в 2009 году получил премию Президента РФ, стал лауреатом премии губернатора. В 2011 году Александру было присвоено звание «Почётный работник общего образования».

Он ушёл из жизни полным планов на будущее. Жизнь прервалась на взлёте...

Е.М. Инешин

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

I. Статья представляется в электронном и в распечатанном виде. Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы.

К статье прилагаются:

1. Экспертное заключение.
2. Название рубрики, в которой должна быть размещена Ваша статья; УДК; название статьи; реферат (аннотация), количество знаков в реферате – не менее 500; ключевые слова (4–5); сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; звание и должность; название учреждения, его адрес; контактный телефон и e-mail (вся информация предоставляется одним файлом).
3. Статья должна иметь личную подпись автора или авторов.

II. Текст статьи, сведения об авторах, реферат, ключевые слова, адрес учреждения, контактный телефон и E-mail должны быть также представлены в электронном варианте в виде файла с расширением *.DOC – документа, построенного средствами Microsoft Word 97 или последующих версий, и распечаткой на стандартных листах формата А4.

При наборе статьи в Microsoft Word рекомендуются следующие установки:

- 1) параметры страницы и абзаца: отступы сверху и снизу – 2 см; слева и справа – 2 см; табуляция – 2 см; ориентация – книжная;
- 2) шрифт – Times New Roman, размер – 14, межстрочный интервал – одинарный, перенос слов – автоматический;
- 3) при вставке формул использовать Microsoft Equation 3 при установках: элементы формулы выполняются курсивом; для греческих букв и символов назначать шрифт Symbol, для остальных элементов – Times New Roman. Размер символов: обычный – 12 пт, крупный индекс – 7 пт, мелкий индекс – 5 пт, крупный символ – 18 пт, мелкий символ – 12 пт. Все экспликации элементов формул необходимо также выполнять в виде формул;
- 4) рисунки представляются в электронном варианте в виде отдельных файлов с названиями p1, p2 и т. д. и должны иметь разрешение не менее 300 dpi, B&W – для черно-белых иллюстраций, Grayscale – для полутонов, с расширением *.BMP, *.TIFF, *.JPG и распечаткой на стандартных листах формата А4. Схемы, графики выполняются во встроенной программе MS Word или в MS Excel, с приложением файлов (представляемые иллюстрации должны быть четкими и ясными);
- 5) библиографические ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05 2008.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 4 (17) 2015

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Выход в свет 10.12.15. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 17,5.
Тираж 500 экз. Заказ 249. Поз. плана бн.

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83